

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ОЛЬГА
ТАЛЬКОВА
ВЛАДИМИР
ТАЛЬКОВ**

**ИГОРЬ
ТАЛЬКОВ**

УБИЙЦА НЕ НАЙДЕН

Annotation

Двадцать пять лет назад трагически оборвалась жизнь талантливого музыканта и поэта Игоря Талькова... Убийца так и не найден и не понес наказания. Будет ли возобновлено «приостановленное» дело? Кто звонил Талькову в день убийства с угрозами? Почему Малахов, из оружия которого был убит музыкант, прибыл с повинной лишь через 10 дней? Получал от кого-то инструкции? Зачем он разобрал и выбросил в Мойку револьвер, если не стрелял из него? Что мешает привлечь к ответу предполагаемого убийцу – Валерия Шляфмана, сбежавшего в Израиль? И кто вообще стоял за организаторами скандала, развернувшегося в петербургском Дворце спорта?

Чтобы понять, кому мешал Игорь Тальков, ставший голосом «обманутого поколения», нужно лишь вдумчиво ознакомиться с его дневниковыми записями и воспоминаниями близких ему людей...

Книга также издавалась под названием «Крестный путь Игоря Талькова».

-
- [Ольга Талькова, Владимир Тальков](#)
 -
 - [Стреляя в Талькова, попали в Россию](#)
 - [О. Ю. Талькова, В. В. Тальков](#)
 - [Испытания](#)
 - [Страна детства\[1\]](#)
 - [Будни и праздники](#)
 - [Героический поступок](#)
 - [К лире тянется рука](#)
 - [Разгадать свою долю](#)
 - [Ретивый комсомолец](#)
 - [Всегда побеждать](#)

- [Полонез Огинского](#)
- [Лидер](#)
- [Уроки жизни](#)
- [Спасательный круг](#)
- [Рыжий](#)
- [Личность](#)
- [Я узнала о его гибели на Украине](#)
- [Сцена - поле боя](#)
- [«Я молюсь за Россию...»](#)
- [Стихи и песни Игоря Талькова](#)
 - [Памяти Виктора Цоя](#)
 - [Кремлевская стена](#)
 - [Стоп! Думаю себе...](#)
 - [«Совки»](#)
 - [Господин президент](#)
 - [Бал Сатаны](#)
 - [Дядин колпак](#)
 - [«Товарищ Ленин, а как у Вас дела в аду?..»](#)
 - [Глобус](#)
 - [Звезда](#)
 - [Этот мир](#)
 - [Друзья-товарищи](#)
 - [Времени нет](#)
 - [«Да» и «нет»](#)
 - [Поздно](#)
 - [Чудак](#)
 - [Уеду!](#)
 - [Призвание](#)
 - [Мой брат](#)
 - [Спорт](#)
 - [Призвание](#)
 - [Собрание в жэке](#)
 - [Мистер «Х»](#)
 - [Правда](#)
 - [Дед Егор](#)
 - [Часть I](#)

- [Часть II. Сон деда Егора](#)
 - [Часть III. Пробуждение](#)
 - [Разве не так?](#)
 - [Всему свое время](#)
 - [Уснувший мир](#)
 - [Странница в ночи](#)
 - [Преданная подруга](#)
 - [У твоего окна...](#)
 - [Три дома](#)
 - [В океане непонимания](#)
 - [Ты опоздала](#)
 - [Замкнутый круг](#)
 - [Фатальная колесница](#)
 - [Праздник](#)
 - [Самый лучший день](#)
 - [Моя любовь](#)
 - [Память](#)
 - [Солнце уходит на Запад](#)
 - [Я тебя люблю...](#)
 - [«Ценю самоотречение...»](#)
 - [Маленькая планета](#)
 - [Метаморфоза](#)
 - [Саквояж](#)
 - [Маленький город](#)
 - [Примерный мальчик](#)
 - [Я вернусь](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Ольга Талькова, Владимир
Тальков
Игорь Тальков. Убийца не
найден**

© Талькова О. Ю., 2016

© Тальков В. В., 2016

Стреляя в Талькова, попали в Россию

Поэт в России всегда пророк. И неважно, какой режим в стране: монархический, коммунистический или, как сейчас, демократический. Но преследует одна жестокая закономерность. Прощаясь с Николаем Рубцовым, последним романтиком великой отечественной поэзии, Виктор Астафьев сказал: «Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная, горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле». Пушкин, Лермонтов, Есенин, Рубцов, Тальков... Поэты национального духа разных столетий и эпох.

Словно молнией поразило в 1991-м, через два месяца, как распался Союз, известие из Петербурга: выстрелом в сердце убит поэт, певец, композитор Игорь Тальков. Хотя предчувствия, что с ним может случиться беда, не покидали. Когда в эфире впервые прозвучала его «Россия» («Листая старую тетрадь расстрелянного генерала...»), поначалу подумалось: может, эта песня всего лишь случайность в репертуаре артиста, который так запомнился лирическими «Чистыми прудами». Но следом появились «Бывший подъесаул», «Родина моя», «Я вернусь» – гражданские, философские, воинствующие песни, и стало ясно, что на эстраду пришел национально мыслящий певец, способный пробуждать самосознание масс. Явление в среде рок-музыкантов невиданное. Это-то и предопределило неминуемую расправу над ним. Сам певец не скрывал своего назначения: «Мне бы только себя излить в песне, душу свою, боль за русский народ...»; «Россия – боль

моей души. Социальные песни – крик моей души. Бой за добро – суть моей жизни. Победа над злом – цель моей жизни».

Хорошо известно, как трудно пробиться у нас таланту, тем более истинно народному; сколько преград, препонов на пути к его признанию:

Сцена,
А дорогу к тебе преграждала нечистая сила,
И того, кто ей душу запродавал, – превозносила.
Раздавая чины и награды
Тем бездарным, пронырливым гадам,
Настоящих и неподкупных сводила в могилу.

Игорю Талькову суждено было нести истину в народ со сцены, утверждая высокие понятия правды, любви и вечности. Лишь неполных три года, с 1989-го по 1991-й, продираясь «сквозь дремучие джунгли закона», поверял он ей все, чем болела душа. И воздействие на массы было ошеломляющим. Сохранились видеозаписи концертов Игоря Талькова. С каким вниманием, сопереживанием, с какими одухотворенными лицами слушали выступления артиста. Как был он красив, гармоничен, благороден на сцене. «Ко мне тянутся люди разные, – говорил певец, – и юные, и зрелые, и пожилые, и добрые, и злые, и умные, и глупые, и девочки, и мальчики, и мужчины, и женщины, и дедушки, и бабушки...» Не зная покоя, Тальков исколесил с концертами всю страну. И всюду аншлаги. Его и убили на взлете, когда популярность росла день ото дня.

То, что тучи над ним сгущаются, певец понимал. «Меня убьют при большом стечении народа и убийцу не найдут». Так и произошло. Стреляя в Талькова, попали в Россию. Но просчитались убийцы в одном. За свою короткую жизнь Игорь Тальков выполнил свою миссию,

пройдя предначертанный ему земной путь. Он часто повторял: «Можно убить тело, но нельзя убить душу». Как нельзя истребить веру в грядущее величие России в его стихах.

Когда-нибудь, когда устанет зло
Насиловать тебя, едва живую,
И на твое иссохшее чело
Господь слезу уронит дождевую,
Ты выпрямишь свой перебитый стан,
Как прежде, ощутишь себя мессией
И расцветешь на зависть всем врагам,
Несчастливая Великая Россия.

С. Маршков

О. Ю. Талькова, В. В. Тальков
Из воспоминаний матери и
брата

Испытания

Родители мои родом из Ставропольского края: мама Татьяна Ивановна Мокроусова, из крестьянской семьи, а отец, Юлий Рудольфович Швагерус, немец по происхождению, родился в семье кожевника в селе Иноземцево недалеко от Пятигорска. Предки мои по линии отца жили в тех краях со времен Екатерины II, которая переселила немцев из Европы на Северный Кавказ. Образовалась колония Каррас, а проще – Иноземцево, название которого говорит само за себя. Немцы всегда отличались трудолюбием, были деловым народом, знающим многие ремесла. Вот и дед мой обучил детей своих кожевному делу. Папа стал разъезжать по деревням и выделывать кожи.

Родилась я в 1924 году, принесшем с собой страшный голод. Городская жизнь была невыносимо тяжелой, и мама в надежде на то, что в деревне отец всегда найдет работу по специальности и обеспечит семье кусок хлеба, стала уговаривать его переехать в село Новоселицкое, где жила вся ее родня. И действительно, папа поступил писарем в контору, а по вечерам занимался выделкой кож – тяжелым, изнурительным трудом, как я поняла позднее. Но, ничего не поделаешь, нужно было обеспечивать семью. Естественно, со всех сторон пошли заказы, и папа стал неплохо зарабатывать. Мы купили лошадь, корову, поросенка. Обзавелись хозяйством и по тем временам зажили крепкой жизнью.

*«Летний дождь, летний дождь
Моей души омоет рану».*

Но начались разговоры о коллективизации, и пришлось собираться назад, в город. Отец туда вернулся в 1928 году, устроился на работу, а через год забрал маму и нас (к тому времени родился мой брат Володя). Мы везли в город корову, телку, зерно и были уверены, что первое время проживем безбедно... Однако процесс раскулачивания коснулся и городских жителей, нас в том числе. И только когда мама привезла из деревни документы, подтверждающие, что ее родные своего хозяйства не имели, всю жизнь батрачили да к тому же два ее брата погибли на фронте в Гражданскую войну, нас оставили в покое (хотя с коровой пришлось расстаться).

Постепенно налаживалась наша городская жизнь в Минеральных Водах. Семья была небогатая, но очень дружная. Отец, музыкально одаренный человек, играл в самодеятельных спектаклях. Даже во время нашей деревенской жизни, когда он занимался тяжелым физическим трудом, папа тем не менее находил в себе силы для организации самодеятельности, ставил пьесы и сам в них играл. Мама была обременена хозяйством, обшивала семью и поэтому была в стороне от папиных увлечений.

В нашей семье всегда думали прежде всего о детях; родители по возможности старались ни в чем нам не отказывать. В доме никогда не было дорогих вещей (мама купила, помню, дешевый коврик, повесила на стену и была очень довольна), но, если в Пятигорск приезжал цирк или зверинец, родители на сэкономленные деньги везли нас на представление. Ездили мы и в Железноводский парк. Отец вообще очень много внимания уделял детям, с удовольствием

занимался с нами... О детстве у меня самые радостные, самые светлые воспоминания.

В школьные годы я много читала, любила музыку, театр. С первого класса участвовала в самодеятельности: танцевала, пела, играла на разных инструментах.

В 1939 году папе наконец дали квартиру в Пятигорске, которую мы очень долго ждали, но прожили в ней менее двух лет – началась война. Мне было тогда семнадцать лет. Помню, я не очень горевала: как и все вокруг, была уверена в нашей скорой победе. Прошло немного времени с начала войны, и мы были ошеломлены неожиданным сообщением: нас как немцев, а значит, врагов, выселяют в Сибирь. Не учитывалось даже то, что в городе папа был очень нужным человеком: работал на телеграфе сразу на четырех аппаратах, сидел по ночам, сутками не выходил с дежурства... Я никак не могла в это поверить. Помню, спросила:

– Почему с нами так поступают?

– Мы ничего не знаем. Это приказ «сверху», из Москвы. Через четыре дня будьте готовы к выезду. С собой можно взять по пятьдесят килограммов на человека.

– А остальное?

– Остальное не наше дело. Продайте, выкиньте.

Я в то время была комсомолкой, безоговорочно верила в коммунистические идеалы. Этот случай потряс меня, перевернул все мои мысли. Я прибежала домой, схватила комсомольский билет и разорвала его на мелкие кусочки. С тех пор я совершенно другими глазами стала смотреть на мир, научилась думать, анализировать, иметь свою точку зрения.

Итак, что за четыре дня можно сделать? Всего по пятьдесят килограммов на человека! Что продали, что отдали, что выбросили. Мама к тому времени уже имела

горький жизненный опыт (она перенесла два голода - в 1922 и 1933 годах) и, предвидя, что впереди нас ждал еще один - военный, сказала:

- С собой необходимо взять продукты.

Купила, что смогла, сухарей засушила. Мы в то время только завели пчел, пришлось и их продать; нарезали соты, сложили в бидон... Все это нам потом очень пригодилось. Мама запаслась лекарствами, соляной кислотой на случай цинги. В Пятигорске мы были вынуждены бросить всю мебель. С собой взяли только одежду; два года в Сибири мы жили на то, что меняли ее на молоко и картошку. Денег с нас никто не хотел брать - кому они тогда были нужны! Сейчас рубли называют деревянными, а тогда я не знаю, какими они были, глиняными, наверное, что рассыпаются сразу.

Перед отъездом папа предлагал:

- Татьяна, разведись со мной формально, и ты останешься дома, в Пятигорске!

Кстати, многие так и делали. Жены разводились с мужьями, дети отказывались от отцов, которых отправляли на выселение одних. Папа и мне предложил отказаться от него. Ведь когда я получала паспорт, Гитлер уже всю развернулся на Западе. Отец уговаривал:

- Пишись «русская».

Я допытывалась:

- Зачем?

Он не объяснял, а просто настаивал:

- Пишись «русская»!

Видимо, он интуитивно чувствовал или, вернее, оценив ситуацию, пришел к выводу, что будет гонение на немцев. Так я и записалась - «русская», по национальности мамы. Но отказаться от отца, пусть он и сам предлагал мне это, поступиться своей совестью я не могла. Не могла!

- Как же я могу от тебя отречься? Я так тебя люблю! Я вижу, как ты всю жизнь трудишься. Ты честный человек, не вор, не убийца. Как же я от тебя отрекусь?!

- Дочка, да это формально. Хоть в квартире останетесь.

Он всю жизнь ждал эту квартиру в Пятигорске. Только дали, двух лет не прожили - выселили. Но мы с мамой отказались от сделки с совестью. Мама сказала тогда:

- Мучиться, страдать - вместе! Заболеешь ли ты, случится ли что с тобой, мы всегда будем рядом, и тебе будет легче с нами. Как нам без тебя? Мы будем скучать, переживать. Что нам - стеречь эту квартиру? Нет! Страдать - так вместе, и куда ни повезут - вместе!

Она рассуждала, как в свое время жены декабристов, и я была с ней согласна. Отец хоть и продолжал нас уговаривать, но до чего же ему было приятно, что мы от него не отступились! Он был так благодарен нам за это, говорил:

- С вами - хоть куда!

Так и отправились все вместе. Целых два месяца во вшивых товарных вагонах ехали в Сибирь. Привезли нас в Томскую область, в деревню Усманка - тридцать домов, население в основном старики и дети, мужчины воевали на фронте.

- Фашистов привезли! Врагов привезли!

Подошли с насмешками, и пришлось нам прямо-таки завоевывать должное к себе отношение. Папа ходил по домам, разговаривал с людьми, стараясь рассеять о нас плохое мнение. Какие же там люди забитые! Я посмотрела - Господи! Бедные люди, в таких уголках они ничего не видели, не знали. Там уже за пять лет до войны не было хлеба - давали по 60 граммов на трудодень. А уж как война началась, так и вовсе голодали и голодраными были. Правда, от старого

времени оставалось несколько обеспеченных семей, но – единицы.

В деревню вселили три немецкие семьи: беременную женщину с мужем (мама принимала у нее роды, и новорожденная в честь нее была названа Татьяной; если она сейчас жива, дай ей Бог здоровья!), папиного двоюродного брата, дядю Адольфа с семьей – женой и двумя девочками, и нашу семью. Дядя Адольф был совершенно больным человеком, и поэтому его не взяли на трудфронт, а папу и дядю Яшу, мужа беременной женщины, забрали. Папа прожил с нами всего шесть месяцев.

Что же получилось? Мы-то думали быть с ним вместе, разделить трудности ссылки, а остались одни на чужой стороне. Работали в колхозе, от работ не освобождали даже больную маму (у нее уже тогда было плохо с сердцем). Останься мы дома – жили бы среди друзей и родных. До Пятигорска мы десять лет прожили в Минводах, рядом была станция Иноземцево, где я родилась, где родились папа, бабушка и еще какие-то прапрабабушки... И хотя в начале войны бабушку, ее братьев и сестер выслали, но родню, кто имел русскую фамилию, оставили. В ста километрах от Пятигорска по сей день есть Новоселицкий район, а в нем – село Новоселицкое, где родилась моя мама, где жили мои родственники, где мои двоюродные сестры и племянники живут до сих пор... Оказавшись в далекой Сибири, мы чувствовали себя как бы выброшенными на необитаемый остров. Работая от зари до зари, очень тосковали по папе, который в письмах сочувствовал нам: «Что я вам говорил! Не послушались меня и теперь расхлебываете. Я один, без вас. Да и вы без меня на чужой стороне...»

Однако нам удалось очень быстро обрести друзей среди сибиряков. Для меня в семнадцать лет оказаться в глухой деревне после городской жизни было серьезным

испытанием. Первое время я была очень растеряна. Потом поняла: если уж попала в глухомань, придется как-то пристраиваться к деревенским девчонкам: других-то не было. Приходилось так себя вести, чтобы они не то чтоб полюбили меня, но по крайней мере зауважали. По вечерам сельские ребята собирались в конторе, где, как правило, шла болтовня ни о чем. Мы с братом тоже приходили к ним и научили их тем играм, которые знали сами. Я собирала ребят вокруг себя и рассказывала им о том, что успела увидеть и узнать. Эти забитые и малограмотные ребята имели образование по 3-5 классов, в школу ходили за семь километров, десятилетку из них никто не окончил, потому что нужно было ехать в район за сорок километров, а это далеко не каждому было по карману. Ведь нужно было оплачивать квартиру, продукты привозить. А транспорт какой был? Лошади, только лошади, да и тех не давали в колхозе – берегли для работ. Библиотеки в деревне не было, ребята ничего не читали, мало что видели и слышали, поэтому черпали из моих рассказов много нового и интересного. Часто восклицали:

– Ой, неужели? Не брешь?

Это очень меня приободряло, побуждало к новым рассказам. Мне было приятно, что я могу открыть им что-то новое, научить чему-то.

На выселении я прошла трудовую школу. Работали в колхозе. Заработанных трудодней на питание не хватало. Приходилось ходить пешком за 40-60 километров в дальние, более богатые деревни – обменивать наши вещи на продукты. Оказалось, сибиряки – добрый, гостеприимный народ. В какой бы дом мы ни постучали, нам нигде не отказывали в ночлеге. Наварят чугуна картошки, сами садятся и нас приглашают.

Тяжелые были времена, но я не унывала. Я сейчас пытаюсь понять, что же меня в то время поддерживало?

Прежде всего, конечно, молодость, а еще – ответственность за маму и брата. Маме было очень горько, тяжело. Я старалась, как могла, облегчить ее жизнь. Однажды, помню, она плакала, тоскуя о папе, и я спросила:

– Ну что ты плачешь: папы нет рядом, но мы-то с тобой?

– Дочка, не дай бог, чтобы ты когда-нибудь рассталась вот так с мужем. Вы – это вы, дети, а папа – это папа, тебе не понять...

Я вспомнила об этом разговоре, когда умер Владимир Максимович, отец Володи и Игоря. Я тогда ужасно горевала, и друзья пытались меня успокоить:

– Тебе нужно жить для сыновей, смотри, какие они у тебя хорошие...

Вот тогда-то я и прочувствовала, что любовь к детям – это только одна сторона любви, а любовь к мужу – иная... Мы понимали, что всем в то время жилось трудно. Война есть война. Работать в колхозе было очень тяжело. Но надо – значит, надо.

Как-то приходит к нам бригадир и говорит:

– Сегодня надо быть на самом дальнем поле, Татьяна Ивановна, не можете ли вы пойти с ребятами, я всех своих уже разослал.

Заставить нас он не мог – мы не колхозники были; но бригадир был такой душевный человек, что отказать не было никакой возможности. Собирались и шли на дальнее поле. Как ни трудно было, но понемногу нам удалось приспособиться к деревенской жизни. Однако жить спокойно и там не дали. Через некоторое время пришла первая повестка с приказом явиться на призывной пункт для отправки на трудфронт (тогда отправляли на шахты или военные заводы). Мама в то время тяжело болела – было плохо с сердцем. Оторвали меня от мамы; она осталась в деревне, а я приехала на

призывной пункт. Сажу в коридоре, плачу. Подошел один из организаторов, спросил:

- Что случилось? Почему так плачете?

- Меня забирают на работы, а в деревне остались младший брат и мама больная, не знаю, выживет или нет.

Непонятно почему, но в тот раз меня отпустили домой. Может быть, дело решило то, что по паспорту я русская. Возвратилась домой. Через некоторое время опять приходят повестки маме, мне и тете Элеоноре, папиной снохе. Дома оставались одни только дети: мой брат четырнадцати лет, две дочери тети Элеоноры, одиннадцати и девяти лет. Дядя Адольф умер почти сразу после приезда в Усманку. Собрали мы детей в одной избе и оставили их одних на чужой стороне. Целый день мы провели на призывном пункте - шла сортировка. Русских людей с немецкой фамилией оставляли. Тетю Элеонору забрали, а нас с мамой отпустили. Вернулись мы домой. В скором времени пришло известие, что тетя Элеонора попала на шахте в обвал и погибла. Ее дочери, круглые сиротки, стали жить с нами, не могли же мы их бросить.

В то время за мной начал ухаживать деревенский парень - Николай. Мама подрабатывала шитьем, обшивала их семью, а они расплачивались с нами продуктами: то муки подбросят, то картошки. Николай - парень хороший, не пил, не курил, но очень уж был застенчивый. Стеснялся того, что он деревенский, а я городская. Сначала Николай и не думал ко мне свататься, тем более что мы с мамой все время рассуждали о том, что, дескать, война к концу идет и, как только она кончится, мы сразу уедем домой. Но вот пришла третья повестка.

- Сушите сухари, готовьтесь. В скором времени, может быть, к осени, вас заберут.

На этот раз повестка пришла и на моего младшего брата Володю: ему исполнилось пятнадцать лет. Дома, в деревне, оставались две девочки – Ирма и Вильгельмина. К тому времени мы все вещи уже обменяли, ничего не осталось. Выменяли корову, картошку посадили. Думали, что на зиму хоть картошкой и молоком будем обеспечены. Но корову предписывалось сдать в колхоз, а картошку ссыпать в колхозный амбар.

– Вот вернетесь с работ, корову выдадим, пусть не вашу, а колхозную. Картошку, сколько сдадите, вернем, чтобы вы не на пустое место приехали.

Но мы в это не верили – помнили, как у нас на Кавказе отобрали приемники: по радио выступал Гитлер. По-видимому, боялись, что мы откликнемся на его призывы. Так до сих пор нам эти приемники и «отдают»... Вот в этот момент наконец-то Николай и решился посвататься ко мне.

– Оля, выходи за меня замуж. Возьмешь русскую фамилию, останешься в деревне и все твое хозяйство останется при тебе. Родных заберут на шахты, ты сможешь им помочь: продукты будем посылать, навещать их. За девочками приглядывать будешь, без тебя ведь они погибнут.

Действительно, тогда посылали в Киселевск, на Кемеровские шахты, в Прокофьевск – все это за четыреста километров от того места, где жили мы. И вот, оказавшись в безвыходном положении (а разорены мы были начисто), я решилась на отчаянный шаг – выйти замуж за Николая, сохранить оставшееся имущество и этим спасти детей, а может быть, и жизнь мамы с братом. Тогда мне казалось, что это был единственный выход. Я посоветовалась с мамой. Помню, она заплакала и спросила:

– Ты его хоть любишь?

- Ну какая тут любовь? Надо думать - как выжить. Николай хороший парень. По всей видимости, будет хороший семьянин. Настоящий сибиряк. Работяга. Я его никогда праздным не видела. Сено у него всегда накошено. Дров заготовлено на две зимы. Бригадир рыболовецкой бригады, значит, рыбой будем обеспечены. С ним я не пропаду и вам сможем помочь.

Так я и вышла замуж за Николая, а маму с братом отправили на шахты в Прокофьевск. Я оптимистка, в любой ситуации всегда нахожу хорошее. Зажили мы с Николаем дружно. Свекровь у меня прекрасная была: очень сочувственно относилась ко мне, жалела. Я это очень ценила тогда и дала себе слово, что к своим невесткам, если они у меня будут, постараюсь относиться так же доброжелательно. За все время выселки я наконец-то наелась в их семье вдоволь.

Почему мой муж во время войны оказался в деревне, а не на фронте - надо пояснить особо. Муж мой был из семьи середняков. Его дед с четырьмя сыновьями успешно управлялся с хозяйством, не используя наемных рабочих. У каждого сына было по лошади. При раскулачивании середняков приравнивали к кулакам: всех родственников мужа во главе с дедом отправили в Нарым. Дед погиб, а остальные со временем вернулись инвалидами, подорвав здоровье. Отца моего мужа как сына кулака не брали на фронт, и Николая по этой же причине два раза возвращали с призывного пункта. Вот он и жил в деревне - рыбачил. Потом его пригласили на работу в другой район - на реку Чулым. По законам военного времени он должен был сняться со старого учета и стать на новый в трехдневный срок. Не знаю, по какой причине он не успел обернуться в положенное время. Сначала я не знала об этой новой беде. Потом как снег на голову пришло известие, что муж объявлен вне закона и вынужден скрываться. Его искали повсюду. Приходили к нам домой с обысками, издевались над

нами. Естественно, он и сам был не рад создавшемуся положению, при первой возможности собирался объявиться где-нибудь и попроситься на передовую. Я знала, где он находился, но, конечно же, выдать его не могла – ведь его расстреляли бы. Не могла я взять такой страшный грех на душу. Скрывала я его, что греха таить! Пробовали говорить со мной и по-хорошему, но я не сдавалась. Тогда решили взять испугом. Однажды в гостях у подруги меня внезапно арестовали, пригрозили тюрьмой, большим сроком, сказали, что не отпустят, если не подпишу бумагу о том, что обязуюсь указать властям местонахождение моего мужа, в противном случае буду считаться изменником Родины. Я была в отчаянии и подписала эту бумагу, тем самым подписав себе приговор: естественно, я и не думала выдавать мужа!

Меня отпустили, и я побежала домой. А бежать надо было четыре километра лесом. В полночь я летела по лесной тропинке, как на крыльях, не чувствуя ни страха, ни усталости. Только все оглядывалась – не бегут ли за мной, не выследят ли мужа. Главное – успеть предупредить. Прибежала к своей избе, осмотрелась – кажется, «хвоста» нет. Переночевала – тишина. Утром приезжает рыбак:

– На перекате – милиция, два милиционера стоят...

У меня сердце кольнуло – выставили дозоры. Надо собираться и бежать к мужу – скорей, скорей! Надела второй сарафанчик, сапоги – в лес ведь шла. Даже котомочку побоялась взять с собой. Перебралась на лодке на другой берег Яи. Иду лесом и для виду напеваю – может, за мной следят... У нас с мужем было условное место, где мы с ним встречались. Осторожно подошла, дождалась мужа, бросилась к нему:

– Бежим! Может быть, за нами следят...

За эту ночь мы ушли за 20–30 километров от того места. Назавтра в полдень – время, когда я его должна

была выдать, разобрал меня смех: думаю, что же они теперь там делают? А они подождали, подождали и поехали к свекрови, перевернули у нее все. Опросили в округе всех немцев – меня искали.

Муж продолжал скрываться, и я была вынуждена скрываться вместе с ним. Жили в лесу, в землянке. Что мне пришлось вынести за это время – просто не могу вспоминать. К моему несчастью, я забеременела. Шли месяцы, в лесу уже невозможно было оставаться в таком положении. Нужно было перебираться к родственникам мужа, которые жили в другом районе, за пятьсот километров. Николай пошел в деревню, чтобы взять мне что-нибудь из продуктов и одежды на дорогу. Пришел к соседке, у которой я перед побегом спрятала вещи, а там – засада. В Николая стреляли, ранили в живот. И он, думая, что рана смертельная, застрелился, чтобы не мучиться...

Что делать?! Единственный выход – добраться до родственников мужа. Села на поезд, «зайцем», конечно. Ехала в тамбуре товарного вагона. Однако скоро мое путешествие по железной дороге закончилось. Пошла пешком. Идти надо было километров девяносто. Нашлись добрые попутчики – дядечка с мальчиком лет двенадцати. Они сами ели и со мной делились. И вот идти осталось совсем немного. Мои попутчики предложили:

– Осталось всего четыре километра. Ты иди потихоньку, с отдыхом, а мы побежим вперед. Хозяйку предупредим, она баньку истопит.

Но силы были на исходе: все-таки беременность около семи месяцев. Сдвинусь с места и стою, не могу идти. Отсижусь, отлежусь, поднимаюсь, а ноги подкашиваются... Этот путь я на всю жизнь запомнила. Дело в том, что я его проползла на четвереньках. Когда приползла, было уже темно-темно. Мой попутчик вышел навстречу:

- Что с тобой?

А я уже и говорить не могла. Поднял он меня, привел в избу, накормил. Отвели в баню, помылась я, уложили на чистую постель. Господи! Я так, по-человечески, давно уже не спала. Утром проснулась оттого, что мне в глаза попал солнечный зайчик. Никого нет, а на столе записка: «Оленька, кушай, а узелок возьми с собой в дорогу». Тут же сметана, молоко, шанежки деревенские (шанежками в Сибири называют ватрушки с картошкой). Прежде чем приступить к еде, я расплакалась: совсем простые люди, а такие добрые – поверили мне, оставили в доме одну. Поела, взяла приготовленное в дорогу, вышла из дома, дверь на щеколду закрыла и думаю: «Господи, а вдруг после меня кто-нибудь войдет и что-то возьмет, а подумают на меня!»

Отошла подальше и опять залилась слезами: Боже мой, куда же я иду? К матери родной, к тетке, к сестре? Иду, по сути, к чужим людям, родным мужа. Николай застрелился. Кто я им? Вопреки сомнениям приняли меня хорошо. Но долго прожить там мне не удалось: выдал человек, который провожал меня в этот путь. И вот меня, беременную, арестовали, прогнали двадцать километров пешком, и начались мои мытарства по кпз и тюрьмам.

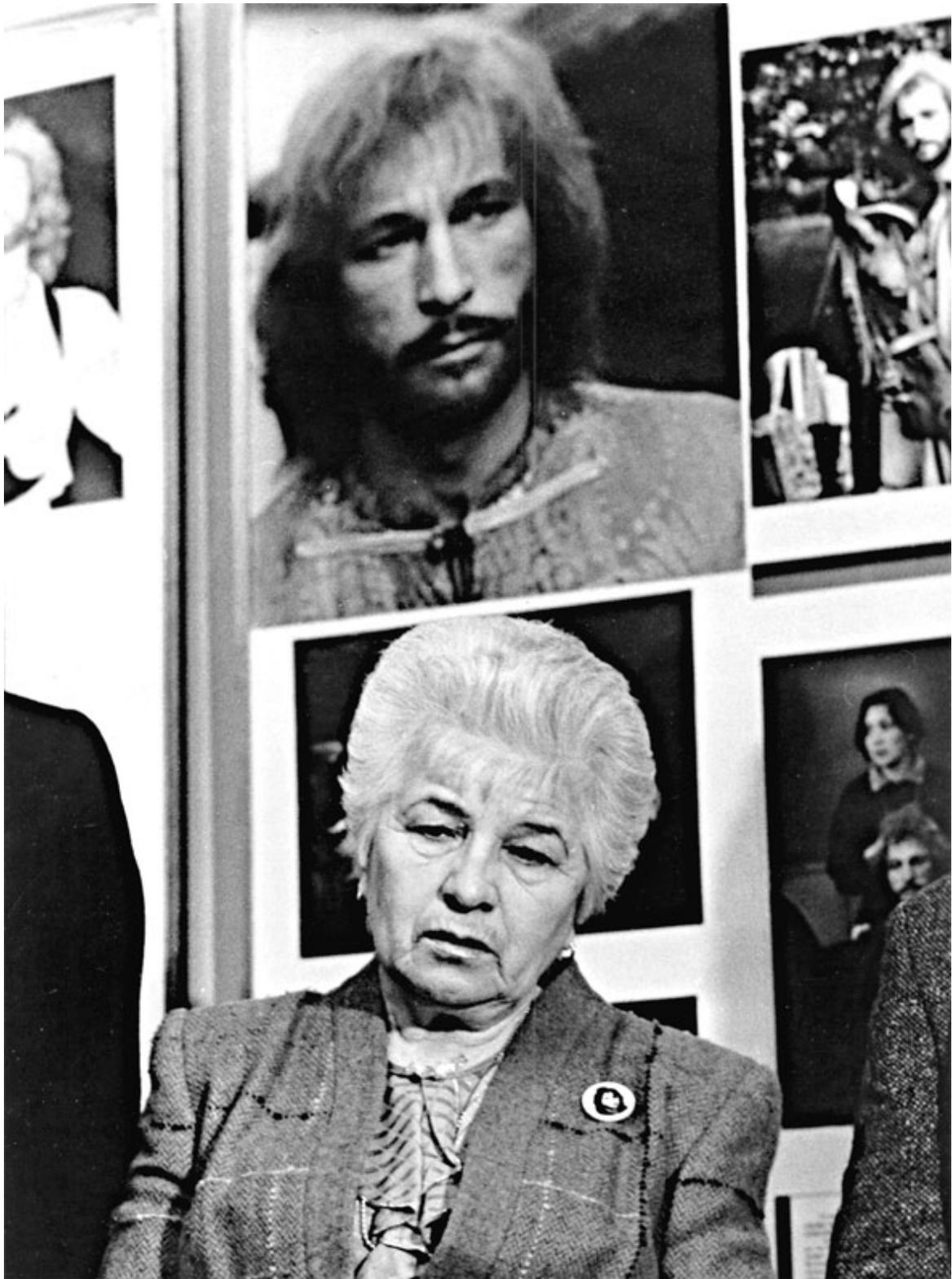
В кпз, видно, с дороги, начались схватки. Вызвали дежурного, и в сопровождении милиционера меня отправили в больницу. Родился мой первенец – сын Виктор. Находилась я в палате под присмотром милиционера, который был со мной в больнице все время, пока я там лежала с ребенком. Спал со мной в одной комнате на соседней кровати, а пистолет под подушку ночью прятал.

- Вот ты спать ложишься, а вдруг я ночью захочу убежать?

- Господи, да куда же ты от своего ребенка побежишь?

Из больницы нас некому было встречать. Ребенок голенький. Дали мне кусочек старого одеяла и одну пеленочку. Завернула я сына голенького в пеленочку и отправились в КПЗ. Так и жили мы в камере. Одежды не было никакой: только то, что на мне и ребенке. Однажды подселили к нам в камеру семнадцатилетнюю воровочку – такую веселую, бойкую девчонку. Увидела она нас:

– Ой! Что это у вас ребенок совсем голый?

Ольга Юльевна в музее Игоря Талькова в Черниговском переулке (Москва)

А у нее такой большой красный платок на плечи был накинут. И вот эта девчонка стала кулаком стучать в дверь, звать надзирателя:

- Дайте ножницы! Иголку с ниткой! Сейчас мы ребенка одевать будем.

Быстро расстелила платок, выкроила распашонку, капорчик.

- А штанов тебе не надо, тут ты писать будешь.

Такая хорошая девчонка! Обманули ее, дурочку, воровать подучили, она и не устояла. А так - ребенок совсем еще!

Кормили меня ужасно. Раз в сутки - баланда из свекольной ботвы и хлеб. Правда, на ребенка давали дополнительно четыреста пятьдесят граммов хлеба. Съедала я все это, начинала кормить. Ребенок сосал грудь, отворачивался, и у него тут же начиналась рвота зеленым фонтаном, а потом появился и понос. Вот так мой ребенок и мучился. В КПЗ я провела две-три недели. Спали мы с ребенком на полу. Клопов было видимо-невидимо. На прогулке я собирала крапиву и в камере на полу вокруг ребенка делала ограждение. Это нас немного спасало от клопов.

Встречались добрые люди и среди надзирателей. Однажды поздно вечером дежурный принес мне ушат горячей воды, кусок мыла, свои новые фланелевые портянки на пеленки (две такие большие портянки):

- Милая, возьми и никому не говори. Искупай ребеночка, постирай, что нужно на него. Потом постучишь, и я тихо-тихо все вынесу.

Я молилась на таких людей. Господи! Ведь я первый раз после родов купала несчастного ребенка, а ему три или четыре недели уже было. Искупала я его, завернула в мягкую пеленочку и просто счастье испытала. Надзиратель забрал ушат, вылил воду и еще раз предостерег:

- Никому ничего не говори.

Потом меня с ребенком перевели в Мариинскую тюрьму. Здесь я немножечко подкрепилась. Вот как это произошло. Я всегда любила рисовать и вышивать. Однажды девчата, которые сидели со мной в одной камере, дали кусок материала, и я сшила распашонку. Но она получилась скучная, не радующая сердце. Что делать? Из казенного одеяла я выдернула цветные нитки и вышила распашоночку. Девочки пришли в восторг. Они показали мое изделие расконвойным – больше некому было:

– Смотрите, какую красоту она умеет делать!

После этого случая мне стали приносить носовые платки, салфетки всякие с просьбой украсить вышивкой. Я вышивала, а мне за это то лишнюю баланду сунут, то кусок хлеба. Я делилась со всеми в камере, никогда себе про запас не оставляла. Может быть, мне за это Бог здоровье дал: до сих пор жива, несмотря ни на что.

В тюрьме сын начал болеть. Кричать стал. Похудел страшно. Женщины и говорят:

– Да он у тебя голодный!

Я была молодая, не понимала. Тронули грудь, а она пустая, молока нет.

– Да он у тебя с голода умирает!

Ужас! Что же делать?! И вот я трехмесячного ребенка супом гороховым стала кормить, намажу ему хлеба – и в ротик. Ну как ему после этого быть здоровым! Постоянно у бедного то понос был, то рвота. Намучилась я. А помочь ничем не могла.

Через одиннадцать месяцев состоялся суд. Мне был вынесен приговор – десять лет. Свекрови, которую с младшим сыном тоже арестовали, – шесть лет непонятно за что; пятнадцатилетний мальчик умер в тюрьме – не вынес тюремной баланды.

Что я могу сказать: мой муж никого не тронул, не ограбил, не убил. Не успел встать вовремя на учет, но хотел повиниться, пойти на передовую – не получилось...

Я же пострадала только за то, что не смогла его предать. Я была молода и несведуща в законах. В деле, когда мне дали его прочитать и подписать (ст. 206), я обнаружила такую несправедливость, на меня «повесили» столько преступлений... Муж был убит, оставался единственный свидетель Черников. Я потребовала очной ставки. С большим трудом следователь согласился. Черников все отрицал вместе со мною. Все было зафиксировано на листе (отдельном) и прикреплено к первому листу папки с «Делом». Следователь перевернул папку и в конце заставил меня поставить подпись, при этом уверял, что лист очной ставки оправдывает все. И вот так-то я по неопытности (меня учили не лгать, я верила всем тоже) подписала придуманное обвинение. А на суде, когда зачитали дело, не оказалось листа очной ставки. Я стала протестовать, но судья показала папку, там не было той злополучной бумаги... Так я оказалась преступницей, страдала потом всю жизнь из-за несправедливости, лжи в правосудии, лжи в конституции и перестала в конце концов верить властям и законам. Ничего! Все вынесла. Бог дал силы и здоровья! За это я благодарна Ему!

После вынесения приговора я попала в лагерь для матерей. Удалось дать знать родителям. Стали мне помогать, правда, редко: в три месяца раз разрешалось получить одну посылку. Это была хоть небольшая, но поддержка. Одета я была во все тюремное.

И началась моя жизнь в лагере. Ребенок был в яслях, я работала: вырубала мерзлую землю, поливала капусту – с деревянными ведрами по полю ходила, выкармливала свиней отборных, не знаю, для кого – заключенных голодом морили. На поле вязала снопы пшеницы. Вся одежда промокала; приходила в барак, раздевалась, складывала все под себя, и за ночь успевало лишь слегка подсохнуть. Печки в бараке были чуть-чуть теплые. Да и невозможно было всю одежду на

них разместить – нас ведь было по сто человек в каждом бараке. Это потом нам сделали специальные сушильные комнаты. А сначала приходилось каждое утро надевать сырую одежду (только чуть провяленную) и выбегать на развод. И это в любую погоду. На непосильных работах я надорвалась и заработала грыжу, и только после этого мне уменьшили норму. Мой ребенок постоянно болел, почти все время находился в больнице. В год с небольшим он умер у меня на руках...

Первое время я была в отчаянии. Но потом стало легче. Я увидела, сколько невинных людей сидело, и каких людей! Не воров, не бандитов, не убийц – а этим и там жилось вольготно. Обворовывали они нашего брата, и я пострадала дважды: оставляли, в чем стою. Если бы я на это пожаловалась начальству, было бы еще хуже – могли просто убить. Молчала, терпела, все несла и, как ни странно, нисколько не озлобилась от такой жизни, не потеряла веру в людей, сострадание к ним. Когда получала посылки, делилась со всеми: хотелось хоть что-то приятное сделать людям. В лагере по-настоящему поверила в Бога, и вера эта очень поддерживала меня: «Боже, Ты послал мне испытание, но я все вынесу». Один только раз не выдержала, зароптала. Когда я узнала, что умерла мама: «Господи, для кого же мне беречь себя, ведь мамы нет?»

Пожалуй, больше всего меня мучил не сам режим, а отношение к заключенным. Утром приходят:

– Встать! Статья? Срок? Конец срока?

И так каждый день.

Но, несмотря на все это, я не жалею себя. В лагере удалось познакомиться с такими людьми, которых я и не мечтала встретить на воле: артисты, люди из сферы искусства, науки – мне было интересно с ними. В лагере была библиотека; я не теряла времени даром и в свободное время много читала. Со временем мне удалось найти заработок, чуточку облегчивший мое

существование. Я уже говорила, что с детства немного рисовала. Каждому человеку хотелось поздравить с праздником своих друзей и близких, тем более в неволе, а в продаже не было никаких открыток. Вот я и стала рисовать открытки сначала только для себя, потом их увидели мои лагерные знакомые и стали просить, чтобы я и им нарисовала. Я поняла, что эти открытки нужны очень многим людям. Возвращаясь с общих работ, я быстро расправлялась с похлебкой, залезала на верхние нары под лампочку и до трех часов ночи рисовала открытки. В шесть – подъем на работы. Я была молодая, сильная, выдерживала такую нагрузку. Рисовала к празднику по сто, двести, триста открыток и продавала их по рублю. В зоне открыли ларьки, в которых я могла купить себе что-нибудь съестное. Об одежде я даже и не мечтала, довольствуясь тем, что присылали родители.

Потом в лагере произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь: образовался театр...

На этом надо остановиться подробнее. В нашем бараке жила Катя Владимирова – артистка театра Вахтангова. Выглядела она довольно странно, хотя вообще-то была красивой женщиной. Она совершенно не следила за собой, не причесывалась, иногда даже не умывалась; чулки были всегда перекручены, приспущены. После концертов грим с лица не смывала, так и ложилась спать загримированная. Утром приходили поклонники с поздравлениями, и Катя являлась к ним во всей «красе». Такое поведение нельзя было объяснить тем, что Катя была неряхой по природе. Дело в том, что она сама выбрала этот стиль поведения, считая, что все «великие» должны выглядеть именно так, им обязательно должен сопутствовать этакий «художественный беспорядок». Вообще-то она была неплохая актриса, а стихи писала действительно великолепные. По вечерам вокруг Кати собирались

люди; и я среди них. Обычно мы занимались тем, что разыгрывали сценки, – так естественно зарождался импровизированный театр. Со мной она репетировала «Мазепу»: я была Мария, она – Мазепа. Однажды Катя разругалась со своим театральным начальством и не пошла на репетицию. Она была очень высокого мнения о себе; считая себя незаменимой, была уверена, что за ней тут же прибегут. У нас в бараке жили певица и костюмерша из того же театра. Они слышали, как Катя хвалила меня: «У нас есть девочка молоденькая, я репетирую с ней “Мазепу”. У нее так искренне все получается, со слезами». Они и решили рекомендовать меня режиссеру:

– У нас в бараке есть талантливая девочка. Попробуйте ее на роль вместо Кати, девочка будет так счастлива.

Вечером подошли ко мне:

- Хочешь в театр?
- Господи, а как?
- Сыграешь роль актрисы?
- Не знаю...
- Пойдем с нами на пробу.

Глянул на меня режиссер – ростом мала! Принесли туфли на высоченном каблуке, платье длинное надели – ничего, сойдет! Ставили спектакль «За тех, кто в море». Я должна была играть тридцатипятилетнюю актрису – Елену. Сели работать с режиссером – Алексеем Григорьевичем Алексеевым. Протянул он мне пьесу – прочитай. Послушал меня внимательно:

– Поработай в бараке, прочувствуй.

В следующий раз, когда мы сели с режиссером, я уже вникла в роль.

– Ничего, пойдет!

И у нас пошло. А Катя ждала, когда за ней прибегут. Она не верила, что у меня получится:

– Соплюха какая-то, мала еще играть такую роль.

У меня получилось. Пришла она к нам на репетицию, пришла сама, без зова. Послушала один раз, второй, потом заявила режиссеру:

- Эту роль я буду играть сама.

- Как же так, нельзя обижать девочку. Она такая искренняя, так старается...

- А что же я, актриса московского театра, буду на задворках?

- Хорошо! Тогда играйте по очереди. Поедем на гастроли (ездили по дальним лагерям) - будете играть через день, заменяя друг друга.

Катя дала согласие при условии, что премьеру будет играть она сама. Собралось лагерное начальство. Выступила Катя, а следующий спектакль должна была играть я. Мне уже и парик светлый подобрали. Но на сцену меня так и не выпустили, я осталась «за бортом». Обида на Алексея Григорьевича осталась у меня на всю жизнь. Все говорили, что у меня так хорошо получалась роль, артистам очень нравилось, они меня даже поздравляли, но ведь я мечтала сыграть на большую публику...

В пьесе актриса - одинокая женщина: муж погиб, мать и ребенка она потеряла в войну. Ее избранник - моряк - женат, жена догадывается об увлечении мужа. Не желая лгать, обманывать, актриса хочет ясности в отношениях.

- Я больше так не могу! В войну я потеряла все: мать, отца, мужа, сына. Ты для меня - все! Я не могу больше играть двойную роль. Ты должен разрубить этот двойной узел.

- Подожди, Леночка, я не могу!

- Все!

Открывает дверь:

- А теперь - уходи!

- Лена!

- Уходи!

Режиссер объяснил мне, что эти слова я должна произнести спокойно, но твердо, чтобы ему нечего было возразить.

И я этот нюанс поймала, почувствовала.

И вот на спектакле Катя, чтобы доказать всем нам, какая она хорошая актриса, переиграла. В этот кульминационный момент последнюю фразу она истерично выкрикивала на высокой ноте: «Уходи!» И публика взрывалась смехом. Все считали, что Катя испортила хорошую роль (да простит она меня).

В театре я попадала в свою среду, там я забывала обо всем на свете. Театр помогал преодолевать ужасную действительность. Меня освободили от общих работ и зачислили в агитбригаду. Правда, по вечерам приходилось возвращаться в барак, но ведь на следующее утро после общего развода я опять шла в клуб. Известно, что все в мире относительно, и я уверена, что в то время была по-своему счастлива.

Начальник всех наших лагерей был прекрасный человек и большой поклонник искусства. Он для всех нас был как отец родной: так нас любил, заботился. Старался послать на более легкие работы, следил, чтобы питание у нас было лучше. Набирать очень много артистов в театр не было возможности. Наш начальник считал, что каждый человек, а тем более талантливый, может сделать очень много. Поэтому каждый артист в нашем театре был универсалом: мы и в хоре пели, и стихи декламировали, и танцевали, и в спектаклях играли. Я и в театре играла, и художнику помогала в оформлении театральных декораций, лагерных стендов, рисовала рекламы, писала стенгазеты... Ко всему прочему я была помощником режиссера. Кстати, это трудная и ответственная работа, требующая максимального внимания и отличной памяти. Так, я должна была помнить программу, последовательность выхода каждого артиста, следить за реквизитом. С этой

работой я справлялась удачно; память не отбили ни лагерь, ни голод, ни мучения. Особенно я гордилась тем, что работала с таким режиссером, как Алексей Григорьевич Алексеев, которого знала вся страна. Еще до революции он был известным конференсье. Естественно, работая с такими мастерами, я очень многому научилась. Руководителем танцев у нас была балерина Метельская. Она преподавала азы хореографии. Сначала мы до десятого пота занимались у балетного станка, а потом уже разучивали танцы. Однако я этим не довольствовалась. Уходила куда-нибудь в уголок и там оттачивала танцевальные элементы. После ухода Метельской я заменила ее и стала «прима»-танцовщицей. Танцевала одна и с партнером (со своим будущим мужем – Владимиром Максимовичем Тальковым).

Помню, как я мучилась с тамбурином, разучивая тарантеллу. Правой рукой быстро получилось, а левой – никак, ведь колокольчики должны были звенеть в такт музыке. Я уже и плакать несколько раз начинала, но, как и всегда, меня спасло упрямство. Я все время так и ходила с тамбурином. Как только минута свободная выпадала, я сразу же начинала упражняться. И в конце концов научилась, победила тамбурин.

В то время нашим хореографическим руководителем был Аркадий Антонович Хоменко. Он гонял нас так, что иногда я падала в обморок. Хоменко меня успокаивал:

– О це из тебя танцовщица будет. О це я вижу, будет.
(Он был украинец.)

Только выйду на сцену танцевать – «назад!».
Пройдешь два раза – «назад!».

Я тогда вредная была, упрямая.

– Не буду больше, не хочу!

– Будешь!

– Я больше не могу! У меня ничего не получится!

- Получится! А ну давай музыку. Так. Хорошо, хорошо, хорошо... К чертовой матери! Назад!

- Не пойду!

- Мини шо, тебя за руку отвести или пойдешь сама?!

Выхожу опять - злая - опять совсем не получается.

Еще раз выхожу. Молчит мой «мучитель», я вдохновляюсь, вдохновляюсь - конец! Все, финал!

- Хорошо!

А я, пока он ругается, силы есть - держусь, как только похвалил - все, силы меня покидают. Помню, несут меня ребята, а он приободряет:

- Вот же хорошо. Будешь танцевать.

Тогда считалось, что героиня должна быть высокой, стройной. Я же была маленькой, меня на сцене трудно и разглядеть-то было. Поэтому на мою долю выпадали небольшие роли в скетчах, в маленьких пьесах. Однако наши режиссеры как к большой, так и к малой роли относились одинаково требовательно. Будучи профессионалами высокого класса, они и от нас требовали такого же уровня. Помню, как я мучилась, репетируя роль китайского мальчика. Я должна была выйти с веслом на сцену и сказать: «На берегу реки стоит мой дом». Эту фразу я произносила раз двести:

- На берегу реки стоит мой дом.

- Назад! Соберись, представь, что ты живешь в этом доме на берегу реки, пришла к дому и кому-то рассказываешь.

Черт его знает, в каком доме я живу?! Ну, живу. Вот река плещется, а мы бедные: «На берегу реки стоит мой дом...»

- Назад!

- Не буду!

Ушла, села. Сажу.

Режиссер выждал время, подходит опять:

- Ольга, на сцену!

- Не получится!

- Получится! Пока ты думаешь, как тебе сказать, у тебя действительно никогда не получится. Вот, смотри: берег, твой дом – несчастная лачуга. Ты вышла из лодки, встретила человека и рассказываешь ему.

Получилось! Тут только один раз нужно почувствовать, а дальше запоминается и идет уже само собой.

Со своими концертами и спектаклями мы ездили по лагерям. Ставили маленькие скетчики, пьесы, концерты: хор, танцевальные номера, пение. Первыми нашими зрителями бывали вольные – люди, обслуживающие лагерь, и их жены. Они, бедные, в этих забытых Богом медвежьих углах ничего не видели. Концерты наши всегда проходили с одинаковым успехом – на «бис». Я чувствовала себя в среде артистов, как в своей семье. Наш начальник устраивал нам маленькие новогодние праздники. Приносил торт. За столом произносил тосты, желал нам при выходе на свободу остаться такими же хорошими людьми, какими он нас знал, не озлобиться и продолжать жить. Все мы были ему очень благодарны. Я всю жизнь молилась за него, за все хорошее, что он для нас сделал. Его в конце концов по доносу сняли с работы за панибратское отношение с заключенными, и его дальнейшая судьба мне неизвестна.

В лагерном театре я познакомилась с прекрасным человеком, моим будущим мужем – Тальковым Владимиром Максимовичем. Он был профессиональным драматическим артистом, прекрасно танцевал, декламировал так, что шел «мороз по коже». У него были врожденная интеллигентная выправка и прекрасные манеры. Мне очень нравился жест, когда он, здороваясь, приподнимал шляпу двумя пальцами. Мои ребята тоже были галантными с малых лет, я не помню такого случая, чтобы кто-нибудь из них, например, не пропустил женщину вперед. О долагерной жизни моего мужа я мало что знаю, он всегда очень скупно делился со

мною своими воспоминаниями. Вообще мы старались забыть о тяжелом прошлом – несправедливости, голоде, холоде, тяжелых работах – обо всем, что нам суждено было пережить. Мы чаще вспоминали о хорошем. Хорошее запоминается лучше, а плохое забывается, каким бы тяжелым оно ни было.

Я знаю, что Владимир Максимович родился в Польше. Его мама была полячка, а отец – украинец, казак, служил в Польше. Мама владела маленькой прачечной, в которой сама стирала. Жили они неплохо, но отец, как истинно русский патриот, все время стремился возвратиться домой, в Россию. В 1914 году он наконец переехал и привез с собой семью. Вскоре в России грянула революция, а вместе с ней – голод и разруха. Мама и была бы рада вернуться назад домой, в Польшу, но это было невозможно. Приходилось как-то приспособиваться к жизни в России. Скупали соль, перевозили в ту местность, где ее не было, и меняли на продукты. Владимир Максимович ездил с мамой переводчиком. Отец работал на железной дороге, мама стирала на людей. В то время Владимир Максимович всей душой поверил в революцию, в грядущий коммунизм. В семнадцать лет имел оружие. Видел Ленина, слышал его выступление на Красной площади. Ленин говорил тогда:

- Вы – счастливое поколение, будете жить при коммунизме!

Владимир Максимович был убежденный коммунист. На эту тему я с ним часто еще в лагере спорила. Он говорил:

- Ты еще слишком молода, я старше тебя на шестнадцать лет. Да действительно, сейчас еще очень трудно. Но ведь мы строим новое общество – такое, какого не знала история. Нам не может быть легко.

А я к тому времени уже насмотрелась на жизнь. Помню, как по радио пели «Страна моя любимая, ты

самая прекрасная», а в это время в той же Усманке дети голодные и без штанов бегали. Голод там за пять лет до войны уже был. И это за сто километров от Томска, а за пятьсот-шестьсот как там люди жили? Ни радио у них, ни газет не было. Но мой муж все равно был уверен: «Я тебя перевоспитаю».

Однако перевоспитываться пришлось ему, а не мне. Уже на воле, в Щекино, через много лет (видимо, все это время в нем шел внутренний процесс переоценки) он сказал однажды:

– Да, ты была права.

Со мной такое часто бывало в жизни. Я никогда не вступала в спор с кем бы то ни было, не взвесив все «за» и «против». Бывало, Игорь не соглашался со мной в чем-то. Я отвечала ему в таком случае:

– Подожди, потом увидишь, вспомнишь мои слова.

И через некоторое время действительно он мне вдруг говорил: «Мамочка, ты, как всегда, была права...»

Не раз предупреждала я его: «Игорь, тебе не дадут долго петь твои песни!» Вот, наверное, сейчас на том свете он мне тоже говорит:

– Мамочка, ты, как всегда, была права!..

Я уже упоминала о том, что мы встретились с Владимиром Максимовичем в лагерном театре, полюбили друг друга, решили жить вместе на воле. Я ждала ребенка и решила сохранить его. До четырех месяцев беременности выступала на сцене, танцевала. Может быть, поэтому Вова у меня родился таким «попрыгунчиком». В скором времени наш театр развалили. Наиболее талантливых актеров отправили руководить самодеятельностью в другие лагпункты. Я осталась в зоне работать художником. Когда объявила о своей беременности врачу, она сказала, что с моим сердцем рожать – самоубийство. Но я почему-то была уверена, что все кончится хорошо и для меня, и для ребенка; старалась не нервничать, ведь и это могло

повредить... Готовила себя к материнству, насколько это возможно было в тех условиях. Когда на последнем месяце беременности я снова появилась у врача, она пришла в ужас:

- Что ты наделала, можешь умереть во время родов!

Родители Игоря Талькова – Владимир Максимович и Ольга Юльевна

Однако я родила без мучений, быстро. Родился мальчик, которого я назвала Владимиром в честь моего брата, замерзшего в Якутии. Мы с ребенком были в женской зоне, правда, ребенок содержался отдельно, а отец был в мужской зоне и не мог видеть нашего малыша. И тем не менее как же я была счастлива! Этот теплый комочек, которому я отдавала всю свою любовь, так согревал меня в жизни. После рождения моего Вову, как и других детей, рожденных в зоне, поместили в ясли, которые были расположены на вольной территории. Нас, кормящих матерей, семь раз в сутки водили на кормежку под конвоем. Детский врач, Лина Антоновна, бывшая заключенная, с большой любовью относилась к нашим детям: жалела, ворковала над ними, как родная мать. Кормящим матерям выдавали отдельное питание – молоко, масло, сахар. Дети были вольными, о них заботились. Я все эти дополнительные продукты съедала, потому что думала только о своем ребенке, о его здоровье. А ведь были у нас мамыши, из воровок в основном, которые производили на свет детей только для того, чтобы получать дополнительные продукты. Они их выменивали потом на наряды, а чтобы была видимость молока – съедали селедку и выпивали побольше чая. Можно представить, каким молоком они кормили несчастных детей, которые круглосуточно кричали от голода. Лина Антоновна видела нас всех насквозь, таких матерей она лишала кормлений. Некормящие матери могли видеть своих детей только раз в неделю. Кстати, некоторые воровки вообще не хотели выходить на свободу. Они говорили:

– Здесь хоть кормят, а на волю выйду – опять воровать начну.

Сначала, когда приходилось кормить часто – семь раз в сутки, мы не работали. Едва успевали ходить туда и обратно на кормления под конвоем. Только успеешь перестирывать распашонки и пеленки, как снова кричат:

– На кормежку!

Кстати, казенной детской одеждой я не пользовалась: во-первых, ее не хватало, а во-вторых, эта одежда очень напоминала тюремную робу. Жесткие, застиранные распашонки, которые стояли колом и хрустели. Я покупала материал в ларьке и все шила сама. Распашонки, носовые платочки у меня были обвязаны кружевом. Штанишки я тоже шила сама. Иногда в яслях мне выдавали сразу четыре пары грязных штанишек.

– Сколько же раз в день мой Вовка оправляется?

– Тут не только твой Вовка, мы и другим детям его штаны надевали.

– Как же так?!

– У других детей штанов нет, а у твоего Вовки целая стопка лежит. Что же им, бедным, без штанов быть?

Меня всегда это возмущало:

– Ведь у них тоже мамы есть. Что же они об одежде не думают?!

Вова с рождения был очень спокойный красивый ребенок. Мне даже завидовали некоторые мамы; часто я слышала, как они говорили:

– Дети очень меняются, часто красивые с рождения потом делаются уродами.

Я не обращала внимания, молча кормила и любовалась своим ребенком.

Один раз, помню, проспала ночное кормление. Что-то делала, устала, прилегла на пятнадцать минут, а меня пожалели и не разбудили в двенадцать часов. Проснулась, а мам нет. Ужас! Побежала на вахту, умоляла, чтобы меня одну отвели.

- Ничего, сейчас двенадцать тридцать, другие мамы уже покормили твоего Вовку. Они скоро уже назад придут.

А мне было страшно: как это чужая тетя покормила моего Вовку. Меня называли «ненормальной мамашей». Может быть, они были и правы. Но у меня была такая сильная потребность над кем-то ворковать, хлопотать, в то время я жила только своим ребенком. Спешила к нему на кормление, как на праздник, не замечала грубых конвоиров, а ведь попадались всякие. Некоторые издевались над нами. По дороге внезапно командовали:

- Ложись!

И приходилось падать на грязную дорогу, а ведь мы шли к грудным детям. Там, как и везде, люди разные попадались...

Однако недолго мне пришлось радоваться. Пришла беда. Дети начали заболевать отитом и умирать один за другим. Лина Антоновна боролась за их жизнь, но была бессильна: гной часто не выходил наружу, а распространялся в мозг. Начиналось воспаление мозга, и дети погибали. Володе тогда было полтора месяца. Он был пухлым радостным ребенком, начал агукать, улыбаться. И вот однажды пришла я на кормление и увидела своего ребенка с забинтованной головой: Володя тоже заболел. У него была очень высокая температура, он отказывался от груди и таял на глазах. Его начали колоть семь раз в день пенициллином, потом стрептомицином – ребенок не реагировал ни на что. Глаза и ротик были полуоткрыты, я кормила его из пипетки, но он не мог даже глотать, захлебывался. Утром нянечка выносила мне Володю, и по ее лицу я видела, что дело плохо. И действительно, глаза ребенка были подернуты пеленой, есть он не мог, весил, как новорожденный. И все-таки я не теряла надежду. За все это время не проронила ни одной слезы: боялась, что от

волнений пропадет молоко и нечем будет кормить Володю.

Мучения продолжались полтора месяца. Наконец Лина Антоновна заверила меня, что кризис миновал. Однако нужна была кровь для переливания:

- Ты малярией болела?

- Болела.

- Тогда твоя кровь не годится. Найди кого-нибудь, кто бы дал кровь твоему ребенку.

Вовку любили все няни. Одна из них, самая крепкая, дала ему кровь, и мой ребенок пошел на поправку: открыл глазки, зачмокал губками, начал сосать молоко и поправляться. Лина Антоновна смеялась:

- Как поросенок! Твой ребенок будет жить. У него очень сильный организм.

И действительно, в яслях часто бывали эпидемии, например, гриппа. Все дети заболели и лежали с высокой температурой, и мой Вова в том числе. Всем, кроме него, делали уколы. Лина Антоновна называла детей «пенициллиновые кавалеры».

- Что же вы моему Вовке уколы не делаете?

- Твой Вовка выдержит и так. Что его лишний раз колоть? Он у меня «бравый солдат».

По закону детей кормили до девяти месяцев, я же кормила Володю до года и полутора месяцев. В конце концов Лина Антоновна сказала:

- Послушай, совесть-то у нас с тобой есть? Ведь он у тебя бегаёт уже. Давай отнимай от груди Вовика.

Теперь я могла навещать его только раз в неделю. Остался мой Володя без мамы. А ребенок был так привязан ко мне, он начал резко меняться. Нянечки рассказывали:

- Выходим на прогулку, Вова с детьми не играет. Подойдет к какому-нибудь кусту, листочки гладит, срывает их. Присядет и молча в земле копается.

Я работала тогда в той зоне, где находились дети. Выкрою немного времени, прибегу под окошко и молчу, наблюдаю. Вижу, Вова один стоит у печки, отковыривает известку. Или пальчиком водит, водит по стене. Дети играют, дерутся, а он один. И вот стоит он так и вдруг резко поворачивается назад с истошным криком: «Мама!» Нянечки сердились на меня:

- Не приходи. Его потом приходится целый час успокаивать, а то и два, и три. Все кричит: «Мама! Иди!»

Когда я приходила к Володе, он кидался ко мне с криком и замирал на груди, всхлипывая. Иногда я, спуская с него штанишки, видела отпечаток пятерни. Видимо, он плакал без меня, кричал, а его били за это. Ведь там, как и везде, люди тоже разные попадались. Я думаю, поэтому он и вырос таким нервным. Ребенок был очень тонким, впечатлительным, ему нужна была ласка, а он был лишен ее и рос как загнанный волчонок.

Когда Володе исполнилось полтора года, вышло постановление о сокращении сроков хорошо работающим заключенным. Я тогда работала в цехе по пошиву военной одежды – шила ватные брюки. Работали мы в две смены: с 8 до 20 и с 20 до 8. Я работала очень добросовестно. Обещали сократить оставшийся срок в два раза, то есть вместо года оставалось шесть месяцев. Моя тетя с Кавказа решила забрать Вову к себе.

- Тебе еще полгода сидеть. У тебя первый ребенок умер в тюрьме. Давай спасем второго. У нас все свое: скотина, сад, огород. Нам он не будет в тягость.

Одной из наших медсестер оформили командировку на Кавказ, чтобы отвезти Вову. Возвратившись, она рассказала, как ее хорошо встретили, как рады были Володе, как все наперебой с ним нянчились, и заверила меня, что Володе там будет очень хорошо. Я взяла себя в руки и старалась не тосковать по нему. Мне удалось себя уверить, что ему там будет лучше, а моя задача здесь – работать добросовестнее, чтобы поскорей

освободиться. И действительно, как потом оказалось, Володя там поправился и опять стал живым и радостным ребенком. С ним с удовольствием занимались многие родственники. Сегодня он был у одних, завтра – у других. Бегал по двору за петухами, садился верхом на собаку, поросенка... Но все-таки раннее детство в лагере оставило в нем след на всю жизнь.

Итак, мне оставалось отбыть в зоне еще полгода. Вот тут-то и начались мои мучения. Я думала, сойду с ума. Девять с половиной лет отсидела терпеливо, а последние полгода и особенно дни были ужасны. Меня поймет только тот, кто сам отсидел. Когда я получила освобождение, вылетела из зоны, как птица, не хотелось оставаться ни одного часа. Оформила документы и уехала к папе.

Во время войны папу из Усманки направили сначала на строительство железной дороги на Абакан – Тайшет, а потом переслали на Тульские шахты. Брата выслали в Якутию на вечное поселение с тем условием, что, если он сделает попытку сбежать, – будет осужден на каторгу. Ехал он как-то ночью, уснул, лошадь стала в кустах – так он и замерз вместе с лошадей. Мама приехала к отцу в Щекино Тульской области, когда я была еще в лагере. От тоски по детям и от пережитых лишений она заболела и умерла. Ей было тогда всего сорок семь лет. Похоронили ее в Щекино, потом я и папу похоронила рядом с ней.

Мама... Она была сильной женщиной: я у нее слез почти никогда не видала. Даже когда нас выселяли, она, не проронив ни слезинки, потеряла сознание. Но в мою память навсегда врезалась такая картина: перед отправлением на трудфронт мама стала прощаться со всеми нами и с нашей коровой Манькой. Обняв корову, она вдруг разрыдалась. И тут из красивых коровьих глаз закапали слезы: они не текли, а выкатывались такими крупными бусинками и падали, не расплываясь на

шерсти... Мама с братом переправились на лодке на другой берег. Поднимаясь на пригорок, она все оглядывалась и махала мне, пока не исчезла из виду. Такой она и запомнилась мне навсегда, с белой, надвинутой на лоб косыночкой. Больше я ее никогда не видела...

После освобождения меня звали на родину, на Кавказ – там жили мои родственники, и мы с мужем могли бы прожить безбедно, но я не смогла уехать от могилы матери. Не могла я бросить и отца – он остался один, надо было его поддерживать. В Щекино сначала мы жили все вместе, потом отец женился, и я стала чувствовать, что мешаю. Пришлось снять угол и перебраться туда с ребенком. Через год к нам присоединился муж, освободившийся из заключения, и мы прожили на этой квартире еще восемь месяцев. У хозяйки было четверо детей и нас трое; все мы размещались в одной двадцатиметровой комнате. Жили одной семьей, никогда не мешая друг другу. Дети были шумные, но послушные. Мы так дружно жили все это время, что, расставаясь, даже плакали. Вообще, несмотря на все трудности, после того как ворота лагеря остались у меня за спиной, я чувствовала необыкновенный прилив сил, подъем, как задыхающаяся, выброшенная на берег рыба, наконец-то попавшая в воду, в свою стихию. Поэтому все наши житейские неурядицы я переносила терпеливо: разве можно было их сравнить с тем, что я уже перенесла!

Началась наша «одиссея» по квартирам: с одной на другую. Жили вместе с хозяевами, платили и всем старались угодить. Хозяйка-старушка за ребенком присмотрит, я ей в это время все полы перемою, Максимыч дров наколет, двор огородит и т. д.

В 1956 году папа нашел нам отдельную квартирку с двориком на окраине Щекино, в деревне Грецовка. Этот домик стоит до сих пор. Отдельная квартирка состояла

из маленькой комнатки, крохотного коридорчика, выходящего на улицу, и маленького дворика. В комнате стояла односпальная железная кровать с соломенным матрасом. На ней мы с трудом размещались вдвоем и переворачивались по команде. Рядом стояла сделанная мужем маленькая деревянная кроватка, на которой спал Вова, и столик в три доски с ножками крест-накрест. Больше в комнату ничего не помещалось. Эту маленькую комнатку делила на две части печка: «большую», где мы спали, и маленькую, которая использовалась как кухня: там стояли крошечный столик и две табуретки. В этой квартирке нам было очень уютно. В коридорчике летом мы готовили и обедали. У нас был свой дворик, который отделял нас от посторонних глаз. Я ждала Игорешу. Знакомые мне говорили:

- Ты ненормальная! Посмотри, как вы живете. У вас нет своего угла, вообще ничего у вас нет. А ты решилась на второго ребенка!

Родственники вторили им:

- Куда ты торопишься!

- Да, тороплюсь. Мне уже тридцать два года и отец немолодой.

Я до тех пор так ни разу и не почувствовала себя матерью по-настоящему. Володя был рожден в тюрьме, воспитывался в яслях, где попадались как доброжелательные няньки, так и не очень. Он был ущемлен с рождения, обижен на всех и вся. Поэтому я и решила родить второго ребенка, даже живя в нищете. Я хотела, чтобы мой ребенок почувствовал отца и мать, почувствовал материнские руки со дня рождения. 4 ноября 1956 года родился мой Игореша. Он был рожден в любви и внимании, рос уравновешенным и веселым ребенком и никогда не был таким нервным, как Володя.

Когда Игорек был совсем маленький, Вова во многом мне помогал. Все-таки ему было уже три с половиной

года, к четырем годам катилось, а Игорю всего два месяца. Игорь маленький был очень крикливый, не знаю, что его беспокоило, но он без конца кричал, а умолкал только тогда, когда его брали на руки. У меня, естественно, не всегда была возможность нянчиться с ним. Поэтому я кормила его, меняла пеленки или ползунки, укладывала в качалку, давала игрушку и уходила: лежи – играй. Но ему быстро все надоедало, и он начинал кричать. Я думала, что ребенок хочет спать, заворачивала его и просила Вову – покачай. И он послушно качал. Но Вова был невероятно шустрый ребенок, ему хотелось на улицу пойти, тем более если погода хорошая, побегать или на санках покататься, а тут – качай Игоря. Однако Вова никогда не сопротивлялся, он знал: если мама сказала, то так надо. Максимыч соорудил качку на длинных ножках. Дело в том, что в комнате было очень холодно, зимой по углам выступал иней, по полу сильно дуло, поэтому ребенка приходилось укладывать повыше – там теплее было.

Игорьку было два месяца, когда мы собрались в Москву проведать отца Максимыча – старого дедушку, который часто болел и очень о нас скучал. Вовочку он уже видел, и ему очень хотелось увидеть маленького Игорешку. Муж пришел с работы и пошел в сарай приготовить дрова и уголь, чтобы по возвращении из Москвы можно было бы сразу затопить печку. Я искупала ребят, запеленала Игорька, положила его в качку и позвала Вову – качай. Нужно было перестирать, развесить пеленки и собраться в дорогу. Дело было перед Новым годом, ехали мы денька на два, к празднику хотели вернуться домой, чтобы успеть окрестить Игорька и Володю. Итак, все были заняты сборами, и в этот момент Игорь заплакал. Я посмотрела, вижу – сухой. Позвала Вову – качай. И вот Володя качал, качал, до того надоело ему качать, что он в сердцах изо всех сил толкнул качку – она и перевернулась. Слышу

истощный Вовкин крик и Игорев плач. Вбежала в комнату – вижу, Вова под качкой лежит, а Игорь за качкой валяется вниз носиком и кричит так, что в ушах звенит. Он, видимо, не столько ушибся, сколько испугался. Тут и я закричала. Муж влетел в комнату с топором, услышал крик и не успел топор бросить, растерялся, видит, я Игоря прижала к груди. Володя из-под качки выползает, а качка вверх ногами на полу лежит. Он сгоряча топором порубил ноги у качки, все четыре ноги отрубил и выбросил. А я, несмотря на переполох, быстро пришла в себя и говорю:

– Что же ты наделал, куда же мы теперь ребенка спать укладывать будем? Всю качку изуродовал.

– Да ведь она длинноногая, это очень неудобно. Центр тяжести высоко, она и перевернулась. Ладно, почию, не волнуйся.

У Игорька носик был немножко поцарапан, а Володя успокоился, как только понял, что с Игорем все в порядке и в наказание не отшлепают (ему попадало иногда).

Собрались и поехали в Москву. А когда вернулись, Максимыч аккуратненько спилил ножи у качки, подровнял их, и качка снова пошла в ход, правда, стала пониже.

Наконец, за хорошую работу мужу дали двухкомнатную квартиру в бараке. Мы столько мытарились по частным квартирам, что сначала даже не могли поверить в это. Когда нам дали ключи и мы пришли посмотреть квартиру, я была в шоке. Помню, хоть это и смешно, я стояла и потихоньку щипала себя за руку.

– Неужели это наша квартира?

Переезжали мы на лошади, перевозить-то было, по существу, нечего. Барак был теплый, и я впервые спустила девятимесячного Игоря на пол, тут он и научился ползать наконец.

Надо было обживать квартиру. Прибили гвозди на стены и развесили наш невеликий багаж. Муж принялся за работу. В первую очередь сделал большой квадратный стол, потом смастерил две табуретки. Наши соседи тоже были нищими, поэтому мебель себе мастерили сами. Максимыч присмотрелся к тому, как люди делали диваны, и решил смастерить сам. Накрутил пружины, достал веревки, вату, разодрал тряпье какое-то. Игорю было тогда всего два года, а Вова (ему тогда было больше пяти лет) уже вовсю суетился около папы: то пружины подавал, то гвозди. Смастерили они отменный диван, он до сих пор стоит у нас на даче. Из досок Максимыч соорудил гардероб. Купили вешалки и почувствовали себя богачами. Первую комнату мы разделили заборкой на части: кухню и жилую часть. Обклеенная обоями, заборка полметра не доходила до потолка. На кухне стояли плита и маленький столик, а в жилой части спали дети. Прошло немного времени, и мы смогли купить ватные матрасы себе и детям и старенький одностворчатый гардероб. Настоящий гардероб! Он использовался у нас для легкой одежды, а для верхней – самодельный шкаф Максимыча. «Богачи!» Чтобы веселей жилось, Максимыч купил с рук маленький приемничек.

Однажды Игорь заболел. Я испугалась: мне показалось, что у него желтуха. Врач посмотрел, ему тоже подозрительным показалось его состояние, и мы отправили Игоря за двадцать километров в больницу. Ему тогда было уже два годика, но, засыпая в качке, он каждый раз требовал:

– Качай!

Привык. Пой – качай. Качай и пой. Перестану петь – качай. Перестану качать – пой. Так вот, отправили его в больницу, причем одного отправили. Я просила, чтобы меня с ним положили – не разрешили: ребенку два года – большой уже. Естественно, мы каждый день к нему

ездили, игрушки привозили. Я предупреждала врачей, что ребенок невероятно привязан к матери, не даст покоя больным, будет плакать по ночам, на что мне с сарказмом ответили:

- Подумаешь, особенный ребенок. Никуда он не денется, не будет ни капризничать, ни плакать.

Я уехала. На следующий день нянечки жалуются, кричит по ночам: «Мама, мама, мама!» Дней через пять я устроила дома грандиозную стирку и вдруг слышу стук в дверь. Входит мужчина, здоровается:

- Здесь Тальковы живут?

- Здесь.

- Вам записка из больницы.

- Что случилось? С ребенком что?

- Ничего, ничего, просто вам срочно нужно приехать.

Читаю: «Уважаемые товарищи Тальковы, приезжайте. Забирайте вашего крикуна». Все-таки он всех больных донял, не давал спать по ночам, поэтому после первых же нормальных анализов его решили выписать. Добился своего. Взяли нашего крикуна и привезли домой. Когда мы вошли в квартиру, Игорь деловой походкой, руки сложив за спиной, точно, как папа, когда говорил что-то значительное, сразу направился в другую комнату, туда, где стояла его любимая качка, и говорит с достоинством, спокойно-серьезно:

- А где моя кацка (качка)?

- Выбросили.

- А поцему?

- А вот твоя новая кроватка стоит.

- Не надо кроватку, надо кацку!

- Качка твоя сломалась, выбросили. Вот, кроватку тебе купили. Смотри, какая хорошая.

Потрогал рукой:

- Не кацается!

- Так это же не качка, а кроватка. Качку в магазине не продают.

- Папа мне сделал кацку, пусть еще сделает!

- Так нет у нас материала. - Старались как-то его успокоить: - Кровать тебе больше качки понравится. Вот увидишь.

Вечером я раздеваю его, кладу в кровать. Он сокрушенно так говорит:

- Кацать нельзя.

- Нельзя, Игореша.

И тут он поднимается и ручонками бьет по матрасу сверху вниз, а матрас пружинный, поддался и закачался.

- Кацается. Давай кацай, кацается!

- Что ты, Игореша? Так не качают.

- Кацай, казала!

Он опять надавил на пружины, но они, на мое счастье, закрипели.

- Все! Ломается твоя кроватка!

- Как ломается?

- А ты послушай, как скрипят пружины. Еще немного, и вообще не на чем будет спать.

Игорь, со вздохом:

- Тогда не кацай. Не надо.

Так мы его и отучили от качания. Качка не работает - зато мамин голос работает. Я ему спою и колыбельную Моцарта, и «Шла дивизия вперед», и партизанские, и русские, и частушки, а он все слушает и слушает очень внимательно. На каждую песню - своя реакция. Настроение той или иной песни находило живой отклик в его душе. На грустную песню - очень печальные затуманенные глаза, на веселую песню - радостная улыбка, смех и жесты руками - еще, еще! Руками как бы пританцовывал. Я думаю, с тех пор он и полюбил музыку. Перепою все, что только вспомню, лишь бы уснул. И вот, когда мне казалось, что он наконец уснул,

я переставала петь. Игорь тут же открывал глаза и кричал:

- Пой!

Во дворе дома. На переднем плане – Игорь, за ним – Владимир

Муж часто потакал ребячьим шалостям. Еще будучи совсем крошечным Игорь требовал:

- Папа, очки (очки)!
- Игорь, ты разобьешь.
- Неть!

Он надевал очки и гордо смотрел на папу. Потом, закидывая ногу на ногу, гордо-требовательно произносил:

- Куить!

Папа давал ему папиросу, конечно, незажженную, и Игорь принимал позу, точно как папа. Кстати, муж как-то особенно красиво курил, элегантно держа папиросу. И крошечный Игорек точно воспроизводил эту позу. Сидел в очках с папиросой и молча смотрел на папу. Я не знаю, кем он себя воображал в этот момент, кто он такой? Смотреть на это было невероятно смешно. В конце концов, как и следовало ожидать, очки слетали и разбивались вдребезги:

- Ну, и что мы теперь будем делать?

Игорек пожимал плечиком:

- Пости, папа, я ицяинно, я ненарочно.

Иногда в подобных случаях папа сопротивлялся:

- Не дам. Разобьешь!

- Неть! Казала, неть и неть! – Он почему-то иногда говорил «казала» или «приказала». И папочка в очередной раз давал очки. Наверное, очков пять Игорь перебил.

Кстати, меня ребята с одного раза всегда слушались. Я в таких случаях брала ремень и говорила:

- Не будешь слушать – ремень пойдет в ход!

Вовику, как старшему, иногда попадало. Мне казалось, что он может предотвратить конфликт, а он, наоборот, заводил Игоря. Поэтому Володе, может быть,

даже излишне попадало. Игорь умел выходить из конфликтных ситуаций. Как только скажешь:

- Сейчас беру ремень!

Все! Все закончено, все забыто. Игорь садился, складывал ручки и сидел как паинька:

- Видишь, мамочка, я колеший (хороший).

Ну как его тронуть, у меня руки и опускались.

- Ну смотри, всыплю в следующий раз!

- Ладно, а сейчас я колеший!

Ремня он панически боялся. Вова, которому уже попало, стоял тут же рядом и ворчал:

- Подлиза, подлиза хитрый.

Но надо сказать, что Игорь всегда запоминал, чем я недовольна, и старался меня не огорчать. Уже будучи взрослым, он вспоминал: «Папу мы не боялись».

Действительно, насколько я помню, отец ни разу не поднял на них руку: он как-то и без этого умел с ними договориться, а мне порой не хватало выдержки.

Говорить Игорь начал очень рано и в год говорил практически всё. Даже научился выговаривать букву «р», чем очень гордился, повторяя «рррак», «рррыба» и демонстрируя все свое умение.

Взрослый Игорь очень любил, когда я ему рассказывала, какой он был маленьким.

- Неужели правда? - переспрашивал он, хохоча. Особенно смеялся, когда я рассказывала о том, как он просил меня родить ему сестричку или братика. Ему тогда было годика три. Своим ребятам, как только у них возникли первые вопросы о том, откуда они взялись, сразу же объяснила, что они рождены, а не в капусте найдены. Игорь в свои три года уже знал, что рожден мамой, и поэтому очень бережно относился к беременным женщинам.

- Ты родился из животика. Видишь - у тети животик, у нее там маленький сидит. Вырастет, родится и будет таким же ребенком, как и ты.

Игорь всегда так трогательно говорил:

- Тетя такая хорошая, ведь у нее маленький там в животике сидит, ее нельзя толкать.

Ко мне приставал постоянно:

- Роди мне сестренку или братика. Хитрая, Вовке родила меня.

Я родила Игоря в тридцать два года, а в бараке жили молодые женщины, которые рожали детей. Игорь очень завидовал друзьям, у которых рождались братья или сестры, прибегал ко мне с вопросами:

- Вот видишь, другие тети родили, а ты все никак? Этому вот мальчику родили братика, а мне - нет!

- Игорь, ведь я уже старая.

- Да нет же, мамочка, ты посмотри, какая ты молодая, красивая!

И вот однажды ко мне подошел смеющийся муж:

- Знаешь, что мне Игорь преподнес: «Папа, у меня с мамой ничего не получается. Миленький, она тебя так любит, и ты ее любишь, уговори ее родить».

Игорь был очень непосредственный. Порой прибегал с улицы и выкладывал:

- Мама, вот тот-то сказал вот так-то (мат).

- Игореша, это слово очень нехорошее, так говорят только пьяные дяденьки. Ты так никогда не говори.

- Хорошо, мамочка, я не буду, но ведь это не я сказал так-то, это такой-то сказал так-то...

В детских играх Игоря проявлялись его независимость и самостоятельность. Он очень любил играть один: подолгу сидел, выстраивая солдатиков, каких-то командиров на конях. Володя, напротив, был очень подвижный, экспансивный ребенок, и вот он смотрел, смотрел на Игоря, потом не выдерживал... щелк по одному солдатику - все остальные дружно падали. Крик истошный, вбегаю в комнату: Игорь уже борется с Вовкой, уже бьет его.

- Вова, в чем дело?

- Да что он сидит, командует, командует, а войны все нет! Вот я и устроил ему войну.

- Вовик, миленький, не мешай.

- А мне скучно одному.

Игорь, чтобы избавиться от ненужных зрителей, залезал под кровать и там устраивал свою «войну». Помню, я купила им большой игрушечный грузовик (он двадцать два рубля стоил, для меня это были огромные деньги). Мальчики очень много возились с этой машиной. Володя катал на ней Игоря или они вместе с Игорем катали кота.

Игорь в детстве очень любил переодеваться. Он надевал мои кофточки и подпоясывал их, как платице, обувал мои туфли на высоком каблуке или отцовы башмаки. Вовины брюки надевал специально, чтобы подлиннее были, на голову пристраивал что-то. Он так искусно мог изображать кого-то или подражать кому-то, мы просто поражались. Вот только что нарядился и что-то изобразил и тут же выходит, одетый уже по-другому. В то время появились фильмы о крестоносцах. Господи! Это был ужас! Он брал у меня кастрюли, прикреплял к ним рога, надевал на голову, делал из чего-то кинжал и выходил к нам в таком виде. Уже в раннем возрасте, детском-предетском, Игорь чувствовал потребность в актерском выражении. «Я зайчик!» Он делал ушки, хвостик, прыгал, как зайчик. А вот - «я волк»: свирепое лицо, вой, оскаленные зубы...

Игорь с самого раннего возраста очень любил музыку. Иногда играл на детской гармошечке, которую брал у соседа Жени Антонникова. Это была детская немецкая гармошка, но сделанная очень хорошо. А чаще всего за неимением музыкальных инструментов Игорь устраивал дома шумовой оркестр. Ставил стул, на котором размещал крышку от кастрюли, вторую крышку устанавливал сверху - это у него были металлические тарелки. На ногу надевал крышку от банки, а еще одну

такую же крышку клал на пол. Второй деревянный стул использовал как барабан. Он бил в «барабан», бил в «тарелки» и ногой притопывал. Какофония была такая, что только я могла выдержать. Я терпела, потому что чувствовала, что это не дурацкое занятие – это он ритм отрабатывал. Моя соседка Маша Красинская, говорила:

– Ты, наверное, скоро с ума сойдешь, оглохнешь. Что же у тебя там творится?!

Страна детства^[1]

Часто меня спрашивают: «С чего начиналась музыкальная жизнь Игоря?»

Я помню тот момент, когда он впервые как бы увидел музыку. Вот как мне запомнился этот случай. Мы переехали в барак. Напротив наших комнат оказались комнаты Антонниковых: дядя Вася – военный в отставке, его жена, тетя Валя и их дети – старший сын Женя и Лена – моя ровесница.

Антонниковы приехали из Германии и привезли маленькую детскую гармошку, на которой играл Женя. Мебели в комнатах не было еще никакой. Игорек, совсем маленький, что-то около двух лет ему было, и я сидели на половике. Вдруг открылась дверь и вошли Женя с Леной, а в руках у Жени – гармошка. Игорь как увидел эту гармошку, вцепился в нее, задрожал весь. А она еще, оказывается, и играет! Женя как заиграл... ну тут вообще шок. Видимо, это был первый шаг в музыкальной жизни Игоря.

С самого раннего возраста он любил слушать и петь песни. Мы все время с ним что-то пели. Шло время. Мы подрастали, взрослели. Долгое время в семье не было никаких музыкальных инструментов, но мы не унывали и устраивали импровизированные концерты.

Мы с Игорем были на все руки музыканты-универсалы. Каждый мог играть и на «ударных инструментах», и на всевозможных «духовых», и на «баянах». В качестве баяна использовалась стиральная доска. Дырочки с края заменяли клавиши, а разводы на самой доске представлялись мехами. Мы садились на диван, как в оркестровую яму. Зрителями были игрушки, которых мы рассаживали повыше на спинке дивана: слон, старый раскрашенный петух из папье-маше, волк,

лисички. Мало у нас игрушек было, зато запомнились на всю жизнь.

И вот мы рассаживали «зрителей» и начинали концерт. При первых же звуках нашей «музыки» мама старалась уйти из комнаты в коридор. Там стоял керогаз, у которого она и проводила большую часть времени.

Я сейчас поставил себя на место мамы и понял, что сразу сошел бы с ума, потому что мы что-то жуткое вытворяли. Игорь привязывал к ноге крышку от кастрюли и стучал ею по полу. Гремели железные тарелки, две палки стучали, получалась жуткая какофония. Удивительно, но мы этого не слышали. В нашем воображении звучала гармоничная мелодия, мы чувствовали себя музыкантами экстра-класса, принимали овации восторженных зрителей и ощущали истинное наслаждение.

Детство – удивительная пора в жизни каждого человека. Ребенок гораздо пронзительнее видит, как прекрасен мир, какими яркими красками окрашено лето и какими большими причудливыми хлопьями идет снег.

Я уже давно не наблюдал такого снега: либо жизненная суета закрутила, спешишь все время куда-то, нет времени, чтобы обратить внимание на природу, либо чувства притупились со временем, нет таких ярких зрительных впечатлений, какие были в детстве. Даже запахи сейчас не так воспринимаются.

Раньше я знал запах весны и запах осени, запах морозной зимы и запах жаркого лета, с закрытыми глазами мог отличить лето от осени, и вообще все вокруг казалось сказочно красивым.

СТРАНА ДЕТСТВА

Пухом выстлана земля
У истоков наших лет,
И не скошены поля,

И безоблачен рассвет
У истоков наших лет.
У истоков наших лет...
Зимней сказкой пахнет снег,
Дождь струится золотой
В босоногой той стране,
Всем нам милой и родной.
В босоногой той стране
Дождь струится золотой...

И все вокруг красиво, красиво, красиво,
как в волшебном сне,
В той, всегда счастливой, счастливой,
счастливой —
сказочной стране.
Там добрые улыбки, теплые улыбки,
открытые сердца,
Там беззаветной дружбе нет конца.

И все вокруг красиво, красиво, красиво,
как в волшебном сне,
В той, всегда счастливой, счастливой,
счастливой —
сказочной стране.
Там теплые метели, крылатые качели,
цветущие сады...
Там каждый день рождаются мечты.

Мы взрослеем и уходим кто куда,
Расставаясь с этой сказочной страной,
Наши самые счастливые года
Оставляя за спиной,
И окружают нас заботы и дела
В реальном мире из бетона и стекла.

Но важно помнить в чередѣ бегущих лет

О тех, кто в сказочной стране живет сейчас,
И сохранить для них безоблачный рассвет
И веру в дружбу, и улыбку добрых глаз,
Возможность видеть удивительные сны
Под мирным небом этой сказочной страны.

И пусть они красивым, красивым, красивым,
как когда-то мы,
И таким счастливым, счастливым, счастливым
видят этот мир,
Где теплые метели, крылатые качели,
цветущие сады,
Где каждый день рождаются мечты.

IX/1981 г.

Любимым нашим развлечением было устраивать дома кукольные представления. В качестве театральной ширмы использовалась «заборка». Что такое «заборка»? Дело в том, что кухни как таковой в бараке не существовало. Из общего коридора был вход сразу в комнаты. С правой стороны стояла печь, не с лежанкой наверху, а обычная печь с духовкой.

Кстати, мы очень любили, когда мама пекла в печке пироги, ватрушки, печенье. А раньше люди очень часто этим занимались. Это теперь только по праздникам выпекается пирог или что-нибудь вкусное из теста. А в те времена каждую неделю что-нибудь затевалось: то пироги с фруктами, то с овощами, потом с картошкой. Мы выпрашивали кусок теста, чтобы самим что-нибудь вылепить и выпечь: зайчиков, лисичек, а то пистолет какой-нибудь придумаем. Потом за столом кричишь:

- Смотрите, какой красивый пирожок получился! Это я испек.

Но печь стояла в комнате. Необходимо было отделить помещение, где готовилась еда и хранились продукты, то есть сделать кухню. Мы с отцом поставили перегородку, не доходившую полметра до потолка, отделявшую печь от комнаты. В народе эта перегородка называлась «заборка», от слова «забор».

Эта «заборка» являлась прекрасной ширмой для кукольных спектаклей. Как правило, «театр» устраивался, когда мы с Игорем оставались вдвоем. А мне гораздо больше нравилось представлять, когда мы были одни. Если в комнату входили папа или мама, сразу исчезало таинство, не было ощущения, что игрушки оживают: птички, петушок, заяц, слон сами ходят.

К спектаклю мы готовились заранее. Сначала заготавливали театральный реквизит. Раньше не продавалась цветная бумага, приходилось бумагу раскрашивать акварелью. В соответствии с сюжетом украшали «заборку». В моем «театре» использовалось специальное освещение, я затемнял абажур, накинув на него платок или раскрашенную в красный, голубой, зеленый цвет бумагу. За «заборкой» ставил в ряд несколько табуреток и переходил с одной на другую с куклами в руках, так у меня передвигались все мои «актеры».

Сюжеты я придумывал сам, используя то, что знал, – ведь папа очень много нам читал и рассказывал. У нас была огромная книга «Сказки» с прекрасными иллюстрациями. Потом ее дали кому-то почитать, и она пропала. Эта книга очень действовала на мое воображение, именно оттуда переносились в спектакль всевозможные персонажи.

Как правило, Игорь был моим единственным зрителем, но иногда к нам в «театр» приходили его друзья: Володя Мартынов, Леша Журавлев и Юра Бабич. Я рассказывал их на диване, и чудо начиналось...

Дети были удивительно благодарными зрителями. Они очень живо реагировали на действие, сопереживая происходящему, и, кстати, прекрасно принимали все театральные условности. Нельзя забывать, что некоторые персонажи, мягко говоря, были не совсем похожи на тех, кого я хотел представить.

Допустим, резиновый волк исполнял роль какого-нибудь мальчика, а где же его взять, если его нет. Или слон у нас изображал кавалерийского коня, а петух был тем самым кавалеристом, который должен сидеть на этом «коне». А иногда выполнялись основные функции игрушек, например, слон исполнял роль боевого слона, только в этом случае к нему привязывали два ножа.

Игорь с большим интересом смотрел представления, подыгрывая из зала. Иногда моим персонажам надо было сказать или пропеть что-то хором, я, естественно, не мог это сделать сразу за всех. В этих случаях Игорь помогал мне с места, совмещая роль зрителя и актера.

Не знаю, кто получал больше удовольствия от моих спектаклей: мои зрители или я...

Игорь был веселый, подвижный ребенок. Его образ из той далекой детской поры таким у меня в памяти и остался – рыженький, конопатенький мальчишка, в рубашке с короткими рукавами и в шортиках, очень общительный, все время улыбающийся. Вообще это был жизнерадостный, добрый мальчик.

Будни и праздники

Игорю, конечно, очень хотелось играть на настоящем инструменте. Он очень просил купить ему баян. А в то время каждая копейка у нас была на счету. Все вещи покупались только в рассрочку. Что делать? В конце концов пришлось собраться с силами и купить ему баян «Киров». Этот баян был для него тяжеловат, конечно. Но более подходящего дешевого баяна не нашли, а дорогой купить не было возможности.

Сначала Володя, как старший, пошел в музыкальную школу, потом и Игореша тоже. Но Игорь очень не любил ноты, а играл на слух. Преподаватель говорил, что у Игоря абсолютный музыкальный слух.

– Сколько через меня прошло учеников, но такого слуха, как у Игоря, я просто не встречал ни разу.

На занятиях учитель давал ему задание выучить то или иное произведение по нотам. Тогда Игорь хитрил:

– А вы мне проиграйте, пожалуйста, целиком, я послушаю, как это звучит.

Учитель, конечно, догадывался, в чем тут дело, но никогда не отказывал. И вот за этот один проигрыш Игорь схватывал все музыкальные нюансы. Педагог, проиграв произведение, уходил к другому ученику. Через некоторое время он возвращался.

«Иду я, слышу, шпарит Игорь. Я уже знаю: схватил на слух. Открываю дверь: «Выучил, Игорь?» – «Да, выучил». – «Молодец. А теперь сыграй вот от этой строчки до этой».

Игорь, конечно, в растерянности. Приходилось сознаваться, что в нотах он не разбирается, а играет на слух. Не знаю, почему, но ему все прощалось. Наверное, учителя чувствовали, что из него и так получится неплохой музыкант. Так и закончил он музыкальную

школу с тройками по музыкальной грамоте и сольфеджио.

С самых ранних лет я старалась привлечь внимание ребят к природе: травке, цветам, закатам, восходам. Я сама с раннего детства была очень наблюдательной. Например, очень любила подолгу рассматривать облака: ложилась в саду на траву и рассматривала небо. Особый простор фантазии давали кучевые облака. Я грезилась: вон там гора, тут сад, а там из-за дерева ангелочек выглядывает. Просыпаясь утром, я рассматривала гобелен, висевший на стене у кровати. Он был окантован цветочками, кубиками. Я подолгу лежала и смотрела на эти кубики: вот чертик, а вот красивая женская фигура. Мне хотелось взять кисточку и обвести то, что я видела. Или рассматривала потолок. Промелькнет какая-то тень – и заработает воображение. И своим ребятам я тоже показывала то, что видела:

– Смотри на небо, вон барашек, вот дерево, а тут – древний старец...

Ребята с ранних лет полюбили природу. А природа ведь это и есть наша Родина: не случайно тянет в родные места – там и воздух и трава особые. Мальчики очень любили цветы. Помню, приносили мне первые желтенькие цветы мать-и-мачеха. Цветочки закрывались на ночь, ребята страшно расстраивались и сокрушались. Я их успокаивала:

– Ничего, сейчас они отдыхают, спят, а утром опять раскроются.

Я любила устраивать детям праздничные дни рождения, несмотря на то что жили мы более чем скромно. Воспитывая ребят, я старалась не забывать о своем детстве, своих чувствах и стремлениях той далекой поры. У меня, например, никогда не было хороших кукол, мама покупала кукольную головку и пришивала к самодельному туловищу. А мне хотелось «настоящую» куклу с открывающимися и

закрывающимися глазами. Я могла часами стоять у витрин магазинов и рассматривать их. Поэтому своим детям я старалась по мере сил и возможностей покупать игрушки, чтобы они не чувствовали себя обделенными. Мои родители обходились без лишних расходов, не отмечали дни рождения ни себе, ни нам. Но, помню, я всегда так мечтала о таком празднике, поэтому своим детям не могла отказать в этом удовольствии. Угощение было самое простое: нажаришь картошки, сделаешь салат из овощей, ситро. Приглашались все дети с нашего двора. Сначала гости усаживались за стол, поздравляли именинника, угощались. Ну и, конечно, вершина праздника – испеченный мамой пирог. Пирог с повидлом, но зато как он был украшен! Я делала из теста всевозможные цветы, которые вплетались в орнамент, и надпись: «Поздравляем Игоря (или Вову) с днем рождения. Столько-то лет». Все это смазывалось яйцом и запекалось. Получалось очень красиво, дети от радости прыгали. К пирогу плюшечки мастерили, сыновья мне помогали, я давала им по куску теста, и они лепили фигурки. Сами запекали, потом гостей угощали. После застолья всегда начинались танцы, игры; мы с папой вместе с ними хоровод водили. Я представляю, какое удовольствие получали дети, если мы, взрослые, так радовались. Я натягивала через комнату веревку, к которой привязывала пустые пузырьки, картинки, дешевые игрушки, конфеты. Детям завязывали глаза, давали в руки ножницы и они устремлялись к веревке срезать себе что-нибудь. Смешно было, когда они щелкали ножницами выше или ниже. Игорь был хохотун такой, падал на пол, дрыгал руками и ногами:

– Ой, как смешно! Тебе не повезло, ты ничего не срезал, вот я сейчас попробую.

Владимир Максимович и Ольга Юльевна с сыновьями
– Владимиром и Игорем

Никольская церковь в Щекине, где был крещен Игорь

Брал ножницы и... удивительно, ему всегда везло, он что-нибудь да срезал. Вот так дети целый день резвились, прыгали, плясали, к вечеру, устав, успокаивались... Папа читал им что-нибудь напоследок, и, довольные, они расходились по домам.

Соседи удивлялись:

- Господи! Охота тебе возиться с ними. Собрались бы взрослые, посидели за столом, а ребенку подарки купили.

Видела я такие дни рождения. Взрослые за столом пьют, а ребенок в углу сидит, как зайчонок. Порой доходило до драк; ребенок, испуганный, убежал из дома. Вот так и отмечались детские дни рождения. Такого у нас никогда не бывало. Правда, к нам собирались и взрослые, когда мы отмечали общие праздники. Приходил мой папа с женой, приходила крестная моих

детей, Лида Ростовцева (мы с ней вместе отбывали срок в лагере, но мир тесен, и в Щекино встретились). Все были певуны, папа командовал хором. Максимыч пел баритоном, папа – басом, его жена – вторым голосом, я – сопрано. Игорь мог петь только хрипом, поэтому в общем хоре не участвовал, а Володя всегда пел очень хорошо высоким тенором. Мы пели в общем-то одни и те же песни, которые с каждой нашей праздничной спевкой отрабатывались все лучше и лучше. В коридоре барака собирались соседи – послушать, как мы поем. И когда я выходила в коридор, мне говорили:

– Как вы замечательно поете, как артисты!

Пьяных никогда не было, всегда было очень весело: мы пели, плясали. Игорь стеснялся и никогда не танцевал, а Володя плясал хорошо. Помню, когда танцевал отец, Володя закусит губу и внимательно наблюдает, себе «на ус наматывает», а потом и сам пускается в пляс, очень старательно подражая отцу. Даже сейчас взрослый Володя, если пляшет, то по детской привычке обязательно губу закусывает. Когда ребята немного подросли, они подыгрывали гостям: Володя на гитаре, Игорь – на баяне.

Вот так мы и жили – бедно, но счастливо. Зарплата у нас с мужем была мизерная, дорогих вещей у нас не было никогда: ни хрусталя, ни ковров – мы к этому не стремились. Зато если появлялись какие-нибудь деньги, например, отпускные, мы старались детей вывезти в Москву: в зоопарк или в парк Горького. В зоопарк им даже надоело ездить – что там смотреть одно и то же, но в парк на аттракционы они не отказывались ездить никогда. С маленькими детьми мы дважды ездили на Кавказ к родственникам. У них там было свое хозяйство, и ребятам все было очень интересно. Бабушка доила корову, а они стояли рядом и пили парное молоко из кружки.

Героический поступок

Я уверен, что любовь к театру и музыке зародилась у Игоря в семье. Семья подтолкнула.

Отец прекрасно декламировал, пел романсы, был великолепным танцором и плясуном. Когда выходил с «Цыганочкой», весь двор собирался смотреть, как пляшет Максимыч. Его всегда так по-доброму звали – Максимыч. Он был старше всех соседей, пользовался уважением, и, когда плясал, все недоумевали, как в его почтенном возрасте можно такое откалывать. Очень красиво он танцевал вальс. В те времена люди еще танцевали танго, фокстрот.

Каждый год летом мы ездили в пионерские лагеря. Под Тулой, в «Красных воротах», было два лагеря от завода железобетонных изделий, где работали отец и мама. Один лагерь назывался «Орленок», другой «Солнечный». Поначалу мне было как-то тоскливо, хотелось домой, а потом привык, втянулся в лагерную жизнь, поскольку там была художественная самодеятельность. Я был запевалой, пел «Взвейтесь кострами, синие ночи», призы получал, мы первые места брали. И вот в лагере между делом я научился играть на шестиструнной гитаре. Игорю очень понравились аккорды, и он попросил, чтобы я и его тоже научил. Он очень способный и усидчивый ученик был, с ним мучиться не приходилось. Стоило один раз показать, и он корпел до тех пор, пока не выучивал аккорд.

Новых вещей себе я почти не покупала, а детям всегда шила все сама. Маленькие дети были у меня одеты, как игрушки. Фантазия работала прекрасно. Даже когда ребята выросли, я продолжала обшивать их сама, доставала модные выкройки, материал покупала в

магазине и по выходным шила. Мои мальчишки всегда жалели меня, они знали, каких трудов стоило приобретение новой одежды. Если у них появлялись, например, новые брюки, я говорила им:

- Один раз постираем, и брюки будут уже старыми, еще раз постираем, и будешь ходить в совсем облезлых.

Я не помню такого случая, чтобы кто-нибудь из них порвал новые брюки или рубашку. В общем, ребята, как могли, помогали нам преодолевать нашу бедность.

Я старалась хотя бы иногда покупать сыновьям шоколад и шоколадные конфеты, но при этом я советовала им делить шоколад на части, чтобы растянуть удовольствие. Вообще ребята были удивительно чуткие и понятливые, им не надо было много раз объяснять, например, что в семье плохо с деньгами. Я думаю, каждому из нас приходилось наблюдать в магазинах такую картину: у витрины стоит мать с ребенком, который требует что-то купить, при этом он плачет, топает ногами, иногда даже падает на пол и кричит: «Купи!»

Мои дети всегда смотрели на такого ребенка в полном недоумении. Вова был постарше, многое уже понимал и в магазине у меня ничего никогда не просил. Игореша был помладше, иногда подходил ко мне, дотрагивался рукой и тихо так спрашивал:

- Мама, у тебя денежек много с собой?

- А что ты хотел, Игореша?

- Вот это нельзя купить? У тебя хватит денежек?

Если я видела, что вещь дорогая, объясняла ему:

- Игореша, если у меня и хватит на это денежек, то завтра хлеба не на что будет купить.

- Ладно, мамочка, не надо.

Если же я могла купить, то никогда не отказывала в просьбе, тем более что просил он очень редко.

Мальчишки всегда были вежливы с людьми. Наши соседи не раз это отмечали, что было особенно приятно.

Действительно, Игорь мог ссориться с ребятами во дворе, раскричаться, разгорячиться, но он был особенно вежлив со всеми окружающими. Мог три раза в день поздороваться.

- Игореша, ты сегодня с ним уже здоровался.

- А я забыл. Ладно, ничего, не помешает.

...На заводе распределяли землю под огороды, так называемые «дачи». Я сначала не хотела брать: дети маленькие, забот много - но потом все-таки взяла землю. Володе было тогда тринадцать лет, Игорю - около десяти. Дом, водопровод - вообще все на даче делал Максимыч своими руками, а мальчики помогали ему. Щели в доме закрыли пластиночками, потом покрасили их в красный цвет, сам дом - в зеленый, на крыше соорудили гребешок, а к нему петушка прикрепили. Красота! Домик 2,5 на 2, перед дверью верандочка открытая: если на улице дождь, можно на веранде переждать. В доме одна малюсенькая комнатка, в ней диван, маленький столик, он же шкафчик, скамеечка, которая жива до сих пор (когда собираю фрукты, становлюсь на нее). Вот такая дача была у нас. Я любила дачу и считала так: работать - так работать! Землю рыхлила, каждый комочек руками растирала. Мне соседи часто говорили:

- Какая земля пышная! Да ты, наверное, дуешь на нее.

От завода, на котором я работала, дачу отделял только забор. Это было очень удобно: в обеденный перерыв я могла пойти на дачу и заняться, например, прополкой. После работы я опять туда заходила. Иногда вечером за мной приезжал муж на велосипеде:

- Жену разыскиваю. Пропала жена.

Мы с ним вместе заканчивали необходимую работу и шли домой.

Зачем мы взяли дачу? Прежде всего мы хотели, чтобы у наших детей были фрукты. Почти пол-огорода

засаживали клубникой; дети ели ее вдоволь, да я еще и варенье варила. Посадили яблони, сливы, картошку, лук, помидоры, смородину, крыжовник. Ребята тоже помогали нам по уходу за дачей. Мы отводили им кусочек земли, и они копали наперегонки.

– Мамочка, мы вот это выкопаем и пойдём гулять.

Дети есть дети. Копали они друг перед другом быстро, но честно, глубоко разрыхляя землю. Я следила за ними исподтишка.

– Ну вот, мамочка, мы все сделали.

Я их отправляла домой. Дача была в двадцати минутах ходьбы от барака, так что идти было недалеко. Они уходили и дома занимались своими детскими делами, а мы с мужем заканчивали работу и тоже шли домой.

Игорь любил дачу всю жизнь. Мальчишками они уходили на дачу с ночевкой, брали с собой книги, иногда арбуз. Ребят с собой позовут. Такая романтика! Столько впечатлений! Вечером рассказывали друг другу страшные истории; казалось, что у дома кто-то ходит, они закрывались на крючок, гасили свет, сидели, как мышата, потом свечку зажигали. Казалось, что шалит домовой, приходили кикиморы, стучали к ним в дверь. Ночью снились страшные сны...

Один уникальный случай из жизни Игоря я узнал совсем недавно от друга его детства Юры Бабича. Это произошло, когда они были подростками. Однажды летом ребята поехали на речку, взяли лодку напрокат, катались, гребли по очереди. День был жаркий, захотелось искупаться, начали прыгать в воду прямо с лодки. Плавать они тогда только научились. Игорь сидел в лодке, а Юра прыгнул:

– Вынырнул я и увидел, что лодка против моих ожиданий находится довольно далеко от меня; видимо, прыгая, я оттолкнул ее слишком сильно. Чувствую – не

доплыву, начал барахтаться, тонуть, а голос пропал от страха, хочу крикнуть – и не могу. Игорь сидит в лодке, замечтался о чем-то, задумался (с ним иногда такое случалось) и не смотрит в мою сторону. Я стал уходить под воду. Раз погрузился – вынырнул, и тут наконец-то голос у меня прорезался. Закричал. Игорь очнулся, видит: я тону, и, не раздумывая ни секунды, бросился в воду меня спасать, а я опять стал погружаться и последнее, что я помню – солнце, просвечивающее сквозь воду, и все... потерял сознание. Очнулся на берегу. Оказывается, Игорь подплыл ко мне, схватил за плечи и удерживался на поверхности вместе со мной какое-то время, при этом кричал, звал на помощь. Сам начал тонуть, но меня не отпустил. Так и вытащили нас на берег вместе.

Вот так случайно я узнал, что Игорь, будучи подростком, совершил героический поступок. Вообще спасение человека – это всегда подвиг, тем более если спасатель – по существу, мальчишка, который не может рассчитывать на свою физическую силу. Единственное, что придало ему силы, – это желание спасти друга во что бы то ни стало. Игорь умолчал тогда об этом случае по той простой причине, что боялся расстроить родителей; но и позднее никогда не вспоминал о нем, видимо, не придавая особого значения.

К лире тянется рука

Игорь любил спорт, участвовал в школьных спортивных командах. Меня всегда удивляла его напористость. Это качество сохранилось у него на всю жизнь. Не щадя ни сил, ни времени, он шел к намеченной цели. Например, захотел играть в хоккей, значит, должен был играть по всем правилам и на уровне, а не так только, чтобы провести время. Игорь купил наколенники; на день рождения ему подарили деньги, которые он берег до тех пор, пока в Москве не купил себе хоккейные ботинки с коньками. Ключки мы ему подарили. Вставал он в то время в шесть часов утра, облачался в хоккейную форму (как он только мог поворачиваться в ней; подлокотники, наколенники, все прочее снаряжение). Получался такой колобочек, смешно смотреть было, и убегал тренироваться. Потом приходил домой, завтракал и шел в школу. Ростом он в детстве маленький был и страшно переживал из-за этого, тем более что Володя рос мальчиком крупным. Игорь сокрушался:

- Мама, неужели я таким малышом всегда буду?
- Ну подожди еще немного, вырастешь.

У нас во дворе при детской комнате организовали хоккейную команду. Игорь сразу же в нее записался и трудился на хоккейных полях. Его наградили грамотой как игрока лучшей хоккейной команды. А Игорь мечтал стать профессиональным хоккеистом. У него была маленькая красная записная книжка, которой он доверял свои мысли и наблюдения, и вот там он крупным почерком написал: «Умру, но стану хоккеистом!»

Меня это очень тревожило. Я боялась, что он покалечится как-нибудь, ведь хоккеисты травмируются

страшно. Я пыталась его переубедить, а он мне отвечал:
– Меня бесполезно уговаривать. Мне это только на пользу.

Мы понимали, что увлечен он очень серьезно и действительно может стать профессиональным хоккеистом. В конце концов Игорь, почувствовав, что достиг неплохого спортивного уровня, решил попробовать свои силы и поехал в Москву, в свой любимый ЦСКА. Игорю удалось встретиться со всеми игроками хоккейной команды, которые оставили ему свои автографы, а Фирсов подарил свой большой портрет с сыном. Его посмотрели специалисты и... в дворовых командах он действительно выглядел игроком экстра-класса, а там, на большом поле, его движения были неумелыми, да, может быть, и растерялся он, когда вышел на большую площадку. Сказали, что способности есть, но необходимо еще работать и работать, нужна длительная подготовка. Это сразу отрезвило Игоря, ведь с присущим юности максимализмом он полагал вскоре выйти на профессиональный уровень. Пропала всякая охота, и он никогда уже больше не пробовал себя на этом поприще. Правда, в хоккей играть продолжал, с Володей сражался; они заливали двор из шланга и играли с соседскими ребятами.

Игорь с Володей всегда были очень дружны между собой. Володя любил младшего братика, снисходительно к нему относился, жалел его, защищал. Вообще Володя был очень смелый мальчик, занимался гимнастикой, боксом, и Игорь всегда им гордился. Хотя и сам никогда не отставал от больших ребят. Они мне рассказывали:

– Игорь маленький, а такой храбрый.

Раньше у нас, как и везде, у ребят происходили сражения: улица на улицу, двор на двор. Игорь ходил на эти сражения всегда вместе с большими ребятами, бежал впереди и кричал:

– Я вам покажу!

Я, к моему стыду, всегда учила ребят: «Не связывайтесь, нападают – убегайте. Сейчас честного поединка нет».

Тринадцать лет мы прожили в бараке, и, наконец, мужу дали новую квартиру, вернее, получилось так, что он сам попросил. Мы всё молчали: ладно, живем в бараке и живем. Муж все время работал на заводе, был на хорошем счету. Однажды я выбрала подходящий момент и спросила:

– Что же мы живем в бараке, молчим, а ведь наш завод строит дома, и рабочие получают квартиры.

– У нас ведь есть квартира.

И действительно, квартира у нас хорошая, но ведь в бараке. В одном коридоре шесть квартир, люди разные, и ссоры случались, и всякое. Мне тоже хотелось пожить по-человечески. Решили встать на очередь. Наконец в 1970 году дождались новой квартиры и стали готовиться к переезду. И вот тут-то появилось неожиданное осложнение: мои ребята не хотели ехать. Дело в том, что в Щекино, как и везде, ребята делились на отдельные группировки. В нашем районе тоже были группировки ребят, враждующих между собой, стена – на стену. Прибегали домой с синяками, взбудораженные, рассказывали, кто победил – мальчишки есть мальчишки. А теперь складывалась более серьезная ситуация. Квартиру мы получили по другую сторону железнодорожной линии, в Станционном поселке. Раньше там были частные дома, огороды, а потом этот район решили застроить современными домами. В этом поселке была известная группировка ребят, ужасно хулиганистых. Они иногда заявлялись на нашу сторону, особенно во время праздников. Дело в том, что именно у нас были парк, кинотеатр, центральная улица и центральная площадь, на которых проходили манифестации. Они сталкивались с группировками

наших ребят, и происходили драки. В общем, шла постоянная «война». Мой папа тоже жил за линией, ребята часто ходили к нему в гости, и вот однажды, при возвращении, на них налетели местные мальчишки. Вова их отвлек, Игорешек, маленький тогда еще был, убежал, а Вова досталось на орехи. И вот, когда ребята узнали адрес нашей новой квартиры, они заявили категорически:

- Мама, мы туда не поедem! Там бывают нечестные драки, нас порежут!

- Ребята, ну что же нам теперь с квартирой делать?

- Сразу меняйте квартиру на эту сторону.

Но новая квартира так мне нравилась: трехкомнатная, с балконом (мечта всей моей жизни), четвертый этаж. Район хороший: рядом магазины, и аптека, и больница. Я пыталась уговорить ребят:

- Что же делать, придется быть осторожными, днем будете ходить, а вечером дома сидеть. Ничего, обживемcя.

Наконец переехали. В скором времени местные ребята узнали, что Вова играет на гитаре, а Игорь на баяне, и прислали своего гонца с приглашением. Мальчики посоветовались и решили, что упираться смысла нет, а может быть, удастся с этой компанией и подружиться. Взяли они баян и гитару и пошли на эту встречу. Целый вечер они играли и пели и... просто покорили всех своей простотой и музыкальностью.

Расстались друзьями.

- Идите домой и никого не бойтесь, а если кто-то вас тронет, скажите нам, мы берем вас под свою защиту.

А что тогда видели дети? Идти в город в кино - поздно возвращаться страшно. Магнитофонов ни у кого не было, телевизоры и то не у всех были. Чем заниматься? А тут вдруг нашлись ребята, которые играют, поют и пляшут. Так мои ребята и прижились в Станционном поселке. А Игоря начали нарасхват

приглашать на всякие семейные торжества: ведь он великолепно играл и подбирал все, что угодно, на слух.

Стихи Игорь начал писать очень рано. Еще мальчишкой он написал свои первые четверостишия. Я на это занятие не обращала особого внимания, потому что сама в детстве сочиняла простенькие стихи и мой брат Володя тоже с самого раннего детства писал стихи неплохие. Помню, и я, следуя его примеру, написала такие строки:

Женя девочка простая, молодая и худая,
Любит бегать и смеяться и на саночках кататься,
Ну а утром долго спать, про уроки забывать.

На том и остановилась. Хорошо писал Владимир Максимович. Он обычно дарил детям и сотрудникам поздравления в стихах. И мне он часто писал в стихах. Осталось стихотворение, написанное Владимиром Максимовичем незадолго до смерти в 1978 году. Однажды, гуляя по парку, он остановился у памятника Пушкину, внезапно пришло вдохновение, и так родились его последние стихи:

Его перо достигло цели,
Одет он в мрамор на века.
Стою я рядом, вдохновляюсь,
И к лире тянется рука.

Видимо, Игорь взял понемногу от каждого из нас. Первое написанное им очень смешное стихотворение он подарил мне. Это целая «поэма» на тему 8 Марта. Мои мужчины хотели устроить для меня настоящий праздник, все домашние дела в этот день взять на себя: приготовить завтрак, подарить мне цветы и сделать так,

чтобы я отдыхала. В стихотворении он рассказал, что из этого получилось.

8 МАРТА

Посвящается маме.

Сегодня день 8 Марта,
Международный женский день.
И мы решили нашей маме помочь
И сбросить с себя лень.

Встал первым папа тихо-тихо,
Чтоб никого не разбудить.
Прошел на кухню, не одевшись,
Хотел он краник починить.

Подставив пару табуретов,
Полез он наверх за ключом
Да поскользнулся и с размаху
Об пол ударился плечом.

Но мама, к счастью, не проснулась.
А ключик папочка достал.
Но тут опять же неудача —
Он винт от краника сломал.

Вода фонтаном бьет и свищет,
Соприкасаясь с потолком.
Но наш отец опять спокоен,
Он сплющил дырку молотком.

Но потолок-то весь размытый,
Известка каплет там и тут.
Водички в кухне по колено,
Вот-вот соседи прибегут.

Но нам не страшно, вся водичка
Ведь не останется у нас:
Перебежит она, родная,
Сквозь пол к соседям в тот же час.

Проснувшись, я на кухню сразу
Помчался голый и босой.
А там в воде картошка с мясом
Ныряет с жирной колбасой.

Спросил я папу: «Что это значит?»
А он мне: «Это просто так.
Сейчас вот выловим продукты,
А остальное все пустяк».

Пока мы воду с ним черпали,
Мой брат магнитофон чинил.
Не знаю, как с магнитофоном,
А телевизор он разбил.

Ну так и есть, и маг взорвался
И сзади стенку опалил.
Но тут мой брат не растерялся —
Магнитофон совсем добил.

Ну тут и я, от вас не скрою,
Задел нечаяно самовар,
Ну он разбиться не разбился,
А вот бока себе помял.
Но тут шаги мы слышим в спальне,
Так сердце екнуло у нас,
Наверное, такого б страха
Не произвел и Фантомас.
Ну побежал навстречу папа
И объяснять ей что-то стал,
Весь гладкий, голый, как из бани,

А... тут в дверь к нам кто-то постучал.

Примерный мальчик

Детские стихи Игоря, конечно, наивны по содержанию и несовершенны по форме, но они милы и дороги моему материнскому сердцу и, полагаю, будут интересны читателю как своего рода «проба пера» юного поэта. Я их собирала, бережно хранила и переписывала в особую тетрадку, чтобы показать потом повзрослевшему сыну... После его гибели я с особым трепетом стала перелистывать и перечитывать эти бесценные для меня странички, и кое-что в его ранних стихах даже для меня стало высвечиваться по-новому...

Из школьных предметов Игорь отдавал явное предпочтение гуманитарным наукам: литературе, истории, географии – и, наоборот, терпеть не мог математику и физику. Видимо, у него это «наследственное»: я тоже никогда не любила эти дисциплины. И вот после экзамена по физике в десятом классе Игорь, расстроенный тем, как он полагал, что подвел своего любимого учителя, написал ему с отчаяния покаянное письмо в стихотворной форме.

Сегодня я невероятно зол,
Кусаю локти и ругаюсь рьяно.
Я знаю, что я в химии – козел,
Я знаю, что я в алгебре – осел,
А в физике сегодня я прослыл бараном.

Прослыл я, как убийца всех надежд,
Надежд моего лучшего учителя.
Я отвечал невеждой из невежд,
Разоблачал нутро своих одежд
И надевал одежды я надежд губителя.

Ворочал языком я, как болван,
Забыл совсем все формулы и теоремы.
И, улыбаясь, – новоявленный баран —
Как будто в стельку стелек пьян,
Рукой дрожащей путал схемы.

И, не успев начать свой пренелепый сказ,
Успел открыть уже штук шесть иль пять Америк,
Куда-нибудь бы провалиться, скрыться с глаз,
Уж стал жалеть, что я не Фантомас,
Который смог спокойно б выйти в двери.

Все перепутав и перезабыв, имея пять болтов,
Я все надеялся сухим из моря выйти.

И плел, и плел, и плел я кучи слов,
Наверно, приплетал и эпизоды снов,
Которые я видел и не видел...

А Ломоносов на стене терпел, терпел,
Кривился, охал, ахал и косился.
Я на него смотреть никак не смел,
Но все же осмелел и посмотрел,
И тут он, заорав, сквозь землю провалился.

В гуманитарных я секу и спору нет,
Наук же точных ум мой избегает.
Простите ж, Юрий Алексеевич, мне мой ответ,
Простите и сведите злость свою на нет.
А я – башкой о стену – может, полегчает.

22/VI/1974 г.

Сохранились четверостишия, варианты-наброски
этого стихотворения:

ФИЗИКА

Физика – наука интересная,
Увлекательная физика, зовущая.
Но всему причина мысли пресные,
Мысли мои, день и ночь поющие.

Сколько, сколько я им раз приказывал:
«Бросьте, мысли, петь, учите Ньютона»,
А они со сценой крепко связаны,
Рампами и гаммами окутаны.

Но настанет время долгожданное,
Искуплю вину я пред наукою,
Сочиню я оперу эстрадную,

В ней гитара будет только штукою.

Физика же будет в ней за главного
Со своими выводами, вводами,
Музыка специально будет плавная...

Игорь уже в школьные годы не был обделен вниманием лучшей половины человечества. Одно время он дружил с девушкой по имени Лена. Их объединяла и общность интересов: вместе ходили в театральные кружки в поселке Первомайский (кстати, занятия вел очень опытный режиссер, серьезно относящийся к работе с детьми, он преподавал им азбуку произношения и т. д.). Но, как известно, в юности чувства непостоянны: увлечение вскоре прошло. При расставании с Леной Игорь подарил ей стихотворение «Зима и Лето»:

На краю земного света
Много, много лет назад
Встретились Зима и Лето.
Встали, смотрят и молчат.

Восхищаясь жарким Летом,
Вдруг промолвила Зима:
«Ты прекраснее рассвета,
Ты загадочней, чем тьма.

Каковы твои озера!
Глубоки, чисты, свежи.
Неба синие просторы,
Колоски пшеницы, ржи.

Соловьи в садах цветущих
Заставляют сердце петь,

И загадочные пущи,
Где живет один медведь.

Зелень рощ, долин просторы,
Тихих зорь пьянящий свет.
Красотой пленяешь взоры,
Пишет о тебе поэт».

«Я тронута твоим рассказом, —
Промолвило, вздыхая, Лето. —
Но я тебе отвечу сразу,
Что красотой и ты одета.

Ведь ты, Зима, еще прекрасней,
Твой синий снег, морозы,
Твой месяц голубой и ясный,
Тебя жалеют злые грозы.

Лишь снег пушистый и прохладный
Морозный воздух освежает.
Твой белый снег совсем не жадный,
Тебя он всюду согревает.

Мои ж дожди дадут напиться
И тут же быстро убегают.
Я не успею освежиться,
А солнце уж меня сжигает.

Своей холодной красотой
Сердца пленяешь всех и всюду. Живи!
И будь всегда такою,
Тебя я в жизни не забуду...»

Так, восхищаясь красотой,
Они друг другом любовались.
И тут же (от тебя не скрою)

Они всегда дружить поклялись.

Но, подружив деньков немного,
Зима и Лето вдруг расстались...
Но почему? А потому, что спросить
Желания природы не догадались.

У Лета вымерзли березы,
Листва от холода опала,
Поникли, почернели розы.
И песня соловьев увяла.

А Зиму бросили метели,
Мороз обиделся, ушел.
Бураны гибнуть не хотели —
Мороз с собою их увел.

Но, спохватившись, раздружились
Зима и Лето в тот же час,
Перед природою взмолились,
И та простила их в тот раз.

И вместе больше их не зрели.
Где есть одна, там нет другой.
Послушай, Лена, не могли ли
И мы такими быть с тобой?

Я – Лето, ты – Зима, похоже?
А можно и наоборот,
Ведь финиш остается тот же,
Расстройства масса и невзгод.

И я прошу не обижаться:
«Терять листы» я не хочу.
Тебе ведь суждено влюбляться.

А я?.. Мечтать я полечу!

3/VI/1974 г.

Разгадать свою долю

Вообще, уже в ранних стихах Игоря явственно просматривается тема поиска своего жизненного призвания, той «заветной цели», к которой стремилась его юная душа и достижению которой он посвящал все свои помыслы:

ДНИ
Пролетают, пролетают
И в пространстве где-то тают
Временем опутанные дни.
И не спросит, и не спросит
Сила та, что дни уносит,
Почему остались вы одни
В мире, где люди живут,
Где люди живут.

В мире, где люди живут,
Легко захлебнуться в счастье
Или в несчастье – все равно,
Если вы не смогли отыскать
Свою дорогу в жизни,
Ведущую к заветной цели.

Стремясь «разгадать свою долю», Игорь в стихотворении, написанном им в девятом классе, подходит к интуитивному пониманию какой-то даже фатальной предначертанности своего жизненного пути:

ДОЛЯ
Сто несчастий ходит рядом,
Сто немых врагов,
Ни преграды, ни ограды, ни следов.

Жизнь, ведешь тропинкой в поле
В темные края.
Ах ты, доля, что за доля
Странная моя...

Рядом плещет морем счастье,
Сто друзей вокруг.
Все печали и ненастья
Разбежались вдруг;
И ведет тропинка в поле
В светлые края,
Ох ты, доля, что за доля
Странная моя...

Заискрились звезды в небе,
Заплясали вдруг,
Где я был и где я не был,
Ты ответь мне, друг.
Жизнь – тропинка в тихом поле,
Ночь – любимая,
Ну и доля, что за доля
Странная моя...

Сохранился вариант одного из четверостиший:

Разгадаю свою долю
В дальних тех краях.
И скажу – спасибо, доля
Странная моя...

1973 г.

Уже в школьные годы в Игоре пробуждалось то стремление к глубокому философскому постижению мироздания и сути человеческого бытия, что столь

явственно проявилось в его зрелой поэзии. Так, сплошь испещренные написанными еще детским округлым почерком строками листочки школьных тетрадей обнаруживают записи-откровения типа: «Люди! Какие же вы запутанные существа! Жизнь подобна канату над пропастью... Один неверный шаг, и ты – в пропасти. Канату над пропастью...»

Попытки разобраться в окружающем мире и найти смысл своего существования свойственны подростковому возрасту в целом, но характерно, что у Игоря эти поиски с юных лет сопряжены с какой-то жертвенностью во имя пока еще слишком общо понимаемых человеческих ценностей. Желание слиться с миром и привнести в него некую гармонию прочитывается в стихотворении «Я отдал бы свое счастье...»

Я отдал бы свое счастье,
Я отдал бы, друг,
Чтоб обиды и ненастья
Разбежались вдруг.
Чтоб людей вела дорога
К миру на земле,
Чтоб у светлого порога
Не таиться мгле.

Я прошел бы через дни и годы
Сквозь жару и снег,
Чтоб печали и невзгоды
Превратились в смех,
Чтобы с утренней росой
Счастье расцвело,
Чтобы с девичьей косою
Не играло зло.

Я уйду в пустые дали,

Растворюсь в тиши,
Чтоб с любимыми шептали
Ночью камыши,
Чтобы люди на планете
Не узнали слез,
Чтоб кругом на белом свете
Было много роз.

06/V/1976 г.

Эту же тему развивает и набросок:

Протопчу седые дали
Сквозь печаль и смех,
Свою долю разгадаю
Свежестью помех.
И тогда враги и козни
Обессилят в зле,
И тогда улыбкой больше
Станет на земле.

Небольшой отрывок из записей дневникового характера отражает те же настроения распахнутости миру и носит ярко выраженный программный характер: «У каждого человека для того, чтобы жить интересно, весело, принося себе и людям радость, должен существовать какой-то внутренний огонь, стимул, цель в жизни, как бензин у двигателя внутреннего сгорания. Если не будет в двигателе бензина, он не будет работать; так же и в человеке: если в нем не будет внутреннего накала, цели в жизни, стимула – он будет не интересен ни себе, ни людям.

Человек, не имеющий всего этого, подобен камню, брошенному с высокой скалы в океан: там, на дне он

*обречен на бесполезное гниение среди необъятных
вод...» (02/III/1976 г.).*

Ретивый комсомолец

...«Обманутость» моего поколения проявлялась, в частности, в том, что я могла сомневаться в советской власти в целом, но в Ленина верила всегда. Это уже потом сыновья раскрыли мне глаза на то, что если бы не Ленин, то, может быть, с нашей Родиной и не произошло бы того, за что мы теперь расплачиваемся. В Ленина верил и мой муж, и детям мы внушали, что, если был бы жив Ленин, все было бы совсем по-другому. Игорь в детстве свято верил в грядущий коммунизм, и мы старались не разрушать этой веры. В то время главой государства был Брежнев, а все помнят, что он собой представлял, особенно в последние годы; тошно было смотреть на его увешанную наградами грудь. Люди стали уже анекдоты про него сочинять, и иногда эти анекдоты рассказывались у нас дома при детях. Я в то время уже начала понемногу готовить ребят к жизни, чтобы у них не было особой эйфории по поводу происходящего в стране. И вот, иногда ругаешь правительство и видишь, что Игорю это очень не нравится. Однажды я прямо ему сказала:

- Игорь, да не верь ты тому, что говорит Брежнев!

Он ужасно возмутился, ведь тогда Игорь был комсомолец да еще ретивый такой:

- Мама, если ты еще раз тронешь Брежнева, я убегу из дома!

- Игорь, да ты посмотри, как люди живут вокруг тебя! Ты видишь, как мы живем, а ведь отец с утра до ночи работает на бетонном заводе, плиты для домов делает, а мы столько лет в бараке жили. Я сижу в компрессорной, уже оглохла от шума. А какую мизерную зарплату мы с отцом получаем?!

Ох, зачем я был такой беспечный!

Но без суеты и резких слов
Убедил меня великий гений.
В заключение сказал: «Вот так, Тальков,
В ваше время нет приюта лени».

Тронутый словами Ильича,
Я поклялся впредь ценить минуты.
И почувствовал, как плача и ворча,
Погибает лень во мне со злобой лютой.

Люди! К счастью своему, узнав,
Что такое лени бремя,
Я прошу вас, лени бой задав,
Берегите! Берегите! Берегите Время!

Всегда побеждать

Можно представить себе, каким болезненным был для Игоря процесс осознания ложности тех идеалов, которыми была овеяна его юность, и тем мучительнее был поиск новых ориентиров в жизни и ожесточеннее его протест против тех, по вине которых «когда-то могущественная Российская империя превратилась в сырьевой придаток развитых капиталистических стран» (фрагмент из спектакля-обличения «Суд») и выбилась из естественного хода своего развития... Но все это будет потом, после армии, а пока наивная юношеская распахнутость навстречу жизни, вера в незыблемость тех представлений, что почерпнуты в школьные годы, сказываются и в стихотворении, посвященном окончанию десятилетки. Кстати, оно же обнаруживает и тонкую лирическую струну, которая так пронзительно звучала в поэзии Игоря до его последних дней, как-то удивительно, неповторимо сопрягаясь с острой социальностью и гражданственностью его творчества:

Вот и все, друзья,
десять школьных лет незаметно пролетели:
решая, говоря,
в учебники смотря,
мы заметно повзрослели.

Стоим пред отчизною мы,
полные знаний,
стремленьем горя,
стремленьем горя.
И новых открытий,
больших испытаний
нам сулит земля.

Хочется сказать родным учителям
за все огромное спасибо:
за теплоту их слов,
за все, что дали нам,
за их не по годам седины.

За то, что учили с бедой нас бороться,
всегда побеждать,
всегда побеждать.
За то, что ругали и тут же прощали,
как добрая мать.

Прощай же, школьный двор
и наш любимый класс,
вовек тебя мы не забудем,
за то, что согревал
зимой холодной нас,
за то, что ты нас вывел в люди.

Прощайте, окошки, дощечки и парты,
и актовый зал,
и актовый зал.
Прощайте, порожки, линейки и маты,
прощай, наш журнал.

26/VI/1974 г.

«Стою один на всей земле...»

Полонез Огинского

В 1970 году, когда Игорю было около четырнадцати лет, он закончил музыкальную школу. Ему хотелось попасть на телевидение на передачу «Алло, мы ищем таланты». Сказано – сделано, он своего добился. Слушал, смотрел. Я уже упоминала о том, что неудачная попытка стать профессиональным хоккеистом отбила у Игоря охоту всерьез заниматься спортом. После этого случая все его интересы сосредоточились на музыке, а именно – рок-музыке. Заявил вдруг: «Я буду петь!» Ребята и до этого увлекались музыкой. У них было много пластинок: особенно любили «Битлз», «Аббу», «Веселых ребят» и других. В день Володиного восемнадцатилетия мы с отцом подарили ему магнитофон. Вышло это совершенно случайно. Отец упал на работе и сломал правую руку. На выплаченную страховку и приобрели магнитолау «Фиалка». Ребята стали записывать кассеты, и вот тогда Игорь вдруг заявил:

– Я буду петь!

Вова смеялся:

– Чем же ты будешь петь?

У Игоря был хриплый голос – сорвал в детстве. Но надо знать Игоря. Он занялся голосом очень серьезно. От кого-то он услышал о московском враче Стрельниковой, которая поставила голоса многим артистам! Игорь узнал ее адрес и добился аудиенции. Она его осмотрела и заключила:

– Твое горлышко надо лечить, у тебя хронический ларингит!

Но окончательно излечиться от этой болезни Игорю так и не удалось, потому что он не давал покоя своему горлу: всегда спешил, как будто чувствовал близкий конец. Лечиться было некогда, разве что пополоскает

горло, когда болезнь совсем дойдет, а так все время с больным горлом работал. После двух-трех концертов вечером был просто ужас: он хрипел, не мог говорить. Но тогда Стрельникова ему очень помогла. Игорь занимался с ней непосредственно, а для дома она продиктовала специальную дыхательную гимнастику. Игорь даже отца увлек. Владимир Максимович, на него глядя, тоже стал заниматься. Они делали руками такие движения, будто боксировали, и при этом в такт выдыхали. Потом Игорь исполнял специальные рулады. Надо было очень любить и понимать его, чтобы выслушивать и терпеть все эти его упражнения. Но он добился своего, разработал голос! Из того сипа, который у него был раньше, пробился-таки голос, хотя и с хрипотцой. А со временем он так разработал голос, что мог взять и высокую, и низкую ноты. Я была поражена! Как можно из ничего, только за счет колоссального труда, упорства, упрямства разработать голос! Сказал: «Буду петь!» Все. Он это сделал. Вова поначалу смеялся, а потом вынужден был признать, что был не прав.

Я уже говорила, что у нас в семье часто звучала музыка. Собиралась компания – обязательно пели. А когда Игорь видел рояль, то загорался весь. После школы он сразу делал уроки, такая была у него привычка, не оставлять «на потом». Я ему иногда предлагала:

– Игореша, иди на улицу побегай. Немного развеешься.

– Нет, мамочка, пока не сделаю уроки, никуда не пойду.

Сразу делал все уроки, а потом говорил:

– Теперь я свободен до вечера.

После этого он шел во двор гулять. Но иногда просил:

– Мама, а можно я пойду в школу и поиграю на пианино?

Я в школе в свое время тоже «играла» на пианино. Пробегала по клавишам. Думаю, пусть пойдет побренчит.

И Игорь довольно часто стал уходить в школу играть на фортепиано, но никогда не хвалился, что уже чему-то научился. Он уже закончил школу, а мы и не знали, что он умеет играть.

Сразу после школы у Игоря было первое серьезное увлечение: он познакомился с девушкой по имени Света. Она закончила училище имени Даргомыжского по классу фортепиано, у нее дома стоял инструмент.

Игорь нам говорил тогда:

– У Светы дома так хорошо, у нее пианино, я часто играю.

Однажды нас пригласили в гости на Светланин день рождения. Гости сели за стол, и вдруг Светина мама попросила:

– Игореша, сыграй нам что-нибудь на пианино.

Игорь сел за инструмент и заиграл. Отец посмотрел на меня, а я на него: неужели это наш Игорь так играет?

– А разве вы не знаете, что Игорь прекрасно играет?

– Конечно, не знаем, откуда нам знать?

Игорь засмеялся и спросил:

– Мама, а что тебе сыграть?

– Не знаю. Играй, что хочешь, а мы послушаем.

Он долго играл, а потом предложил:

– А теперь вы спойте песню, а я буду аккомпанировать.

Светин отец, две ее подружки, мы с Максимычем запели, Игорь нам аккомпанировал – и делал это настолько правильно, настолько тонко!

Бывает, что люди, аккомпанируя, немного не попадают в тональность, с Игорем такого не было. И тут я пришла в уныние: Господи, так ведь ему нужен инструмент, где же я возьму шестьсот рублей на пианино?!

Одна гостья меня успокоила:

- У моей дочки семь лет было пианино, взятое напрокат. Это очень удобно. Может быть, потом Игорю инструмент и не понадобится. Зачем же его покупать?

На другой же день мы с сыном побежали в ателье проката. Там стояли три инструмента, но таких расстроенных, старых! Вижу, Игорь подавлен:

- Игорь, выбери какое-нибудь пианино, которое хоть как-то бренчит. Потом настроим.

Он попробовал играть, и продавщица, увидев, что он очень профессионально берет аккорды, предложила:

- Подождите, не спешите, оставьте нам открытку. Я вас буду иметь в виду. Одна девочка закончила музыкальную школу и должна через месяц вернуть инструмент, мы его оставим для вас.

Действительно, через месяц пришла открытка: можно было забирать инструмент. Поехали, погрузили, привезли домой. Прокат стоил тогда четыре рубля в месяц. Это было вполне доступно, а инструмент оказался очень хорошим. Сколько радости он доставил Игорю! За ним всерьез изучалась нотная грамота, сочинялись первые песни. А нам Игорь доставил столько удовольствия! Я очень любила полонез Огинского. Когда его передавали по радио, я включала громкость на полную катушку и замирала. Еще в лагерном театре мы ставили пьесу, в которой гости танцевали этот полонез. Он мне как-то запал в душу, и до сих пор, вот уж и Игоря нет, его маленький Игорек мне играет...

Уже живя в Москве, сын приезжал в гости и первым делом играл мне этот полонез. У меня в памяти осталась такая картина: открывается дверь, появляется Игорь, разувается, босиком подбегает к пианино, открывает крышку и играет полонез Огинского, а я стою рядом, замерев от восхищения. Меня так трогала эта сыновья чуткость.

В 1974 году мы провожали Володю в армию. Тяжело провожали, я очень плакала. Посадили мы Володю на автобус и пошли домой. Игорь и говорит:

– Мамочка, можно я вперед побегу?

От вокзала до дома было два километра. Он побежал, а мы с мужем пошли потихоньку. Подходим к дому, а Игорь выходит навстречу:

– Мама, а я стихотворение написал.

Брата в армию забрали,
Ну и пусть.
Что о нем не буду плакать,
Поклянусь.
Государство наше надо ж
Защищать.
Чтобы люди все могли спокойно
Спать.

Не тужите же, родные, по нему.
Там ему не будет скучно одному.
Он же служит в мирной стороне,
Он же с нами рядом, а не на войне.

Раньше ведь служили столько лет,
Приходил домой не парень – дед.
А теперь там служат месяца,
Да и то шутя и спрохладца.

В заключение хочу сказать.
Что ему недолго воевать.
Через месяц он придет домой,
Только не такой, как прежде...
С лысой головой.

Володя служил в 1974-1976 годах в Киргизии. Я летала к нему в 1975 году, и он с гордостью показывал мне свою воинскую часть. Когда Володе удавалось получать увольнительную, он с другом уходил в горы, к водопаду. Забирался на гору и стоял на макушке: взглянешь налево – снег, направо – зелень, солнце. Он часто присылал нам письма с описанием этой красоты. Скучал по домашним. Игорь написал и отправил ему в армию такое шутовское стихотворение:

Во глубине Тянь-Шаньских гор
Ты будь примерным «мушкетером».
Не пей ни водку, ни «Кагор»,
Всегда будь с ясным, трезвым взором!

Союз нам надо защищать
От всякой нечисти и гадов,
А коль придется недоспать,
Ты недоспи, брат, знать, так надо!

Пусть воздух диких скал и гор,
Небесной синевы просторы —
Природы вытешет топор
Тебя такого же, как горы.

Даю наказ перед концом:
Не смей скучать и быть понурым.
Как ненавидишь подлецов,
Так ненавидь быть часто хмурым.

Лидер

В ранних стихах Игоря раскрывались его формировавшийся характер, его способность чувствовать несправедливость и чужую боль. Вот одно из таких стихотворений:

О КЛАССЕ

Полдень. Конец урока.
Время шепчет: «Скоро домой».
Преподаватель читает нам Блока...
Вдруг перед школой проходит слепой.

На поводке у него собака,
Самый надежный и преданный друг.
Вдруг наш остряк плоский и задавака
Смотрит в окно и смеется, да вслух.

Слепой неуверенно как-то шагает,
Тычет палочкой в мокрый снег.
Ребят это зрелище так занимает,
Что шепоту вслед звучит смех...

Смейтесь! Конечно, что ж не смеяться
Над бедным несчастным слепым стариком.
В оправдание скажете: «Не могли удержаться»,
И смех стал другом вам в деле плохом.

Сыты? Сыты! Одеты? Одеты!
Никогда не слышали грохот войны,
Вы, обнаглевшие с жиру «кадеты»
Молодой и свободной страны!

К вам обращаюсь я, «комсомольцы» в кавычках,
Правда, и сам я не идеал,

Но вопреки моей к смеху привычке,
Героя войны я не осмеял.

Зажрались, залились, заврались, забылись,
Не помните тех, кто вам жизнь сотворил,
Кто в жизнь был влюбленный,
Но пулей сраженный,
Не дожил и недолюбил.

Ребята, давайте такими не будем.
В каждом же что-то хорошее есть.
Давайте сознание наше разбудим
И совести нашей прикажем расцвести...

Еще одно стихотворение, посвященное нашей крестной матери – тете Лиде и написанное экспромтом на подаренной ей фотографии. Удивительно, но в этом, по сути, программном стихотворении сформулирована четкая жизненная установка: в свои семнадцать лет Игорь смог определить цель жизни, то есть сделать то, на что способны не все, даже умудренные опытом люди.

На светлую, долгую память
Себя на листе Вам дарю.
Хочу я Вам радость доставить,
Смотрите: я сценой горю!

И пусть даже внешне спокойный,
Внутри я пылаю мечтой!
Мечтою высокой, привольной,
Зовущей, толкающей в бой.

На бой с паразитами жизни,
На бой из-под рамп и софит.
Любой паразит только пискни —

Ты будешь со сцены убит.

И пусть я пишу, тетя Лида,
Не как настоящий поэт,
В словах моих правда зарыта,
А с правдой горячий привет.
Я буду к той цели стремиться,
Какой не достиг мой отец.
Я буду учиться, учиться,
Отцов доплести чтоб венец.

22/VI/1974 г.

Осенью 1973 года произошли события в Чили. Раньше подобные события представлялись нам как? Мучения, ад, цепи, рабство, непоколебимость борцов против тирана... Существует такое понятие, как «всемирная отзывчивость» русской души, введенное Достоевским в «Речи о Пушкине» (1880 г.). Не боюсь показаться пристрастным, но думаю, что в Игоре эта отзывчивость с юных лет проявлялась в обостренной форме. Душа его болела за это маленькое государство. Так появилась песня «Ночь над Чили». Это была первая политическая песня Игоря. Кстати, она победила на конкурсе художественной самодеятельности:

Тучи землю оросили
В ночь над Чили, в ночь над Чили.
Тучи небо все закрыли,
В сумрак спрятали луну.

Море воеет и бушует,
Словно гибель Чили чует,
Словно знает – жить свободно
Ей осталось ночь одну.

Точно знает – жить свободно
Ей осталось ночь одну.
Тучи небо все закрыли,
В сумрак спрятали луну.

Люди спят, спокойны люди.
Что же будет, что же будет?
Что же завтра с ними будет,
В черный день для их земли?

Ждут их пытки, тюрьмы, слезы,
Ждут их страшные угрозы
И несбыточные грезы,
И приказы: «Пли, пли, пли!»

Знать, что завтра с ними будет,
Люди ночью не могли.
Их не солнца луч разбудит,
Их разбудит стон земли.

Кровь ручьями литься будет.
Верьте, люди. Знайте, люди!
И никто уж не разбудит
Спящих вечным, мертвым сном.

Но бороться будет Чили,
Мстить за тех, кого убили,
Мстить за тех, кто не увидит
Ни друзей своих, ни дом.

Мстить за тех, кто не увидит
Ни друзей своих, ни дом.
Но никто уж не разбудит
Спящих вечным, мертвым сном.

В старших классах Игорь учился в школе № 11, и, конечно, на нем держалась вся художественная самодеятельность. В то время он уже играл и на фортепиано, и на гитаре. Кстати, игру на фортепиано Игорь освоил самостоятельно, хотя у нас дома инструмента тогда не было. Он создал школьный ансамбль, который с блеском выступал на вечерах. Тогда музыкальные группы назывались ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Было великое множество всяких ансамблей: и хороших, и посредственных. В поселке Первомайский играл на танцах ансамбль «Колокольчик», который пользовался большой популярностью.

Из Щекино молодежь ездила на танцы именно в поселок Первомайский. Потом Игорь с друзьями тоже создали ансамбль; назывался он «Былое и думы». Сначала они базировались во Дворце культуры третьей западной шахты, где им предоставили помещение. Щекинская молодежь очень любила их ансамбль и стала ездить уже и на третью западную шахту, потому что там играли Тальков, Заломов, Лысенков, Глудин. Оттуда ребята перебрались на новую базу, на завод РТО. Это было уже в новом районе, куда мы переехали из барака. Нам дали квартиру в пятиэтажном доме на улице Лукашина. Там прошла юность Игоря до самой армии. Однако и после переезда он все время уходил на старую квартиру в бараки: там остались его друзья, в том районе была школа, там была вся его жизнь.

Игорь писал мне в армию, что у него ансамбль на РТО и они пишут там какие-то песни, устраивают конкурсы. Но я не относился всерьез к его занятию. Я больше склонялся к тому, что он станет музыкантом-инструменталистом. Ведь он виртуозно играл на баяне и еще на многих инструментах: на гитаре, на фортепиано, мог быть барабанщиком. Петь, как мне казалось, он не

мог, потому что в детстве сорвал голосовые связки. Каким образом?

У нас была большая игрушечная машина – грузовик «ЗиС-150». Крутишь вертушку – поднимается кузов, самосвал. Это была любимейшая наша игрушка. К машине мы привязывали ремнями кота, он не хотел сидеть сам, а нам нужен был пассажир. Получалась потрясающая симфония: кот орал и шипел, самосвал визжал и скрежетал железными колесами. Когда Игорь оставался один, то обычно залезал под кровать. У него там солдаты – война или строительство какое-то. Ему, конечно, хотелось, чтобы машина не визжала, а работала, как настоящий автомобиль. И вот он рычал, искусственно изображая рев мощного двигателя. Так он все время и напрягал голосовые связки, пока не сорвал их совсем. После этого он разговаривал хрипло, а когда хотел подпеть, то сипел, и это выглядело очень смешно.

У всех вокалистов в то время были голоса с большой амплитудой, широким диапазоном: «Смотри, какой диапазон!» – тогда принято было говорить. Уже получила известность Алла Пугачева. Было много популярных ансамблей, и вокалисты, поющие в них, имели неплохие голосовые данные. Кстати, хорошие ансамбли были: «Поющие гитары», «Веселые ребята», «Голубые гитары» – ансамбли, имеющие свое лицо. Сейчас я этого не вижу в огромном количестве всевозможных групп.

Мне было очень смешно, когда в армии я получил письмо Игоря, в котором были такие строчки: «Бог услышал мои молитвы. Я принят в профессиональный ансамбль Тульской филармонии, который называется «Фанты». А приняли меня туда как лидера-вокалиста».

Я несколько раз перечитал это место. Очень странно! Если бы его приняли как музыканта-инструменталиста, если бы его взяли на подпевки, это было бы еще понятно, но лидер-вокалистом в профессиональный

ансамбль? Это было совершенно непонятно. Я и не знал тогда, что у Игоря в то время возникли большие проблемы. Впервые незнание нотной грамоты стало серьезным препятствием на его творческом пути. Дело в том, что в профессиональном ансамбле, куда приняли Игоря, и до него появлялись ребята, не знавшие нот, но за какой-то промежуток времени они их осваивали. Сейчас-то вообще ноты и партитуры не нужны, в эстрадных группах вполне обходятся без них, потому что используются компьютеры и все поют в основном под фонограммы. А раньше при работе на студии без партитур нельзя было обойтись. Домашних студий практически не было, пользовались профессиональными студиями звукозаписи, на телецентре, на радио. Время записи было ограничено, как и сейчас на хороших студиях. Каждому музыканту отводилось место, перед ним на пюпитр ставились ноты – партитура. Вот в этой ситуации музыканты и проявляли себя. Ведь до этого многие из них утверждали, что в совершенстве знают ноты и играют с листа. Но одно дело знать ноты, читать их, а другое дело воспроизводить их тут же на инструменте; это сложный процесс. Поэтому в ансамблях, как правило, были заняты профессионалы.

*«Мой дальний берег детства,
Где звучит аккордеон...»*

Вот тут-то Игорь впервые столкнулся с проблемой нот. В свое время в музыкальной школе он отринул нотную грамоту, она ему была не нужна на том этапе. Потом он работал с самодеятельными музыкантами, которые так же, как и он, играли на слух. А в профессиональном ансамбле на репетиции приходилось играть с листа и петь по нотам. Тут и началось сольфеджио, которое лютой ненавистью ненавидят те, кто прошел музыкальную школу. Что делать?

В то время Игорь познакомился с девушкой – Светланой. Он и раньше, еще в школе дружил с девочками, в кино с ними ходил, мороженым угощал – у всех в детстве такое бывало; а теперь впервые возникло серьезное увлечение... Светлана закончила музыкальное училище им. Даргомыжского в Туле. Игорь попросил ее о помощи. И вот они засели за фортепиано, и Игорь начал изучать нотную грамоту с азов, с постижения нотных знаков. С нуля начинать – это кошмар! Тем более в таком возрасте. Это дети все быстро схватывают, а ему уже восемнадцать лет было. Но для Игоря препятствий никогда не существовало, он очень серьезно подошел к этому занятию и замучил Свету насмерть. Она говорила:

– Я больше не могу! Я все брошу!

Нет! Игорь денно и ночью осваивал ноты. Для этого ему понадобилось очень мало времени. Если обычно на изучение музыкальной грамоты требуется значительное время, то он освоил ее за лето.

С тех пор началось становление Игоря как профессионального артиста. Он быстро вошел в структуру музыкальной жизни и молниеносно приобрел популярность в Туле. Когда я пришел из армии, то

увидел потрясающую картину. Если бы мне кто-нибудь сказал, что это Игорь выступает, я бы не поверил этому никогда. Но не мог ведь я не поверить своим глазам и своим ушам. Игорь запел. И достаточно хорошо. У него был своеобразный голос, отличающий его от остальных певцов: хриплый, но душевный, очень проникновенный. Он пел в то время зарубежные шлягеры и наши «советские» песни, которые обязательно должны были входить в репертуар исполнителей. Дело в том, что все ансамбли в то время были под управлением Министерства культуры, куда надо было сдавать концертные программы. Правда, некоторые песни не сдавались комиссиям и работались только на концертах, но палку перегибать тоже было нельзя. Могли распустить коллектив, лишиться звания, которое присваивалось на конкурсе, так что «советские» песни тоже приходилось петь.

Игорь начал набирать силу. Светлану он тоже постепенно втягивал в орбиту своей музыкальной жизни, привел ее в коллектив. Она имела сильный голос, но у нее не было «манеры» исполнения. А Игорь всегда говорил, что можно обладать прекрасными голосовыми данными, но, если нет манеры исполнения, нет звукоизвлечения достаточного, чтобы тебя услышали, певец не состоится, будет безразличен зрителю, в душу не будет проникать. Игорь учил Свету, но эстрадное пение было, видимо, не для нее.

К восемнадцати годам у Игоря был немалый багаж. Я уже говорил, что он играл на многих музыкальных инструментах. Однажды я совершенно случайно обнаружил, что, помимо всего прочего, он играет еще и на скрипке. Дело было так. Когда я пришел из армии, мы как-то собрались вместе: мой армейский друг Миша Скубилин (в армии он руководил ансамблем), Игорь и я. Решили что-нибудь изобразить. Я взял гитару, Миша сел за пианино. И вдруг откуда ни возьмись Игорь вытащил

скрипку – пыльную, со сломанной кобылочкой и начал что-то цыганское играть. Такая получилась у нас «гоп-компания», как Игорь иногда говорил, «скрипка, таз и утюг». Игорь все осваивал самоучкой, просто он был очень способный, и ему все давалось необыкновенно легко. У нас порой возникали споры на эту тему. Я говорил ему:

- Ты талантливый человек. Все тебе просто. Вот ты сел и написал стихотворение. Тебя осенило, ты и пишешь.

- Нет, это я трудом, кровью и потом дошел до всего этого.

Вообще он был работяга, я таких больше не видел. Когда человек создает что-то и видит каждодневный результат своего труда – это понятно. А Игорь мог сутками работать над каким-нибудь музыкальным штрихом. Для меня это было смертоубийство. Например, ему надо что-то переделать, и вот он по тысяче раз переигрывал одну и ту же музыкальную фразу на протяжении нескольких часов. В конце концов я не выдерживал:

- Если ты не прекратишь, я разобью фортепиано. У меня уже сил нет слушать!

Я закрывался двумя подушками, залезал под одеяло... А он работал, пока не добивался необходимого звучания той или иной музыкальной фразы.

Игорь часто говорил, что творчество – это мучение и колоссальный труд. А в результате рождение той или иной песни воспринималось как своего рода озарение: есть только канва, эскиз и вдруг – сразу осеняет, и песня создается на одном дыхании. Так, например, была написана «Россия»...

Постепенно, освоившись в «Фантах», Игорь начал подавать свои идеи. Руководитель ансамбля Васильев стал доверять ему проведение репетиций. Оркестр был с мощной инструментальной основой, в него входила

большая медная группа, гитары, скрипки. Хочу отметить, какой у Игоря был феноменальный слух. Однажды он при мне остановил репетицию:

- Стоп, ребята! Вторая труба в седьмом такте сыграла не ту ноту.

Для меня это было чем-то фантастическим. Как можно услышать в целом оркестре одну ноту, сыгранную трубой? Надо учесть, что в то время Игорю было всего восемнадцать лет, а такое качество, как правило, нарабатывается с годами.

Уроки жизни

Игорь очень любил Москву. Как только выдавались два-три свободных дня, он сразу отправлялся к родственникам. Электрички из Тулы в Москву ходили очень редко, и народу в них набивалось так много, что даже в тамбуре стояли. Игорь никогда и не пытался сесть, он с детства привык уступать место пожилым людям, женщинам и детям.

Игоря возмущало, что его ровесники с девушками и без них спокойно сидели в электричке перед старшими. Чтобы успокоить свою совесть, парень обычно брал газету, углубляясь в чтение, якобы не замечая ничего вокруг. Другой обнимался с девушкой, нашептывая ей что-то и делая вид, что не замечает пожилых людей, стоящих вокруг (от Тулы до Москвы ехать четыре часа, пожилому человеку не выстоять, я по себе знаю). Возмущение подобным поведением своих ровесников Игорь выразил в стихотворении «Электричка»:

Электричка, расскажи,
Где хранятся тайны лжи,
Тайны хамства и добра
Человечьего нутра?

– Ну и что же, расскажу,
Сущность в людях покажу.
Покажу фальшивость слов,
Изворотливость умов.

Видишь: парень, развалясь,
С молодухой обнимаясь,
Скаля зубы, сладко спит.
Рядом дедушка стоит...

Только он не сладко спит...
Слышит шепот: «Дед стоит...»
«Да, стоит, чтоб он подох,
Потерпи чуть-чуть, мой бог».

Все мужчины тоже спят,
Видеть женщин не хотят...
Это ж надо так терпеть,
Чтобы только посидеть!

А один весь путь читает,
Никого не замечает.
Только смотрит этот хлыст
На один и тот же лист.

Окончив школу, Игорь поехал в Москву поступать в театральное училище. Когда он впервые вошел в институт – для него он был храмом искусств, – чувства переполнили его, что выразилось в стихотворении:

Без памяти, без чувств,
Как будто бы во сне,
Вхожу я в храм искусств,
И кажется вдруг мне:

Нет пола подо мной,
Не материален я,
Живой и не живой!
И есть – и нет меня!

Куда-то вдаль лечу
В загадочном кругу.
Себя понять хочу,
Понять же не могу.

Но, ощутив тепло во
Взглядах строгих глаз,
Я чувствую – пришло то,
Что придет не раз.

Вот они, эти мгновения озарения, вдохновения, осознания того, что «этот мир – мой» и что «свободное место» на сцене может быть занято им по праву.

В училище Игорь срезался на экзамене литературы, обнаружив полное незнание текста шедевра соцреализма – романа М. Горького «Мать». Расстроенный, уехал домой. Потом ему подсказали, что можно было остаться в училище вольнослушателем, но было уже поздно. Дело в том, что многие студенты, принятые по блату, в процессе учебы очень скоро обнаруживали свою профнепригодность, их отсеивали. А истинно талантливых ребят из тех, что оказались после вступительных экзаменов за бортом, принимали. Они учились, заканчивали театральные институты, становились артистами. Но эта возможность оказалась упущенной. А жаль... Ведь отец так хорошо его подготовил. Игорь так неординарно прочитал на конкурсе «Скифов» Блока, что сразу привлек внимание экзаменаторов, прошел все туры по специальности. Но, видимо, не судьба.

Однако заложенный от природы актерский дар органично выразился в его песнях. Ведь, по существу, каждая песня Игоря – это мини-спектакль, срежиссированный и отработанный до мелочей. Все – и стихи, и музыка, и аранжировка, и сценический имидж – рождало органическое единство. Может быть, именно поэтому зритель сразу заметил Игоря, выделив его из общей массы нашей зачастую безликой эстрады, и поверил ему.

Неудачная попытка поступления в театральное училище послужила толчком для написания стихотворения:

ПЕРВЫЙ НОКАУТ

Расплылись вдруг дома пред глазами,
Горькой горечью обожгло сердце,
И обида расплескалась слезами,
Будто в душу насыпали перцу.

Все поблекло – деревья, небо,
Все низверглось в лавину ненастья.
Или я человеком не был?
Или я недостоин счастья?

Сплюну горечь и слезы вытру,
Недосуг нам сегодня плакать.
Знать, удел мой немного хитрый:
Не асфальт преподносит – слякоть.

Ну и что ж, раз судьба такая,
Прошагаю сперва по грязи.
Я на слякоть бетон натаскаю,
На асфальт буду честно вылазить.

Но зато, проходя по бетону,
Опасаться трещин не буду,
Потому что сам клал, со стоном,
Клал в пример бездарным верблюдам.

В бесшабашные юности годы
Нам все видится в розовом свете,
Потому что мы дядь антиподы,
Потому что мы все-таки дети.

Но впоследствии мы замечаем:

Наши грезы развеяны где-то,
Потому как, правду качая,
Видим черную сторону света.

Не получится жизни сладкой,
Если только молчать и плакать,
Нужно жить. Если б старт был гладкий,
На бетоне бы встретилась слякоть.

При поступлении в училище он увидел воочию, как шустряки хамством, обманом могут всюду влезть, особенно если у них есть «рука». Это было первым серьезным уроком, который преподнесла ему жизнь. Вообще до этого провала в училище он совершенно не знал жизни...

Очень рано Игорь понял, что человеку ничего не дается задаром и жизнь обретает подлинный смысл только благодаря активному к ней отношению:

Не печалюсь, иду себе смело.
Верю, с жизнью я буду дружить.
Только жизнь нам сперва нужно сделать,
А потом уже счастливо жить.

13-16/VII/1974 г.

Пришло время службы в армии. Что делать? Расстаться со Светланой, прервать работу с группой, которая, по сути, только начиналась, отказаться от своих увлечений Игорю, конечно же, не хотелось. И вот, чтобы не расставаться с любимой работой, он поступает в Щекинское профтехучилище № 6, учеба в котором давала отсрочку от армии. Естественно, училище это было не для него: он там на слесаря учился. Тогда один из его друзей предложил помочь с устройством в

педагогический институт. Но учебный год уже начался, и свободное место оказалось не на гуманитарном, а на физико-математическом факультете, чего он терпеть не мог. Конечно же, он спал на всех лекциях, а потом просто плюнул на все и ушел в армию. Служить он начал позже своих ровесников и оказался в стройбате. И слава Богу, что так случилось. Отправили его в Подмоскowie, в Нахабино. Он часто писал нам и, несмотря на то что очень скучал, в каждом письме старался приободрить, успокоить нас, заверить в том, что у него все нормально, что «за полгода не пропал, может, и за полтора не пропаду». Мы часто ездили к нему, собирали гостинцы, но он всегда вел себя скромно:

«Мама! Опять ты там начинаешь выдумывать с пряниками и конфетами. Нет, ты неперевоспитуемый человек. Я уже смирился с мыслью, что тебя не переделать, и поэтому с удовольствием буду жевать пряники и конфеты без возражений и отнекиваний. Только об одном прошу, по возможности не тратьтесь на меня, меня и так хорошо кормят, а конфеты я покупаю в магазине, который находится на территории части. Ну вот и все пока. Сейчас пойду репетировать. Всех крепко целую и обнимаю. До свидания. Ваш Игорек!»

Спасательный круг

Служил Игорь недалеко: под Москвой, в Нахабино, а я в то время работал в Москве, мог в любой день сесть на электричку и приехать в воинскую часть. В армии, как и везде, где он оказывался, Игорь создал музыкальный ансамбль. Помню, когда я впервые увидел их репетицию, был крайне удивлен. Несмотря на то что технических средств в армейском клубе в то время было очень мало – слабая аппаратура, примитивные гитары и т. д., – ребята выделывали на сцене чудеса. Я увидел ансамбль, кардинальным образом отличавшийся от существовавших в то время ВИА. В основном ребята исполняли свои песни. Причем каждая песня представлялась как мини-спектакль, в котором было все органично: как необыкновенно оригинальные аранжировки, так и великолепное актерское мастерство.

С большим увлечением Игорь работал над композицией «С океаном наедине». В то время была создана нейтронная бомба, и перспектива ее применения ужасала его. Сюжет композиции довольно страшный: стоят пустые города, ничего живого на Земле не осталось. Игорь ведет диалог с мертвым океаном.

Плескаешься игриво:
вчера еще строптивый
и грозный океан.
И ты понять не можешь,
как мир предельно сложен,
как сложен, впрочем, сам...
Прожит день, наступает ночь,
на плечах твоих лежит туман...
Ты, увы, не можешь мне ничем
помочь,
наивный океан,

океан...

Исполосован ветром, ты думаешь,
наверно,
что вечен ты и горд,
и что в твоих глубинах
не рваться больше минам
в сплетеньях рыбьих когорт,
что в дельфиньих снах
будет жить весна,
вера в доброту человеческих глаз,
что весь мир в цветах
и что просто так
я не сплю сейчас.

Спи, спи, спи, спи...
и пусть тебе приходит в снах...
Спи, спи, спи, спи...
светлая и мирная весна.
Отоспи за меня,
мне не спать до зари,
и восходу пришедшего дня
свои сны подари...
В беспокойных, бессонных ночах
мне не высмотреть мирные сны —
каждый день,
каждый час и сейчас
я слышу, как страшно молчат
жертвы нейтронной
войны.

В бессонных, давящих кошмарах
я вижу пустые причалы,
я вижу пустые кварталы,
я вижу пустые вокзалы,
пустые театры и школы,

застывшие поезда,
уснувшие пароходы
и мертвые города...

Я вижу, как каждой весной
встают над планетой рассветы,
и как с изумрудной волною
играют усталые ветры.
Но в парках все тихо
и мертво,
дороги, как степи, пустынны,
в тревожном молчании
скорбном
заводы стоят исполины.

Плескаешься игриво,
вчера еще строптивый
и грозный океан,
да... ты понять не сможешь,
что мир предельно
сложен,
как сложен, впрочем, сам.

В аранжировке этого музыкального произведения Игорь впервые применил элементы симфонического рока. Композиция эта так и не увидела света, так как сыграть ее в то время в силу ряда обстоятельств было невозможно, а позднее она утратила свою актуальность.

Именно в армии Игорь многое начал постигать всерьез. Армия – модель государства. Игорь видел, в каком плачевном состоянии находится наша армия, и пришел к печальному выводу о состоянии государства в целом. Он мужал, начал вдумчивее относиться к вопросам истории, к нашему прошлому, а в итоге изменил взгляд и на текущие события.

Годы службы в армии ознаменованы для Игоря не только прозрением в каких-то глобальных, сущностных вопросах, но и постоянным самоанализом и стремлением к философскому осмыслению жизни:

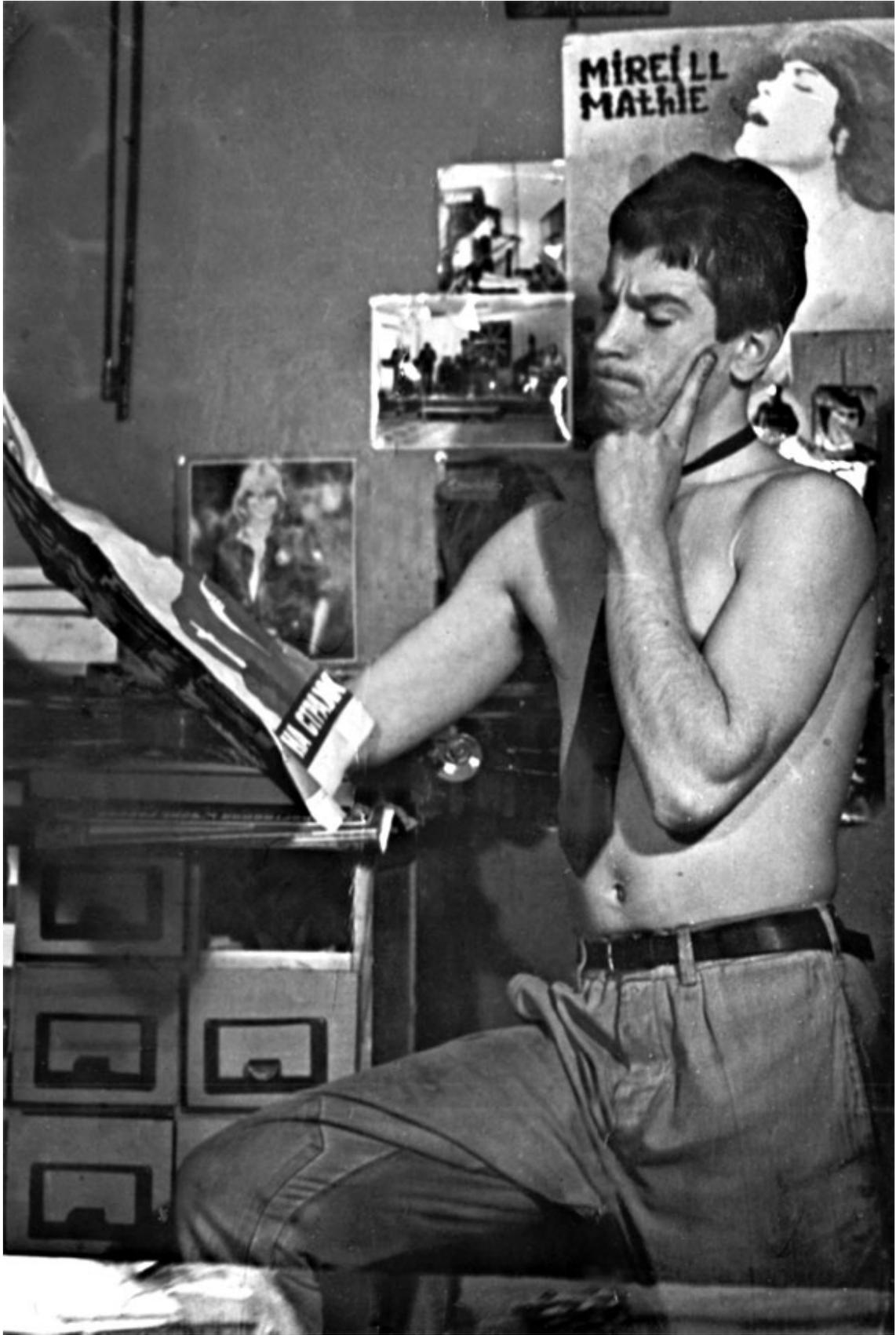
«Плохое состояние человека определяется не теми условиями, в которые окунула его жизнь сегодня, а той разницей между условиями вчерашнего дня и сегодняшнего.

Быть может, сам человек этого и не подозревает, мучаясь в догадках и сомнениях, ища выход из создавшегося положения. Но разница действует на него помимо его воли, медленно и упорно захватывая все его существо в плен томления и безысходности.

Вот, к примеру, возьмем меня. Начальник клуба, сержант, легкая работа и прочее. Иные завидуют, даже многие завидуют, мысля вслух: «Вот человек устроился. Работа “не бей лежачего”, играй себе на гитаре, ездь в Москву, читай, пиши...»

Если бы они знали, как они ошибаются.

Прошлая моя жизнь интересна, насыщена, она могла бы быть еще интереснее, если бы не кое-какие обстоятельства.

В армейские годы

А сейчас я не считаю, что я живу. Другой бы на моем месте был, безусловно, счастлив и весел. Но я создан для другого», – читаем мы в одной из записей дневникового характера той поры...

Мне 23. Признаюсь честно,
что 22 я славно прожил.
Без тени
я был хорошим.
Собою очень увлеченный,
не мог предвидеть я напасти,
что мой удел ожесточенность
и, может быть, небезопасность.

Отслужив, Игорь возвратился в Щекино, а оттуда сразу же пришлось отправиться в Сочи на заработки. Устроился лидер-вокалистом в одном из самых престижных ресторанов гостиницы «Жемчужина». Однако долго продержаться там не смог, потому что для настоящего артиста работа в ресторане может быть только промежуточным этапом, ибо со временем он может потерять как уважение к самому себе, так и свой дар. Игорь прервал контракт и ушел из ресторана.

Работая в ресторане, он решил попытать счастья и принял участие в конкурсе «Сочи-82», выступая с песней Я. Френкеля «Журавли» в своей обработке. Песня понравилась решительно всем, даже дикторы, ведущие конкурс, от души расцеловали его. Но ведь не секрет, что призовые места на этом конкурсе, как и вообще у нас на всех конкурсах, были распределены заранее. Его «срезали», и он впервые понял, что все конкурсы – «липа». Игорь очень сильно переживал свою первую

серьезную неудачу; сохранилось письмо к матери и полные горечи стихи, посвященные этому событию.

«Мама, а сколько сил было потрачено и денег на подготовку ансамбля. Как я мучился, переписывая по нескольку раз оркестровки, сколько сил положил на репетициях с полупрофессиональными музыкантами... и т. д., и т. п. Эх, эх... Одному только Богу известно... А мои стихи на конкурсе понравились всем. Сказали, что я талантливый парень. И еще – я там играл и на гитаре, и на рояле. А Френкеля на конкурсе не было. Жаль. Мне кажется, что ему бы очень понравились “Журавли”».

Да! Этот конкурс был насмешкой над искусством.

Да! Этот конкурс был большим скачком назад.

Да! Он плевал на все возвышенные чувства.

Да! Этот конкурс – суть бездарностей парад.

Но я на этот конкурс многое поставил.

К чертям забросил сон и женщин, и пиры.

Но данный конкурс проходил вне всяких правил,

И я, естественно, остался вне игры.

«Ну что ты, дорогой? С твоим ли пением, —

Мне говорили верные друзья, —

Участвовать в подобном представлении?

Его и конкурсом назвать, увы, нельзя.

Да и с твоим ли разрывающимся голосом

Петь дифирамбы «Партии родной»?

Ну а манера, борода, усы и волосы?

А поведение на сцене? Бог с тобой?!!

Да и к тому же там все куплено заранее,

И лживой лестью все зализано давно.

Поэтому, поверь, твое дерзание

Заведомо уже ОБРЕЧЕНО».

А судьи кто? А судьи кто? А СУДЬИ КТО?
Как некогда сказал один поэт —
«Сужденья черпают из забытых газет»
И всем им по сто с лишним лет.

Но я был нестигаемым в стремлении
Всем доказать, что честность и ТАЛАНТ
Нельзя согнуть, поставить на колени,
Что и в дерьме сверкает бриллиант.

И я доказывал, доказывал, ДОКАЗЫВАЛ!
Хрипя и плача, не боясь совсем порвать
Остатки связок, душу выворачивал,
И верил, что сумею доказать.

Я пёр, как бык. Я воевал с «авторитетами»,
Чтоб доказать и защитить искусство чтоб.
Но их сердца, увы, остались незадетыми,
И я себе расшиб, конечно, лоб.

Да, я на этот конкурс многое поставил.
Мне не нужны были дипломы и дары.
Но данный конкурс проходил без всяких правил,
И я, естественно, остался вне игры.

2/XI/1982 г., Сочи

В то время в Сочи на лечении находился испанский певец Митчел, который, познакомившись с Игорем, отнесся к нему с какой-то особой симпатией, выделив среди всех музыкантов, и предложил работать вместе во время гастролей по России. Пока Митчел лечился, Игорь с музыкальным руководителем Валерием Селезевым

подобрал инструментальную команду, и после выздоровления певца они сделали большой круг по стране. Затем Митчел уехал в Испанию, некоторые музыканты ушли из коллектива, на их место пришли другие, и возник новый ансамбль, который стал называться «Апрель».

Музыканты в «Апреле» работали в стиле джаз-рок. В то время была очень известная на Западе группа «Земля, ветер, огонь», выступавшая в этом стиле. Работать было очень сложно – сумасшедший ритм, сложное музыкальное сопровождение, но Игорь все это освоил. Более того, он работал лидер-вокалистом и бас-гитаристом одновременно. Он очень много работал над собой в то время, впрочем, как и всегда: в совершенстве освоил бас-гитару, научился профессионально делать аранжировки. Большую помощь в этом ему оказал Валерий Селезнев. Я тоже пришел работать в этот коллектив художником по свету. Я уже говорил, что ансамбль исполнял очень сложную музыку, ее играть и то непросто, а петь и играть одновременно?! Очень трудно было подобрать профессиональных музыкантов, которые могли бы справиться с такой задачей. Поэтому каждого вновь приходящего музыканта спрашивали, знает ли он ноты и может ли играть с листа. Обычно все отвечали:

– Да-да, конечно.

Как и всегда, все становилось ясным при первой же поездке на студию звукозаписи. Если человек не мог играть, с ним прощались. Иногда приходили музыканты из известных коллективов, с гонором, имеющие опыт выступления на телевидении (а в то время попасть на телевидение вообще было совершенно нереально). В ответ на вопрос о знании нотной грамоты они делали оскорбленное лицо, дескать, как это можно у меня такое спрашивать, но даже среди них встречались музыканты, не знающие нот. Работали мы до изнеможения,

репетировали с десяти утра до двенадцати ночи – так оттачивался репертуар. Что-то новое делали, что-то усовершенствовали. То одни колонки ставили, то другие. Свой первый аппарат мы сделали собственными силами. Дело в том, что приобрести хороший аппарат в то время не было никакой возможности. Во-первых, нужны были большие деньги, а во-вторых, такой аппаратуры у нас в продаже в принципе не было. Концертные организации только частично могли обеспечить коллективы необходимой аппаратурой, купленной на государственные деньги. До смеха доходило. Самая мощная аппаратура была у народных коллективов, которые должны были выступать под гармошку и балалайку. А вот именно те коллективы, которые нуждались в хорошей акустической аппаратуре, ее и не имели. Приходилось как-то выходить из создавшегося положения. Музыканты делали «самопальную» аппаратуру. Мы тоже вынуждены были так поступить. Купили динамики, договорились с воинской частью, нам дали материал, ДСП, краску, и мы сами собрали аппарат, который потом частично перешел в нашу собственность. Все были постоянно заняты трудом, исканиями, все время усовершенствовали аппарат, придумывали новые световые эффекты. На репетиции ставились и решались самые разные вопросы, вносились предложения, как лучше что-то сделать. В общем, работать было интересно. Конечно, если сейчас сопоставить атрибуты, находящиеся на сцене, с нашими, то это будет выглядеть приблизительно так же, как если компьютер сравнить с каменным топором. Однако мы не унывали, наоборот, были полны энтузиазма, и наши концерты проходили довольно успешно, не всегда, конечно. Дело в том, что сложные музыкальные композиции, исполняемые нами, трудно воспринимались массовым слушателем, особенно если учесть, что мы гастролировали в Таджикистане, Узбекистане,

Казахстане. Что же делать: хорошо, что хоть такие предложения были. Ведь мы тогда нищенствовали, рваными ходили. Порой приезжали на студию или на телевидение и... стыдно было. Игорь не снимал плаща. У него был американский плащ, ему Митчел подарил, длинный такой плащ, прикрывающий рваные джинсы. Его Игорь и летом не снимал, а если бы надумал снять, оголились бы колени. Что делать, денег на покупку новой одежды не было. Зарплата была мизерная при совершенно жуткой отдаче.

В то время с Игорем произошел трагический случай. В очередную гастрольную поездку до Таджикистана мы должны были дать несколько концертов в Ленинабаде. Выступали мы в современном Дворце культуры из стекла и бетона, с большими сценическими возможностями. Однако на генеральной репетиции было обнаружено, что колонки дают фон, от которого мы никак не могли избавиться. Кто-то посоветовал заземлить акустическую аппаратуру на силовой ящик: там был какой-то винт, который местный электрик определил как точку заземления. Потом оказалось, что это была силовая фаза промышленного напряжения в 380 В. Но мы этого не знали, заземлили аппаратуру; фон действительно исчез, и мы благополучно отработали весь концерт. Игорь играл на бас-гитаре и пел. В финале концерта Игорь отклонялся, пошел занавес, и вдруг он взмахнул руками от микрофона и начал падать. В первое мгновение никто не понял, что случилось. Я в тот вечер работал со светом и стоял за левой кулисой. Почему-то я сразу сообразил, что Игорь попал под напряжение. Мы вдвоем с гитаристом Абашидзе ринулись к щиту и молниеносно выдернули шнур, обеспечивающий питание аппаратуры. Если бы не сработала наша интуиция, Игорь наверняка погиб бы в тот вечер. Он лежал на полу, без сознания, посинел, изо рта пошла пена. Начались конвульсии, его вывернуло в какую-то невероятную позу. Зрелище было

ужасное. Я сам чуть не упал в обморок. В руках у него оставалась бас-гитара, которую мы никак не могли оторвать. К ладони пригорели струны. По всей видимости, спасло то, что мы перенесли его на металлическую поверхность. Обычно на больших сценических площадках по всем кулисам идет рифленое железо, на которое ставится противопожарное оборудование. Я где-то слышал, что, если человек попал под напряжение, его надо либо закопать в землю, либо положить на большой металлический лист, что мы и сделали. Начали делать искусственное дыхание, и довольно быстро удалось привести его в сознание. «Скорую» не вызывали. В этой истории самое непонятное то, что эффект взаимодействия с электрическим полем проявился не сразу. Отработали весь концерт, и никто не попал под напряжение. Возможно, сыграло роль то обстоятельство, что перед концертом сцена после мытья была влажная, вода пролилась вниз в щели, а потом во время концерта начала испаряться, увлажняя воздух и создавая поле, хорошо проводящее электрический ток. Подобные случаи нередко бывают на концертах, иногда в таких ситуациях людей убивает насмерть. Игорь быстро оправился, но получил психическую травму и некоторое время после этой истории боялся брать микрофон в руки, просил обмотать изоляцией. Потом этот случай стерся из его памяти.

Через некоторое время наш коллектив стал постепенно распадаться. Кто бывал на гастролях, знает, что, к сожалению, длительные поездки, как правило, приводят к возникновению антагонизма, коллектив разбивается на коалиции. Люди просто надоедают друг другу. Изо дня в день играют одно и то же, поют одно и то же, видят одни и те же лица. Музыканты начали запивать. Игорю в конце концов все это надоело до смерти. Порой концерт спасали его три песни,

исполняемые под рояль. Взаимное недовольство переросло в скандалы. Я не выдержал, ушел из группы. В скором времени произошел раскол, и «Апрель» прекратил свое существование.

Игорь перебрался в Ленинград, и начались его мытарства по группам. Коллектив, в который он поступил, сначала назывался «Лира», потом был переименован в «Калейдоскоп». Работали от Сыктывкарской филармонии. В то время Игорь уже начинал понемногу исполнять свои песни, хотя ему и запрещали это делать. Скандалы такого рода начались раньше, еще тогда, когда Игорь работал в Архангельской филармонии. Директор филармонии Слесарев вызывал его к себе в кабинет и говорил:

- По какому праву вы поете свои песни? Вы не входите ни в Союз композиторов, ни в Союз писателей. Где ваши регалии: дипломы лауреата конкурсов и т. д.? Я запрещаю вам исполнять ваши песни.

Игорь много раз делал заявки на участие в гала-концертах, но всегда получал отказ. Отчаявшись, он пришел к выводу, что самому никак не пробиться, а ведь ему так хотелось, чтобы зрители узнали его песни. В то время у него были уже задумки другого плана, постепенно он начал подбираться к политике...

Порой, когда получался сбой в творчестве, когда приходилось сталкиваться с непониманием (а это, к сожалению, бывало часто), Игорь впадал в депрессию (иногда он был подвержен этому состоянию) и кричал:

- Я осуществляю мечту своих детских лет, уйду работать таксистом!

- Правильно, и будешь петь за рулем: «А дорога серую лентою вьется»! Так весело тебе будет.

Он, конечно, смеялся, в таксисты не уходил, хотя и были мысли уйти, оставить сцену. Уставал от непонимания, от вставляемых в колеса палок. Какое-то

время не мог работать, лежал, смотрел в потолок и ничего не делал.

А ТЕПЕРЬ МЫ С ТОБОЙ ПРИТИХЛИ...

Мы зубами вгрызались в цепи,
Мы ногтями впивались в лед.
Прорывали стальные сети.
И взлетали, нас били влёт.
А теперь мы с тобой притихли
Истощили нервный запас,
К неудачам давно привыкли,
А удачи пугают нас.

Троп проторенных не искали,
Не ходили на компромисс,
Мало ели и плохо спали,
За фортуною не гнались.
А теперь мы с тобой притихли,
Истощили нервный запас,
К неудачам давно привыкли,
А удачи пугают нас.

Ну что ж нам делать с метаморфозой,
Приключившейся с нами вдруг.
Превратилась в скупую прозу
Наша бурная жизнь, мой друг.
И ответил мне друг: «Да брось ты,
Успокойся, не унывай.
Мы с тобой на перекрёстке
Просто сели не в свой трамвай».

Вообще в любой ситуации именно работа помогала ему выстоять. Недаром свое творчество он называл «спасательным кругом».

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Штормит океан, накалившись от безумных страстей,

Гонит ветер тучи смутных вестей над головой, над головой.

Со дна поднялась и на гребне волн отправилась в путь

Океана потаенная суть плотной стеной, плотной стеной.

Спасательный круг, на тебя одна надежда, мой друг,

Ты держи меня, не дай утонуть, океан грозит бедою.

Спасательный круг, ты молитвами моими упруг
И, сжимая осторожно мне грудь, поднимаешь над волною.

Спасательный круг, я вдыхал в тебя труды многих лет,

Говорят, что я крамольный поэт, пусть говорят, Бог им судья.

Придут времена, и подует освежающий бриз,
И оценят наш сегодняшний риск Наши друзья, наши друзья.

Спасательный круг, а пока что потрудись, милый друг,

Ты держи меня, не дай утонуть, океан грозит бедою.

Спасательный круг, ты молитвами моими упруг
И, сжимая осторожно мне грудь, поднимаешь над волною.

Спасательный круг!!!

1989 г.

Потом состояние депрессии проходило, и он брался за работу с удвоенной силой, потому что чувствовал – упущено время.

Вообще это был очень тяжелый период в его жизни, прежде всего ощущением безнадежности. Талант Игоря бессовестно эксплуатировался. Доходило до того, что его песни (почти вся ранняя лирика) подписывались другим именем. Игорю сумели доказать, что если он будет одновременно автором и музыки, и стихов, то никогда не пробьет свои песни, потому что никто не поверит, что композитор может писать еще и стихи. Всегда был композитор и рядом – поэт-песенник, и все к этому привыкли, а чтобы композитор сам писал и стихи – такого быть не может, потому что не может быть никогда. И только в том случае, если Игорь будет автором текстов, а композитором – другой человек, его песни можно протолкнуть. И он легко поверил в эту ложь.

В Ленинграде Игорь познакомился с Людмилой Сенчиной, пригласившей его к себе в коллектив музыкальным руководителем. Игорь полностью переделал весь ее репертуар, переработал исполняемые песни, меняя аранжировку. Концерты афишировались так: «Людмила Сенчина и группа Игоря Талькова». Однако свои песни Игорь по-прежнему не мог исполнять, они лежали мертвым грузом, томили его.

Параллельно с Сенчиной Игорь работал у Стаса Намина аранжировщиком. Опять он – «темная лошадка», его никто не знает, а ведь у него к тому времени было множество своих песен, где он – автор и стихов, и музыки, и аранжировщик он же. Песни как будто в тюрьме сидели, выхода не было. Ведь Игорь был уже достаточно взрослым человеком, исполнителем с большим опытом, а проявить себя не мог.

Недолгое время Игорю довелось поработать в Музыкальном театре Маргариты Тереховой; но и там он не смог себя найти, ушел и оттуда.

В Москве Владимир Дубовицкий пригласил Игоря в группу «Электроклуб». Художественным руководителем группы был Давид Тухманов, а это уже достаточно серьезно. Тухманов – известный композитор, заслуженный деятель искусств. Игорь работал у него одновременно вокалистом и аранжировщиком, выступал как один, так и в дуэте с Ириной Аллегровой; однако, как и прежде, приходилось петь не свои песни и делать аранжировки опять же к песням чужим, то есть ничего не изменилось: Игорь – «темная лошадка».

Работая в «Электроклубе», Игорь с Ириной Аллегровой принял участие в конкурсе «Золотой камертон», проходившем в Концертном зале «Олимпийский». Наконец-то к нему пришел успех. Дуэт завоевал «Серебряный камертон», и они получили звание лауреатов. По тем временам это что-нибудь да значило.

Тухманов был очень плодовитым композитором, почти каждый день писал по песне. И вот однажды он принес «Чистые пруды». Песня в сыром виде никому не понравилась, один Игорь почувствовал ее хорошую перспективу и сказал, что попытается сделать аранжировку. Работая над «Чистыми прудами», он внес много своего, в частности, проигрыш аккордеона, который составил стержень песни (именно поэтому она и запала в душу слушателям). Вообще аранжировка может очень сильно изменить песню, иногда до такой степени, что узнать ее первоначальный вариант может только специалист, который слышит основу.

На концертах «Чистые пруды» в исполнении Талькова всегда сопровождалась овациями. Игорь не мог предположить, что с этой песней может такое случиться. Вообще он всегда очень скромно относился к

своей работе. Тухманов решил сделать из песни шлягер. Как это обычно делается? Путь только один – показать песню по телевидению. Именно телевидение дает мощную рекламу, знакомит с песней миллионы зрителей, является законодателем мод и формирует мировоззрение зрителей. Песню представили на конкурсе «Песня-87» в Останкино, и она стала лауреатом. Все знают, что на этих конкурсах собираются ведущие композиторы, поэты, представители культуры. Эффект от исполнения песни был потрясающий. К Игорю бросились с поздравлениями все, кто мог. В нем увидели истинно лирического певца: уже давно никто не пел с такой душой, с таким нервом. Вот тут-то с Игорем промахнулись. Из него хотели сделать лирического певца, именно для этого и показали миллионам зрителей, которые, кстати, очень полюбили его. Пошли повальные письма на телевидение в музыкальные редакции с просьбой включить в программы «Чистые пруды». Однако никто не мог предположить, что у Игоря уже накоплен багаж своих песен совсем другого содержания. «Чистые пруды» послужили как бы трамплином для его взлета. Он очень корректно отказался от всех предложений, сказав, что у него достаточно своих песен, еще не известных зрителям, поэтому он будет работать над своей программой. Состоялся серьезный, но довольно доброжелательный разговор с Тухмановым, и Игорь распрощался с «Электроклубом».

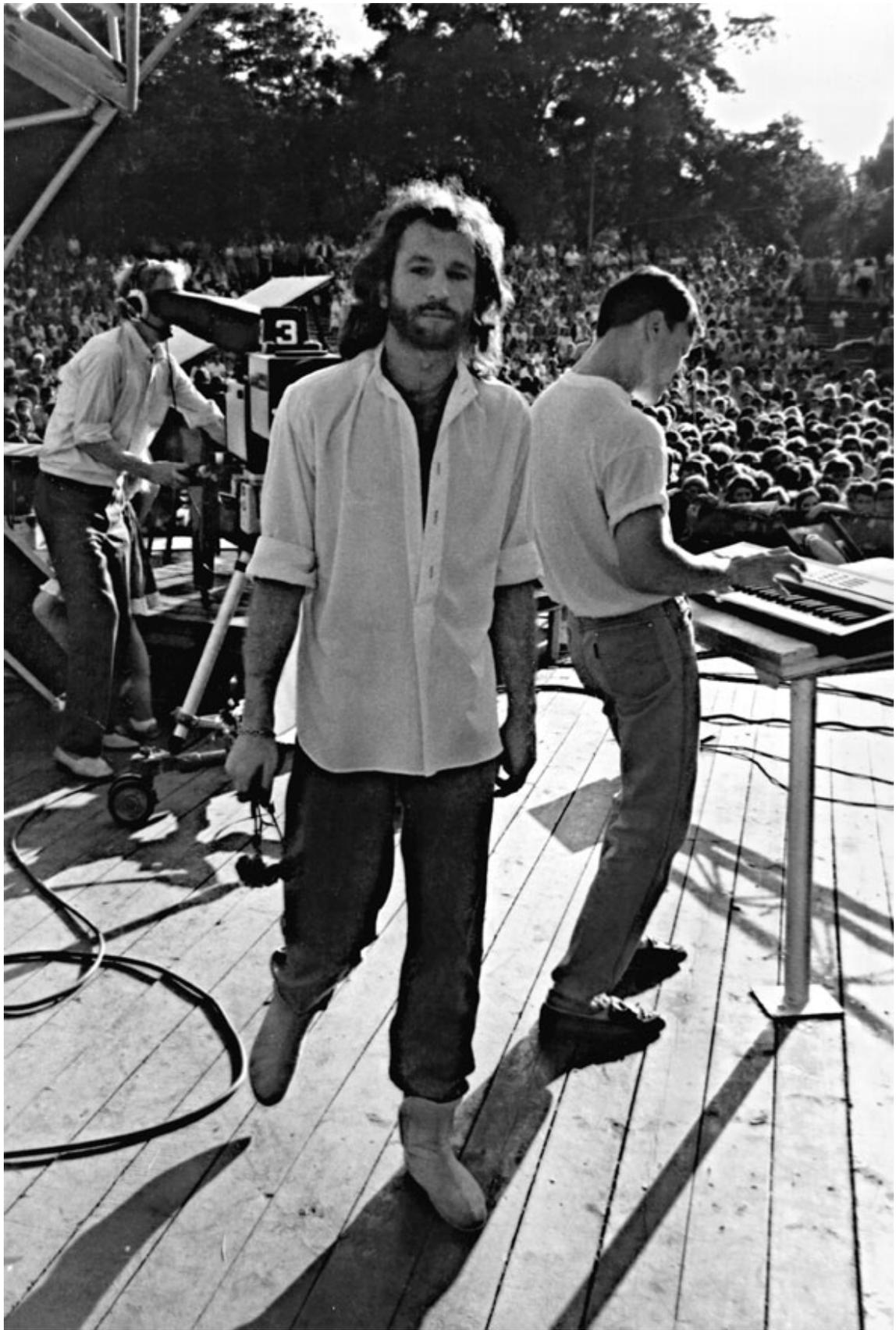
Началась самостоятельная работа. К тому времени появились кооперативы, которые стали организовывать концерты. Платили они от 20 до 50 рублей за вечер. Это считалось очень неплохо. Игорь начал выступать самостоятельно, сделал инструментальные фонограммы, иногда выступал под гитару, но пел всегда «вживую».

Постепенно начался процесс формирования группы. Еще во время работы в театре Тереховой Игорь

познакомился со спившимся до основания рабочим, бывшим артистом, который к тому времени косил траву в Коломенском. И вот однажды этот «рабочий», случайно присутствуя на репетиции, попробовал сыграть партию саксофона и сделал это так виртуозно, что Игорь не смог остаться равнодушным к этому человеку. Он увидел в этом пьянчуге Божье зерно и решил попытаться выдернуть его из пьянства и деградации. Игорь пригласил его к себе в группу, и мы начали работать втроем. Через некоторое время к нам пришла костюмерша Марина Ежова (потом она сменила фамилию на Беркову). Пришел Юра Кузьменков из Смоленска. Он закончил музыкальное училище по классу трубы, но Игорь решил использовать его как пианиста, потому что он какое-то время работал клавишником. Начали с составления новой программы. Игорь менял песни, режиссуру, постоянно искал, дерзал. Затем в коллективе появился барабанщик, тоже из Смоленска, и бас-гитарист. Первым вопросом Игоря к вновь пришедшим музыкантам был:

- Вы ноты знаете, ребята?

- Да, да, конечно.

Игорь на сцене со своей группой

Однажды на гастролях Игорь решил срочно отрепетировать новую песню. Прибежал ко мне в номер вечером:

- У меня нет нотной бумаги, что делать?

- Ничего, сейчас нарисую и все.

Я вырвал из блокнота листы, взял карандаш, разлиновал нотные строчки:

- Хватит ли?

- Нужно по два листа на каждого музыканта.

Игорь работал всю ночь и, ни минуты не поспав, назначил репетицию на десять часов утра. Расставив перед музыкантами ноты, он начал считать и... кто в лес, кто по дрова. Юра Кузьменков на слух что-то шмякнул и то только потому, что раньше играл нечто похожее на репетициях у Игоря дома. А в то время весь творческий процесс происходил у Игоря на квартире, которая использовалась как база, - другого помещения не было. Не было даже пианино, в качестве исходного инструмента использовалась гитара. Игорь смастерил две колонки, взял в аренду какой-то синтезатор, так и работали в крошечной квартирке «на радость» всем соседям. Игорь рассердился:

- Не понимаю, в чем дело. Я же совершенно четко сказал, с какого места надо играть. Неужели непонятно?

Он подошел к каждому музыканту и отметил нужное место в нотах:

- Вот с этого места надо играть.

Дает счет и... опять никто не играет.

- Я не понял, вы что, нот не знаете?

Игорь вспылал, вся его ночная работа пошла насмарку. Он-то думал, что у него за спиной стоит инструментальный ансамбль профессионалов, а на деле...

- Все уволены. Я вас спрашивал, когда брал на работу, знаете ли вы ноты. Все утвердительно кивали головами. Слава Богу, что это выяснилось здесь, на репетиции, а если бы я приехал с вами на студию, и вы бы там продемонстрировали свои «знания», меня бы просто сочли за идиота. Дорабатывайте гастроли и можете расходиться по домам.

Еще при жизни Игоря существовали легенды, а может быть, и намеренно распускались слухи о том, что у Талькова скверный, неуживчивый характер, что он злой и вообще с ним невозможно работать. Иногда его спрашивали напрямую:

- Почему вы на сцене такой злой?

- Не могу же я без боли петь о поруганной России, об издевательствах над народом. Эти песни причиняют мне страдание, которое некоторыми зрителями, может быть, и воспринимается как злость. Если люди этого сами не чувствуют, то я не знаю, как им объяснить.

От себя могу добавить, что обвинения Игоря в злости в обычном понимании этого слова абсолютно не соответствуют истине.

Бывают люди, которые на первый взгляд кажутся добрыми, приветливыми, улыбчивыми, но это всего лишь маска, под которой скрывается запас невыраженной злобы. Эти люди вредны человеческому обществу, они несут идею мщения, злорадства, цинизма. А Игорь был искренним человеком, ему с трудом удавалось скрыть свои чувства, и порой он срывался. Конечно, всплыв, Игорь мог наговорить много обидных слов, но тут же и раскаивался, просил прощения, - все это происходило молниеносно. У нас с ним скандалы возникали, как взрыв, в этот момент мы такого могли наговорить друг другу, что потом страшно становилось, и страдал я уже не от того, что Игорь меня обидел, а от того, что, как мне казалось, я обидел его куда сильнее, чем он меня.

То же самое чувствовал и Игорь. Он тут же звонил мне и говорил:

- Ну ладно. Ну что там. Оба дураки. Давай встретимся.

В общении с людьми Игорь был очень добрым человеком. Самым большим удовольствием в жизни для него было обрадовать людей, помочь им. Он всегда с радостью был готов отдать последний рубль и последнюю рубашку (в полном смысле слова) с единственной целью – выручить человека в трудной ситуации, успокоить его. Расплачиваясь со своими музыкантами после концерта, он страшно боялся обидеть их, расстроить: ведь они рассчитывали на обещанную сумму денег, а о себе можно подумать потом, это не главное. Игорь был очень внимателен к людям. Каждого человека готов был выслушать, особенно простых людей. Меня всегда поражало, как только у него хватало терпения вникать в их длинные сбивчивые рассказы. Он никогда и никому ни в чем не отказывал, кто бы к нему ни обращался: начинающий ли артист или просто человек, оказавшийся в беде. Если он видел в исполнителе хотя бы маленькую искорку таланта, старался поддержать его, выпускал на сцену на своих концертах. Помню, однажды перед концертом к нему подошли две девочки-школьницы и попросили разрешения танцевать в спектакле «Суд». Игорь заставил их немного подвигаться под музыку и разрешил – танцуйте. Такое мог сделать только он. Но надо было видеть, с каким упоением танцевали эти девочки весь вечер, всю душу вкладывая в свой танец, зрители смотрели на них с удовольствием; я уверен, что такого эффекта не смогли бы добиться никакие профессионалы.

Конечно, Игорь был неординарным, сложным, противоречивым человеком, человеком настроения. Но ни для кого не секрет, что именно таким характером

обладают, как правило, все талантливые творческие люди. Работать с ним было непросто. Допустим, сегодня Игорь высказывает определенную точку зрения, ты делаешь выводы и приступаешь к работе, и вдруг на следующий день он утверждает по тому же поводу нечто, диаметрально противоположное. Действует это, как ушат холодной воды. А все дело в том, что для Игоря не существовало пустяковых проблем, ко всем задачам он относился одинаково серьезно и вдумчиво, не принимал поверхностных решений, поэтому любая мысль должна была пройти цикл внутренней обработки, ситуация обдумывалась со всех сторон, взвешивалась, и в конце концов принималось окончательное твердое решение.

Просто не надо было дергать его до поры до времени, чтобы он не выдавал промежуточных соображений.

Со временем в коллектив пришли профессиональные ребята: гитарист из «Любэ» – очень хороший, скромный парень. А вот саксофониста, которого Игорь, можно сказать, вернул к жизни, вытащив из пьянства, пришлось уволить: тот начал распространять сплетни, а Игорь этого терпеть не мог. Он всегда говорил:

– Если кого-нибудь что-то не устраивает, лучше говорите мне об этом в глаза, чтобы не было закулисной возни, про которую я все равно узнаю.

Игорь мечтал создать «чистый» коллектив, а я всегда видел тщетность его надежд.

– Игорь, у тебя никогда не будет «чистого» коллектива. Ты ведь всегда кого-то отличаешь своим вниманием. Этот человек, как правило, начинает строить из себя фаворита, у других при этом возникает зависть, что и приводит в конце концов к расколу коллектива. Так происходит, к сожалению, не только в музыкальных коллективах – это вообще болезнь любого человеческого общества.

Игорь со мной не соглашался:

- Я добьюсь, у меня будет коллектив, состоящий из единомышленников.

- А вот этого вообще никогда не будет, потому что та тема, которую ты проповедуешь на концертах, их не волнует, их интересуют только деньги и слава.

К сожалению, Игорь никак не мог этого понять и принимал в коллектив людей, невзирая на их взгляды. Я уже не говорю о директорах, которые постоянно обирали Игоря. Ведь он был весь в заботах, в делах и просто не в силах был замечать то, что творится вокруг него. Обо всех людях он изначально думал очень хорошо, идеализировал каждого своего нового знакомого, приходил от него в восторг, вообще готов был весь мир полюбить. У Игоря никогда не было настоящих друзей, а ведь он так катастрофически в них нуждался. Он взвалил на себя колоссальный труд, невероятную ответственность, по существу, он хотел открыть людям глаза на то, что происходит в стране. «Наш народ, забитый и затюканный, необходимо будить, будить во что бы то ни стало», - говорил он. У него был редчайший дар сопереживания. Судьба России его потрясла. Постигнув правду о причинах и истоках ее трагедии, он просто «не мог молчать», надеясь улучшить мир. Посмотрите в его глаза, когда он поет «Россию», и вы согласитесь со мной. В своей миссии Игорь был страшно одинок, поэтому каждого нового знакомого рад был назвать другом. Однако со временем понимал, что опять ошибся в человеке, ведь нельзя забывать, что Игорь искал друзей в мире эстрады, а его окружали люди, которых волновали совсем другие проблемы (что им было до его исканий и открытий), поэтому изначально он был обречен на одиночество.

Развал коллектива, увольнение людей - очень болезненный процесс. Прежде всего это колоссальная потеря времени и сил; необходимо набирать новых

людей, репетировать с ними, воспитывать. Все это прекрасно понимал Игорь, поэтому предпочитал не замечать недостатки своих коллег. Он считал, что в каждом человеке есть что-то хорошее, надо только отнестись к нему по-доброму, и все хорошее в конце концов проявится и заиграет яркими красками. Он долго терпел, надеясь, что у человека проснется совесть, а люди, как правило, наглели. Все больше и больше, начинали халтурить, и в конце концов терпение Игоря все-таки кончалось, наступал взрыв. Приходилось расставаться с человеком, что приводило к потере времени. А Игорь всегда страшно спешил.

- Куда ты так спешишь, Игорь?

- Я могу не успеть.

Он чувствовал перспективу своей близкой гибели и старался успеть как можно полнее высказаться. К тому же он хотел, чтобы его песни прозвучали вовремя, были бы актуальны и тем самым сильнее воздействовали на людей.

Игорь «горел» на сцене, ему всегда сопутствовал успех. Срывов не было. Даже в тех случаях, когда был «холодный» зал или отказывала аппаратура, он все равно «вытаскивал» концерт. Это надо пояснить особо. Самое большое влияние на качество исполняемой эстрадной музыки оказывает состояние аппаратуры. В консерватории, например, прекрасная акустика, все остальное зависит только от исполнителя. Другое дело эстрадные концерты: ведь они часто проходят в залах, не предназначенных для исполнения музыкальных произведений, - во Дворцах спорта, например. В таком зале при плохой аппаратуре далеко сидящий зритель вообще ничего не услышит. Чем дальше от сцены, тем хуже звучание, возникает шквал звуков, какофония. С такого концерта зритель уйдет с головной болью и отрицательными эмоциями. Поэтому Игорь очень болезненно относился к состоянию аппаратуры. Когда

аппаратура бывала в неисправности, он брал акустическую гитару или садился за рояль и делал из концерта творческую встречу. Сначала зрители возмущались, шумели, но постепенно замолкали, начинали хлопать, аплодисменты переходили в овации, и в финале Игорь всегда выходил победителем. На таких концертах он рассказывал о своем пути на сцену, рассказывал очень интересно, потом показывал свои сырые неаранжированные песни и предлагал:

- Сейчас я покажу вам мою новую песню в совершенно сыром виде. Вам, наверное, будет интересно проследить, как она рождается. Сейчас она как новорожденный ребенок в пеленках, а вот теперь мы ее украсим аранжировкой.

Получалась интересная творческая встреча. Часто концерты затягивались на несколько часов: два, три часа проходит, публика ликует, а Игорь все поет и поет... Когда публика принимала тепло, он заводился и мог работать часами. Так было в Нижневартовске, где проходил фестиваль «Самотлорские ночи». Мы должны были работать во втором отделении (в первом выступал Театр моды Зайцева), и вот мы закончили программу, а нас не отпускают. Игорь «завелся», поет и поет... И так он пел до двух часов ночи. У нас в голове все перепуталось. В театр входили – солнце на небе, уходим – тоже. В то время был период белых ночей.

Игорь прекрасно владел словом, мог часами разговаривать со зрителями, которые не уставали его слушать. У него всегда был добрый контакт с аудиторией. Он не боялся вопросов, даже сам провоцировал их, как бы проверяя себя. Он считал, что в процессе общения со зрителями выясняется отношение к его творчеству, определяется то, что больше всего на текущий момент волнует людей. Ведь в своих песнях он остро реагировал на те события, свидетелем которых все мы являлись.

ПОЛУ-ГЛАСНОСТЬ
ПОЛУ-Гласность,
ПОЛУ-так:
ПОЛУ-ЯСНОСТЬ – ПОЛУ-мрак.
То ли ПОЛУ-ПЕРЕ-стройка,
ПОЛУ-то ли ПЕРЕ-крах.
ПОЛУ-кругом голова.
ПОЛУ-говорит Москва.
ПОЛУ что-то показало,
ПЕРЕ-ПОЛУ-указало.
То ли где-то ПОЛУ-враг
ПЕРЕ-всем нам,
То ли друг,
ПОЛУ-ПЕРЕ-как-то так,
Так как ПЕРЕ-ПОЛУ-вдруг.
Иногда сквозь ПОЛУ-стены
Долетает до меня:
«Ну а что все это в целом?»
В ЦЕЛОМ – ПОЛНАЯ...

19/X/1988

Бывали случаи, когда Игорь «спасал» скандальные концерты, как, например, концерт в ДК МЭЛЗ. Его туда пригласил Олег Грабовников, он тогда работал на молодежном канале радиостанции «Юность».

– В ДК МЭЛЗ обычная «тусовка», фестиваль или гала-концерт какой-то, надо выступить.

Приехали, а там происходило что-то из ряда вон выходящее. Вокруг бродили ребята очень странного вида: на головах зеленые, голубые, бледно-розовые гребешки, в железе, в шпорах, с серьгами, с подрисованными глазами, с татуировками, у некоторых даже на лбу. Все они ждали «Мистер Твистер» – очень модную в их кругах группу, исполняющую старый рок-н-

ролл. Я вышел в зал, там – шум, гам, кто ноги на авансцену закинул, кто пиво пьет, кто курит. Милиция вообще ушла, им-то зачем ввязываться. Одна группа вышла на сцену – хлебом закидали, в другую конфетами запустили.

– Давайте «Мистер Твистер»!

Олег прибежал к Игорю:

– Нет, ребята, здесь такая тусовка безобразная собралась, уедем отсюда, не стоит выступать.

Но надо сказать, что Игорь был отважным артистом, если уж он приезжал, то обязательно выступал, не давал «обратного хода». Он спокойно вышел на сцену и начал петь. Зал продолжал шуметь, кто-то хлебным мякишем в него запустил.

– Ребята, потом будете бросаться. Обычно артиста уже после выступления закидывают тухлыми яйцами, хлебными мякишами или даже булыжниками. Вы сначала послушайте, что я вам спою, а потом уж решайте, что со мной делать.

В зале сидели в основном молодые ребята. На втором куплете песни они затихли, после первой песни, захлопали, после второй – закричали «Ура!», панки вообще сбесились, после третьей – стоя аплодировали, кричали:

– Игорек, еще, Игорек!

– Извините, ребята, но нет времени.

– Ну, мы еще обязательно встретимся, Игорек.

С Музыкальным театром Пугачевой Игорь ездил в Свердловск. Перед выступлением Алла Борисовна сказала Игорю:

– Выступишь передо мной: после меня ты, естественно, не будешь восприниматься зрителями.

А Игорю было совершенно все равно, после кого выступать, к тому времени он уже имел достаточный опыт выступлений на сцене. Пугачева явно недооценила его. Ну, кто такой Тальков? Милый мальчик, который

спел «Чистые пруды». И вот Игорь выступил после Пугачевой и имел колоссальный успех. Прибежал батальон милиции с просьбой расписаться на фуражках. Но самое интересное, что через некоторое время в одной из московских газет появилась статья о том, как блестяще проходил этот концерт, какой грандиозный успех имели все артисты, а об Игоре Талькове вообще не упоминалось ни одного слова, как будто его там вообще не было. Естественно, Игорь был очень обижен.

В то время телевидение не особенно жаловало Талькова; правда, изредка он появлялся на телеэкране, но только как исполнитель лирических песен. Другого Талькова, исполнителя остросоциальных песен, зрители не знали. Вот и приходилось ездить с концертами по всей стране, чтобы познакомить с этими песнями как можно больше зрителей.

Люди уходили с концертов счастливые и даже просветленные. Игорь считал, что русский народ оглушен гигантской пропагандистской дубиной: у некоторых мозги вывернуты наизнанку так, что развернуть их в нормальное состояние теперь уже невозможно – это потерянная часть поколения, но остальным людям надо просто рассказать правду, и они прозреют. В начале концерта он делал краткий экскурс в историю, чтобы люди настроились на определенный лад и поняли, что происходит на сцене. Он вспоминал времена, когда Россия была мощной державой, вспоминал доблестные подвиги нашего героического народа, давая людям ощутить национальные корни, тем самым доказывая, что русские люди не новый вид человечества, не бездуховная нация, не Иван, не помнящий родства, а Великая нация, имеющая Великое прошлое, и зрители, присутствующие на его концертах, как бы вновь обретали утраченную «связь времен». Ведь наши идеологи на протяжении многих десятилетий старательно делали из страны пастбище, ставили

пастухов с бичами в руках, которые выгоняли и загоняли людей в стойла. Конечно, такая деятельность Игоря не нравилась тем, кто хотел видеть в нашем народе стадо баранов или ослов, тем, кто был заинтересован в том, чтобы наш народ вообще ни о чем не думал, а только работал на «светлое будущее», которое вот-вот должно забрезжить, но, видимо, затянулась полярная ночь и рассвета не предвидится, да и солнце украли, – этакая химера вечно не наступающего рассвета, а Игорь ее разрушал. По существу, он делал то, чего не делал никто.

ГОСПОДА ДЕМОКРАТЫ

Господа демократы минувшего века,
Нам бы очень хотелось вас всех воскресить,
Чтобы вы поглядели на наши успехи,
Ну а мы вас сумели отблагодарить.
Мы бы каждый, кто чем, выражал благодарность:
Молотилкой – колхозник, рабочий – ключом,
Враг народа – киркою, протезом – афганец,
Ну а я б кой-кому засветил кирпичом...

Припев:

Вот так! Вот так! Живут Америка с Европой,
Вот так! Вот так! Ну а у нас все через...

Господа демократы минувшего века,
И чего вы бесились, престолу грозя,
Ведь природа – не дура и Бог – не калека,
Ну а вы его в шею – ну так же нельзя!
Может, вам и хотелось наладить все сразу,
Только спешка нужна при охоте на блох,
А природа не может творить по приказу
И, совсем уж понятно, не может и Бог...

Припев.

Господа демократы, вы знали примеры,
Когда ваши коллеги учинили террор:
Истребили цвет нации мечом Робеспьера,
И Париж по сей день отмывает позор.
Правдолюбец Радищев после той мясорубки
«Путешествие из Петербурга в Москву»
Чуть с досады не слопал, повредился рассудком
И, ругая масонов, погрузился в тоску...

Припев.

Господа демократы, поспешите воскреснуть,
Выходите на суд одураченных масс:
Пусть ответят за все Чернышевский и Герцен,
И мечтатель Белинский, и мудрец Карл Маркс;
Пусть ответят и те, что пришли вслед за вами
Вышибать из народа и радость, и грусть,
И свободных славян обратили рабами,
И в тюрьму превратили Великую Русь!..

Припев.

В 1989 году мы были на гастролях в Киеве. Город встретил нас очень гостеприимно. На центральных улицах висели огромные рекламные щиты, на которых двухметровыми буквами было написано: «Игорь Тальков. "Чистые пруды"». Город ждал любимого лирического певца. Концерт проходил в самом престижном республиканском концертном зале – дворце «Украина». В правительственной ложе – местная власть. Я работал на центральном осветительном пульте. Началось первое отделение концерта, в котором Игорь исполнял блок политических песен. Постепенно в наэлектризованном зале стало нарастать возбуждение. После исполнения

первых песен дали свет на правительственную ложу, представители местной власти покинули зал. Каждая новая песня встречалась овациями. Назревал скандал. В антракте ко мне, на центральный пульт, прибежали девушки, работающие на световых пушках.

- Вы брат Талькова? - И... бросились меня целовать: - Боже мой, какую же свежую струю он внес в наше застоявшееся болото здесь, на Украине!

После концерта к нам подошли представители Министерства культуры Украины, представители КГБ и т. д.

- Нам нужны литы на ваши песни. Кто вам разрешил их исполнять?

Однако сделать с нами ничего не смогли. Дело в том, что все тексты песен у нас были залитованы в Министерстве культуры СССР. Как-то мы выступали там с большим успехом, и после концерта нам, не глядя, поставили литы (круглая печать Министерства культуры СССР и подпись одного из главных чиновников) на все тексты песен. Представители киевской власти были поражены, не знали, что и думать: они не могли догадаться, кто же стоит за Игорем, может быть, Горбачев или Медведев? Я спросил:

- Ну что, какие-нибудь вопросы еще есть?

- Да нет, ребята, видимо, время теперь такое, дерзайте! - И по плечу меня похлопали, а я тогда подумал: «Да, а года два назад вы бы нас упекли туда, куда Макар телят не гонял».

Я всегда чувствовал за Игоря радость и страх одновременно. Радость за его несомненный успех и страх за то, что он в конце концов не выдержит такой нагрузки и наступит серьезный нервный срыв, да и просто боялся, что не дадут ему долго петь.

«Сцена! Я продирался к тебе сквозь дремучие джунгли закона...»

Кумир публики

Со сцены Игорь мог слышать только аплодисменты, софиты слепили глаза, поэтому он не мог видеть реакции зрителей, их глаз, не видел, как люди поднимаются с места, когда чувства переполняют их. Я сидел в стороне у пульта управления и имел возможность наблюдать за залом. Мне посчастливилось видеть, с какой любовью, благоговением зрители принимают выступления Игоря. Порой даже слезы наворачивались на глаза. Меня переполняло чувство радости, гордости за брата, а это - действительно огромное счастье.

Чувство радости испытывал и Игорь на сцене: наконец-то он мог говорить все то, что накопилось у него на душе, все то, что давно хотел сказать, и испытывал от всего этого истинное счастье.

СЦЕНА

Сцена,

Я продирался к тебе сквозь дремучие джунгли
закона,

Что на службе у тех, кто не верит ни в черта,
ни в Бога.

Завязались в узлы мои связки,

Стиснут лоб медицинской повязкой,

А в душе затаилась на долгие годы тоска.

Сцена,

А дорогу к тебе преграждала нечистая сила
И того, кто ей душу запродавал, – превозносила.

Раздавая чины и награды

Тем бездарным, пронырливым гадам,

Настоящих и неподкупных сводила в могилу.

Сцена,

Я дошел до тебя. Вот стою и пою наконец-то
И уверен, что занял по праву свободное место.

Ну, а происки слуг преисподни

Не страшны нам с тобою сегодня —

Наше время пришло!

Да поможет нам Сила Господня!

В Астрахани (1989 г.) устроители концертов не рассчитывали на успех, более того, они побаивались, что не будет полной заполняемости арендованного зала (это был кинотеатр на 1300 мест). Они только начинали дело и опасались, что с первых же шагов дискредитируют себя среди городского руководства и потом им не будут давать в аренду залы и акустическую аппаратуру. Их вполне можно было понять. Тальков тогда еще не был известен широкому кругу зрителей. Его знали как исполнителя «Чистых прудов». Но получилось так, что в

первый же день был полный аншлаг, а потом, по-видимому, зрители первого концерта поделились впечатлениями со своими знакомыми. Народ повалил толпами, все билеты были мгновенно распроданы. Зал бывал переполнен, в проходах ставились стулья, табуретки, люди сидели на подмостках. Такого успеха, конечно, не ожидали. Устроители сокрушались: ведь можно было провести гораздо больше концертов, тогда денег и они, и мы больше бы заработали. Правда, в те времена артистам не так платили, как сейчас. Но тогда-то нам казалось, что мы заработали огромные деньги, хотя ставки, по которым платили артистам в филармониях и во всех концертных организациях, были мизерные.

Организаторы концертов решили провести с нами экскурсию по городу. Помню, первое, что нас поразило, это городские трущобы в центре Астрахани – городская свалка, на которой жили люди. Это были не бомжи, которые есть в любом городе, а обычные люди, старики. Они не захотели выезжать из своих домов, предназначенных под снос, мечтали дожить свои последние дни в тех домах, где жили их предки. Власти начали с ними борьбу: отключили от домов электричество, воду, канализацию, но люди не уезжали, и тогда, чтобы все-таки выжить их, к домам, которые так упорно отстаивались, стали свозить городской мусор. Это было ужасное зрелище, потрясшее Игоря.

Чтобы исправить настроение, нас повезли в местный реставрируемый монастырь. И вот там, проходя мимо храма, мы услышали нецензурную брань рабочих, восстанавливающих центральный фасад. Сразу же вспомнился один из эпизодов фильма А. Тарковского «Андрей Рублев» – разговор каменотесов, возводящих храм. Вспомнилось, с каким благоговением и любовью они поглаживали камни, которые составят будущий храм, вкладывая в каждый из них тепло своей души и

как бы передавая это тепло тем людям, которые придут в храм, чтобы предаться молитве.

После концерта Игорь ушел отдыхать к себе в номер, в тот вечер он не собирался работать. А на следующий день, часов в 9 утра, прибежал ко мне с гитарой:

- У тебя чай есть? Давай быстрее выпьем чаю, и я спою тебе свою новую песню.

- Когда же ты ее написал?

- Да вот сегодня ночью нашло на меня что-то, я и написал.

Попили чаю, и Игорь исполнил мне «Россию», тогда еще в совершенно сыром варианте. Песня меня потрясла. Но когда прошел первый шок, я встревожился, так как увидел в ней до предела смелые мысли, а это могло очень повредить Игорю и даже вообще «закрыть» его как артиста. Нельзя забывать, что в то время еще не были развенчаны наши вожди и кумиры, был в силе старый государственный аппарат. Только-только начали появляться первые публикации довольно смелого характера, но правда о Ленине еще умалчивалась, скрывалась. В частности, меня смутили такие слова в песне: «кровавый царь - великий гений».

- Игорь, здесь явно просматривается Ленин. Давай-ка изменим текст, пусть лучше эти слова прозвучат вот так: «великий вождь - кровавый гений». В этом случае все будут считать, что речь идет о Сталине, ведь именно Сталин у нас проходил как «вождь всех времен и народов».

- Нет, тогда теряется смысл, а я хочу, чтобы люди поняли, что речь идет именно о Ленине.

- Игорь, я совершенно уверен, что «России» тебе не простят. Твоя песня совершенно не похожа на все песни о России, которые пелись до сих пор, песни, пропитанные ложным духом советского патриотизма. Это песня истинно русского человека, у которого действительно душа болит за Родину, за поруганную

честь России. Всего три куплета, а в них все: великое прошлое нашей Родины и ее жалкое настоящее, и боль, и сострадание. Добавить больше нечего. Этой песней ты подписал себе смертный приговор.

Он подумал и ответил:

- Отступить дальше некуда, а свернуть с пути - значит предать свое дело.

РОССИЯ

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам.
Из мрачной глубины веков
Ты поднималась исполином,
Твой Петербург мирил врагов
Высокой доблестью полков
В век золотой Екатерины.
Россия...

Священной музыкой времен
Над златоглавою Москвою
Струился колокольный звон,
Но, даже самый тихий, он
Кому-то не давал покоя.
А золотые купола
Кому-то черный глаз слепили:
Ты раздражала силы зла
И, видно, так их доняла,
Что ослепить тебя решили.
Россия...

Разверзлись с треском небеса,
И с визгом ринулись оттуда,
Срубая головы церквям

И славя красного царя,
Новоявленные иуды.
Тебя связали кумачом.
И опустили на колени,
Сверкнул топор над палачом,
А приговор тебе прочел
Кровавый царь - великий... гений.
Россия...

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам.
О, генеральская тетрадь,
Забитой правды возрожденье,
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколенью.
Россия!!!

Первоначальный вариант «России» мы в страшной спешке записали на студии Дунаевского. Дело в том, что на следующий день мы должны были выезжать в Ленинград, нас с «Россией» пригласили на телевидение для участия в передаче «Поп-антенна» и обещали, что приложат все усилия, чтобы песня пошла в эфир. Наряду с «Россией» мы решили отснять песню «Кремлевская стена» (первый ее вариант назывался «Кирпичики»). Нам срочно нужно было сделать фонограмму этих двух песен. Другой студии мы тогда не нашли, пришлось записывать у Дунаевского. Помню, мы всю ночь писали, и хотя фонограмму нам все-таки испортили, деваться было некуда. Так появился первоначальный вариант «России». Конечно, Игорь был очень недоволен записью и оставил ее только потому, что времени не было. Потом

мы записали в Москве другой вариант «России», но Игорь опять остался недоволен; он вообще никогда не был доволен на сто процентов тем, что делает. Все время переделывал свои песни, менял аранжировки, иногда менял текст; получалось так, что песни все время были в работе. Слова, которые ему казались на сегодняшний день неактуальными, он заменял более злободневными. При этом песня, не теряя основы, все время омолаживалась, не старела.

Просмотрев несколько передач «До и после полуночи», которые нам тогда понравились, мы решили выйти на организаторов этой передачи и предложить им «Россию». С трудом верилось в то, что песня может выйти в эфир по первому каналу телевидения, но верить хотелось. В Останкине быстро отсняли песню, всю ночь монтировали клип и действительно, как и обещали, дали ее в программе «До и после полуночи».

Эффект от исполнения этой песни был похож на взрыв бомбы. Людей «Россия» потрясла; сразу же после передачи на телевидение стали звонить зрители, некоторые просто рыдали в трубку. После исполнения этой песни Игорь приобрел колоссальный успех, его начали разрывать на гастроли. Люди поняли, что наконец-то появился русский певец, которому дорого все то, что называется Родиной.

Со своими концертами Игорь исколесил всю страну. Какие только города и организации не приглашали его. Особо следует рассказать о концерте в КГБ. Многие друзья и, естественно, семья не советовали Игорю принимать это приглашение. Однако я уже говорил, что он был отважный артист, никогда ни перед чем не отступал. Решил и на этот раз испытать и себя, и судьбу. Приехали во Дворец культуры КГБ, который находился внутри здания на Лубянке. Очень тяжелое, гнетущее впечатление оставили все помещения, примыкающие к концертному залу. В артистическую гримерную нас вели

по узкой винтовой лестнице с перилами до потолка, так что, если, допустим, впереди или сзади идут конвоиры, убежать невозможно, спрыгнуть некуда. Вошли в жуткую комнату без окон; такое впечатление, что находишься не в гримерной, а в рavelинах Петропавловской крепости. Мебель сохранилась еще с тех мрачных времен: диваны с высокими спинками, обтянутые черной кожей.

Игорь вышел на сцену, поздоровался и совершенно откровенно заявил:

- Я пришел показать те песни, за которые меня пугают вами.

И спел «Россию». После исполнения песни в зале несколько минут стояла гробовая тишина, стены бериевского Дворца культуры такого еще не слышали, люди не могли понять: во сне они это слышат или в реальной жизни находятся; потом раздалось несколько хлопков и обрушился шквал аплодисментов. В этот вечер Игорь исполнил еще несколько песен, тоже сопровождавшихся овациями. При прощании ему сказали:

- Игорь Владимирович, мы очень рады, что вы нашли время и посетили нас. До свидания, всего вам доброго.

Игорь очень вежливо им ответил:

- Да нет, ребята, лучше «прощайте» и тоже всего вам доброго.

Вышли во двор, а там жуткая картина: с одной стороны вдоль здания Дворца культуры телекамеры стоят, а с другой – тюрьма за колючей проволокой. Нам объяснили, что под землей есть подземный переход, соединяющий Дворец с тюрьмой. Людей, арестованных на конференциях, прямо из зала провожали по этому подземному переходу в тюрьму.

Интересуясь историей России начала века, Игорь не мог пройти мимо трагической судьбы командарма Миронова. Предварительно прочитав всю доступную ему

литературу, посвященную этому выдающемуся человеку, он написал балладу «Бывший подъяесаул».

Люди не всегда вдумываются в смысл этой песни, а ведь Игорь нарисовал картину, как православный человек сатанинским ураганом революции был ввергнут в страшный грех против своего народа. В прошлом Миронов – отважная легендарная личность, герой казачества, самоотверженный человек. Военные стратеги того времени – офицеры с большим опытом, служившие царю, были нужны на определенных этапах: разбить Врангеля, отстоять псевдосоветскую власть, а затем должны были быть уничтожены. Пользуясь огромной популярностью у народа, они могли повернуть штыки в обратную сторону. Вот этого и боялась новая власть. И, конечно, все они были приговорены изначально, только время их убийства не было известно. Так был уничтожен Миронов. Он не был расстрелян. Это было убийство выстрелом в спину.

Игорь написал «Подъяесаула» тоже совершенно неожиданно. Я уже говорил, что он практически не отдыхал, всегда отговаривался тем, что ему надо успеть сделать то, что, по его мнению, он постоянно не успевал. Я убеждал его:

– Если ты будешь себя так изводить: бессонные ночи, огромные траты энергии, изнурительная подготовительная работа и выступления на концертах с колоссальной потерей сил, тебя надолго не хватит. Ты не успеешь сделать того, что наметил. Упадешь, с тобой случится удар на сцене, потому что просто не хватит физических сил.

Не все знают о том, что, когда артист работает на зал, он затрачивает колоссальную энергию. Иногда люди не понимают, почему артист после выступления выглядит как выжатый лимон. Все дело в том, что даже в тех случаях, когда он мало двигается по сцене, то есть не затрачивает много физических сил, его внутренняя

энергия всецело отдается зрителям, а если он истинный артист, то иначе и быть не может. Вот именно это происходило и с Игорем.

Он очень любил бывать на природе, но просто не хватало времени выбраться: гастроли, студии, съемки, интервью – это съедало все время без остатка. Иногда по дороге в какой-нибудь город на концерт он вдруг останавливался, выходил из машины, задумчиво шел по полю, брал в руки и любовно разглаживал колоски, травинки, подходил к заброшенной деревне, поросшей травой в человеческий рост; вокруг – запах цветов, пчелы жужжат, тишина... Тут разрушенный колодец, там остаток сруба торчит и, самое удивительное, на дереве скворечник остался. Игорь подойдет к избе, дотронется до рассохшегося бревна и стоит молча, а глаза становятся все грустнее и грустнее. Я не спрашиваю, но чувствую, что он там, в русской многолюдной здоровой деревне. Видит молодых ребят, идущих на покос, стадо на опушке леса, поле, колосающееся тучными хлебами, босоногого ребенка, бегущего за поросенком, слышит фырканье лошади, женский голос, поющий песню. Он там, в полной жизни русской деревне, в уверенной в своей мощи России, и в то же время сейчас он особенно остро чувствует величину нашей потери и страдает от этого, как страдали Есенин, Клюев, Шукшин, Рубцов.

*В его прищуре открывалась мне
Печаль по бесконечному раздолью,
По безнадежно брошенной земле,
Ну словом, все, что мы зовем любовью.*

С. Куняев о Рубцове

Порой мне всё-таки удавалось убедить его отдохнуть. Однажды я вытащил его на дачу к Мише

Скубилину в Купавну. Приехали мы, а там такие прекрасные места: озеро большое, около дома три сосны растут огромные. Когда Игорю удавалось вырваться на природу, он радовался как ребенок. В житейских вопросах он был вообще ребенком, чем и пользовались негодяи. Он был очень потешный в качестве рыбака или грибника. Пошли на рыбалку, и вот он забросил крючок с наживкой, поплавок тут же оторвался, крючок за что-то зацепился, но его не рыба, а сам процесс рыбной ловли интересовал. Интересно, как клюнет поплавок, а рыба или лягушка какая-нибудь там – ему было все равно. Забросил еще раз и опять остался с одним удилищем, леска почему-то снова улетела вместе с поплавком метров за двадцать. Вообще была не рыбалка, а «концерт»; вдоволь насмеявшись вместе с местными рыбаками, мы, естественно, без рыбы отправились восвояси.

Пришли мы с рыбалки, сели за стол в саду, под сосны, красота вокруг, погода чудесная. Из дома вышел Игорь с гитарой, а гитара всегда была при нем как неотъемлемая часть его самого, и объявил:

– Сегодня ночью я написал песню, которую сейчас спою.

И спел «Бывшего подъесаула».

*Бывший подъесаул
Уходил воевать,
На проклятье отца
И молчание брата
Он ответил: «Так надо,
Но вам не понять», —
Тихо обнял жену
И добавил: «Так надо!»*

*Он вскочил на коня,
Проскакал полверсты,*

Но как вкопанный встал
У речного затона,
И река приняла
Ордена и кресты,
И накрыла волна
Золотые погоны.

Ветер сильно подул,
Вздыбил водную гладь,
Зашумела листва,
Встрепенулась природа,
И услышал казак:
«Ты идешь воевать
За народную власть
Со своим же народом!»

Он встряхнул головой
И молитву прочел
И коню до костей
Шпоры врезал с досады,
Конь шарахнулся так,
Как от ладана черт,
От затона, где в ил
Оседали награды.

И носило его
По родной стороне,
Где леса и поля
Превратились в плацдармы...
Бывший подъесаул
Преуспел в той войне
И закончил ее
На посту командарма.

Природа мудра!
И Всевышнего глаз

Видит каждый наш шаг
На тернистой дороге.
Наступает момент,
Когда каждый из нас
У последней черты
Вспоминает о Боге!

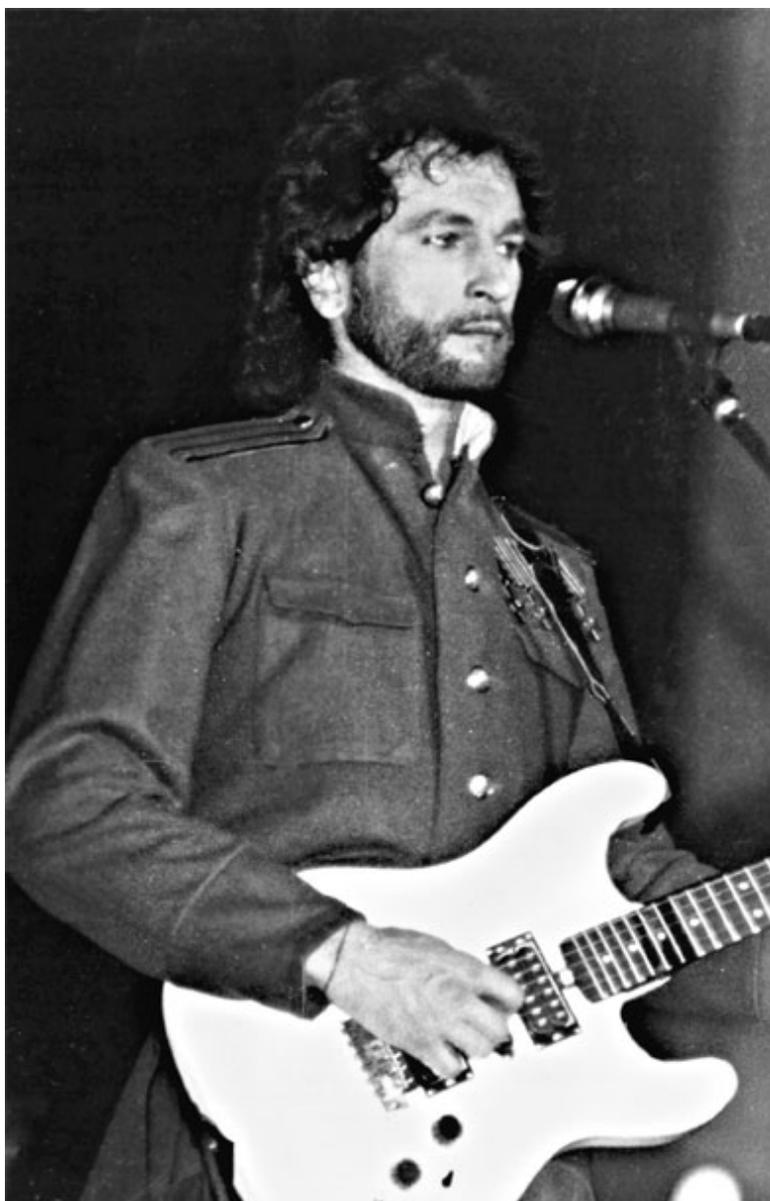
Вспомнил и командарм
О проклятье отца
И как Божий наказ
У реки не послушал,
Когда щелкнул затвор...
Девять граммов свинца
Отпустили на суд
Его грешную душу.

А затон все хранит
В глубине ордена,
И вросли в берега
Золотые погоны
На года, на века,
На все времена
Непорушенной памятью
Тихого Дона.

На года, на века,
На все времена
Непорушенной памятью
Тихого Дона.

Игорь проводил исторические поиски, подбирал соответствующую литературу, чтобы точно знать то, о чем собирается спеть. Все это, естественно, без отрыва от всех прочих дел. Как только Игорь оказывался дома, в руках у него тут же появлялась либо историческая

книга, либо репринтное издание, либо отснятое что-то на ксероксе, значит, перепечатка с запрещенной у нас книги, изданной на Западе, либо архивный исторический материал. Обязательно хоть два часа в день да выкраивал он для этой работы; что-то подчеркивал карандашом, выписывал, чтобы потом проставить акценты в своей работе и использовать либо на концерте, либо при написании песни. То есть он постоянно накапливал информацию, а сам процесс написания песни происходил молниеносно, вроде бы совершенно неожиданно, под влиянием какого-нибудь внешнего импульса.

*«Бывший подъесаул
Уходил воевать...»*

Когда появлялись замыслы (а работал он и в метро, и в машине), он останавливался и молниеносно записывал, чтобы не забыть и не упустить какой-то важной мысли, не потерять ее. Ночью тетрадь всегда лежала у него или

под подушкой, или на тумбочке у кровати. Так, внезапно, ночью была написана «Россия»:

- Я сразу выхватил из-под подушки общую тетрадь и стал записывать. Причем сразу услышал музыку, а на музыку легли слова.

Как все истинные композиторы, Игорь видел музыку в образах, так же, как поэты видят свои стихи.

Остросоциальная программа Игоря, с которой он работал на концертах в 1988-1990 годах, включала в себя такие песни, как: «Кремлевская стена», «Господа-демократы», «Стоп! Думаю себе», «Россия», «Бывший подъесаул» и др. В их числе была и песня «Люди с забинтованными лбами», написанная давно, но не потерявшая своей актуальности. Она была посвящена всем талантливым творческим людям, отчаявшимся пробить стену, преграждающую путь к творческому самовыражению:

Мои друзья скупы на слово стали,
В глазах тоски неизгладимый след,
И ходят с забинтованными лбами
В расцвете лет, в расцвете лет.

Мои друзья не пишут, не читают,
И до общественных проблем им дела нет,
И ходят с забинтованными лбами
В расцвете лет, в расцвете лет.

Мои друзья забросили гитары,
Им все равно: что полночь, что рассвет,
И ходят с забинтованными лбами
В расцвете лет, в расцвете лет.

Мои друзья билеты заказали
Билеты заказали на Тот свет
И доживают с забинтованными лбами

В расцвете лет, в расцвете лет.

Мои друзья щедрЫ теперь на слово,
Да вот бинтов не думают снимать:
Слух прокатился, будто скоро снова
Придется лбы забинтовать.

Но восприятие программы, целиком состоящей из остросоциальных песен, было довольно сложно для зрителя, и поэтому Игорь в своей новой программе первое отделение посвятил политическим песням, а во втором – шел блок песен лирических. Надо сказать, что и лирика Игоря несла глубокий философский смысл.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ
Память уже не жалит.
Мысли не бьют по рукам,
Я тебя провожаю
К другим берегам.

Ты – перелетная птица,
Счастье ищешь в пути,
Приходишь, чтобы проститься.
И снова уйти.
Лети.

Летний дождь, летний дождь
Начался сегодня рано.
Летний дождь, летний дождь
Моей души омоет рану.
Мы погрустим с ним вдвоем
У слепого окна.

Летний дождь, летний дождь
Шепчет мне легко и просто,

Что придешь, ты придешь,
Ты придешь, но будет поздно.
Несвоевременность – вечная драма,
Где есть ОН и ОНА.

Ты перестанешь мне сниться
Скоро совсем, а потом
Новой мечтой загорится
Остывший мой дом.

Что от любви любви не ищут,
Ты с годами поймешь,
Ну а сейчас ты не слышишь
И тебя не вернешь.

Летний дождь, летний дождь
Начался сегодня рано.
Летний дождь, летний дождь
Моей души омоет рану.
Мы погрустим с ним вдвоем
У слепого окна.

Летний дождь, летний дождь
Шепчет мне легко и просто,
Что придешь, ты придешь,
Ты придешь, но будет поздно.
Несвоевременность – вечная драма,
Где есть ОН и ОНА.

2/VII/1990

Он никогда не писал о том, чего не пережил, никогда не писал по приказу. Если чувство взволновало его, это отражалось в его песнях. Именно поэтому его песни так проникали в душу, так сопереживались

людьми: ведь каждый из них вспоминал о своих чувствах, о некогда утраченном счастье. Игоря часто спрашивали, почему песни о любви у него всегда грустные? На что он отвечал:

- По-моему, веселых песен о любви быть не может. Настоящая любовь - это идеал, а путь поиска этого идеала сопряжен с тяжелыми душевными страданиями и трагическими разочарованиями. Вот так!

Рыжий

А какая чудесная жена у Игоря – Татьяна. Есть, конечно, хорошие жены. Но редко можно встретить такую, которая могла бы всецело пожертвовать собой ради мужа. Я любила своего мужа, но любила и себя. У меня всегда было свое «я», а Татьяна его подавила. Она делала то, что нужно было Игорю. Неприятности ли были, болезни ли – Таня умела скрывать это. Игорь был вечно занят и ничего не замечал, а я замечала:

– Таня, что с тобой?

– Голова болит.

Или ничего не говорит, а глотает таблетки. Никогда не жаловалась: тут болит, там болит. Заболел ли ребенок, Таня старалась скрыть это, чтобы не огорчать Игоря. Она, как могла, оберегала – вот то слово – ОБЕРЕГАЛА Игоря от всего. Она могла недоесть, недопить. У Игоря всегда были овощи, фрукты, мясо. Даже когда они были совсем бедные. Было время, когда она пила один чай. Ребенка кормила и Игоря. Ему было с ней не только хорошо, ему было с ней уютно. Она предупреждала каждое его желание. Он только откроет рот, а она говорит:

– Сейчас.

– А как ты догадалась?

– Я почувствовала.

Игорь был человек влюбчивый, увлекающийся; обожествлял женщин, наделял их придуманными достоинствами. В результате этих увлечений появлялись песни. Но предан он был только своей жене. Делился с ней всем. Она ему была и женой, и другом, и сестрой, и матерью. Это был человек, необходимый ему в жизни. Она его даже не ревновала, а если и ревновала, то не подавала вида. Я и то возмущалась иногда. Татьяна его

всегда защищала, потому что понимала – ему так нужно. Я ее как дочку любила и сейчас люблю. Не раз говорила сыну:

– Игорь, тебе Таня не только жена, она тебе и друг, и мать, и нянька.

С гастролей он приезжал домой, как на праздник. Как хорошо дома! А дом – крошечная хрущевская квартирка. Ни повернуться, ни пройти, но это было гнездышко, в котором тепло, уютно и спокойно. Игорь постоянно работал. Приезжая в Щекино из Москвы, он работал и у меня. Корпел над какой-нибудь песней, постоянно переделывая и украшая ее, либо сочинял что-нибудь новое. Однажды, помню, он ушел работать в спальню. Перенес столик из кухни, взял гитару, сел на кровать, закрыл дверь и начал работать. Мы с Татьяной занимались хозяйством, варили варенье, разговаривали с ребенком. Вдруг открылась дверь и вышел Игорь:

– Милые мои женщины, идите сюда. Я только что сочинил песню. Не знаю, понравится ли вам?

И спел нам «Рыжего». Мы с Таней лишились дара речи. Смотрим на него и молчим. Он смотрит на нас и тоже молчит. В конце концов расхохотался:

– Ну что, пойдет?

– Ну-ка спой еще раз, Игорь, эта песня придет на «бис».

– Да ну, что-то ты, мамочка, перегибаешь палку.

Он всегда сначала сомневался в своих песнях. Но я оказалась права. «Рыжего» он всегда исполнял в финале концерта и всегда на «бис», зрители скандировали: «Рыжий», «Рыжий»! В конце концов Игоря с этой песней пригласили на телевидение и записали клип. Сам Игорь считал эту песню наивной, хотя она не такая уж и наивная.

В предпоследней стадии отчаянья,
Озабоченный всерьез,

Я сидел у зеркала печально
И бубнил себе под нос:
«Ох уж эта мне капуста,
Ох уж эта мне капуста».
Имелась в виду капуста,
В которой нашли меня.

Среди всех мальчишек и девчонок
Выделялся я всегда:
Самые большие уши в мире
Были у меня тогда,
Да еще и конопатый,
Рыжий, маленький, носатый,
Ох уж эта мне капуста,
В которой нашли меня.

«Рыжий», – только и слышал
Я со всех сторон
И очень был обижен.

«Рыжий» – ни много ни мало,
Это слово меня возмущало
И жить не давало.

Как назло, в то время модной стала
Песенка про рыжий гриб,
Каждый день по радио звучало:
Руды, Руды, ры...
Я писал письмо в газету
С критикой на песню эту
И с досады под машинку
Голову остриг.

Если же в кого-нибудь влюбиться
Мне случалось, то тогда
Я не мог взаимности добиться

В этом деле никогда,
И говорили мне девчата:
«Ну ты же очень конопатый,
И уши у тебя какие-то, прям,
Ну, просто, прям, беда!»
«Рыжий», – только и слышал
Я со всех сторон
И очень был обижен.

«Рыжий» – ни много ни мало,
Это слово меня возмущало
И жить не давало.

Думал, думал, что мне делать,
Чтоб беду преодолеть,
И купил гитару и гантели,
Стал стихи писать и петь,
Регулярно распевался,
Физзарядкой занимался
И в зеркала на себя решил не смотреть.
Ну что в них смотреть?!

Самым-самым популярным
Стал в своем дворе.
Стали мне завидовать ребята
И девчонки – вслед смотреть,
Солнце в небе – улыбалось,
Жизнь прекрасною казалась,
Ну все-таки как хорошо иногда
Уметь петь.

«Рыжий», – больше не слышал
Я со всех сторон,
И жить мне легче стало,

«Рыжий» – ни много ни мало,

Это слово меня не смущало
И жить не мешало.

- Вот и вся история в общем-то.
- Подождите, подождите, неужели вся? И что, вас так ни разу больше и не называли рыжим?!
- Ну почему же не называли, называли, но мне это было очень приятно. Подождите минуточку, сейчас я передохну и доскажу вам эту историю до конца.

Годы как безумные несутся
В пестрой суете сует,
И в тот мир далекий не вернуться
С высоты минувших лет,
И теперь тот конопатый,
Рыжий, маленький и носатый
В самых счастливых снах приходит ко мне.
В самых счастливых снах приходит ко мне.

«Рыжий», - снова я слышу,
И во сне его зову и часто вижу.
«Рыжий», - слышу я снова,
Но теперь для меня это слово —
Волшебное слово.
«Рыжий», - слышу я снова,
Но теперь для меня это слово —
Волшебное слово.

9/IV/1985

В последнее время я жила с Игорем и Татьяной. Игорь был очень занят и мало общался с сыном, а ведь как хорошо было раньше, когда он был более свободный, хотя и нищий. Сколько времени он уделял ребенку! Папа для Игорька всегда был авторитетом. Если Игорек

шалил, ему всегда говорили – вот сейчас придет папа, увидит. Он просил:

– Мамочка, милая, я больше не буду. Только не говори папе!

Дело не в том, что он боялся, но он настолько уважал отца, что не хотел его огорчать. Ребенок рос эмоциональным, но послушным. Он так нас смешил. Игорь отводил с ним душу. Ложился на кровать, брал его на руки, выделял какие-то трюки, прижимал к груди, хохотал. У них в семье я была счастлива. Я спала на полу и не замечала того, что был жесткий матрас, что холодно и на мне два одеяла. Если я не ходила на концерт к Игорю (а иногда он говорил: «Мамуля, отдохни дома»), то всегда дожидалась его возвращения. Он приходил с концерта, как с праздника, приносил охапки цветов. Вся комната благоухала. Игорь сиял. Это было счастье...

Постепенно Игорь приобрел кое-какую аппаратуру. Он мечтал об аппаратуре для звукозаписи, чтобы не нуждаться в услугах студий:

– Мне назначают время, и я приезжаю. В это же время приезжает какая-нибудь «звезда». Конечно, «звезду» вперед, меня – назад. Вот я и теряю два-три часа драгоценного времени.

А дома он ни минуты не терял, всегда был с книгой, карандашом или блокнотом. Очень много читал, особенно по истории, делал пометки или в блокнот что-то выписывал. Я не могу вспомнить такого случая, чтобы Игорь вел себя праздно. Рано утром он вставал, делал зарядку и бежал в Коломенское. Одно время, когда еще не было машины, они с Татьяной и Игорьком на велосипедах ездили на Борисовские пруды подышать свежим воздухом. В последнее время он вообще никакого отдыха себе не мог позволить.

Хотя Игорь и не стал профессиональным драматическим актером, судьбе было угодно распорядиться так, что его мечта сняться в кино сбылась. Кинорежиссер Салтыков увидел отснятый на телевидении клип с «Россией» и отметил актерские данные Игоря, ту искренность и неподдельную боль, которой был полон его взгляд. Игоря пригласили попробоваться на главную роль в фильме «Князь Серебряный». Игорь согласился с радостью, так как это была близкая его духу тематика. Сначала были фотопробы. Так получилось, что на роль стремянного князя Вяземского пробовался и я. Было лето, жарища стояла... Надели на нас шерстяные одежды опричников с шашками или мечами, уже не помню. После долгих фотопроб в студии начались кинопробы. Было много забавных случаев, особенно когда пробовался я. Не помню того текста, который я должен был произносить, когда опричники громят усадьбу Морозова. Я должен был стоять у какой-то изгороди и говорить что-то Хомяку, который стоял рядом и наблюдал за разбоем. Раз двадцать-двадцать пять все это пробовалось, снимали в разных ракурсах. Жара от софитов стояла невыносимая. По мне струился пот. Я перепутал все на свете, говорил какой-то текст от себя, язык заплетался. В конце концов Салтыков рассмеялся и прекратил пробы. На примере этих мучений в процессе кинопроб я понял, что не выдержу, и не стал сниматься. А Игоря начали снимать.

Потом произошли изменения в съемочной группе. Как-то незаметно устранили Салтыкова, на смену ему пришел режиссер Г. Васильев, который по-своему переделал сценарий, в результате чего он стал всего лишь отдаленно напоминать роман А. К. Толстого и приобрел отчасти пародийный характер.

Обычно последовательность съемок эпизодов фильма не соответствует сценарию, снимается как бы

вразброс, и только благодаря окончательному монтажу картина обретает целостность и последовательность. Бывало так, что Игорь въезжал в кадр на лошади одной масти, а выезжал на другой. Но, может, зритель этого и не заметил. Игорь поставил условие, что будет сниматься без каскадеров, сам скакал на коне, сам рубился в батальных сценах.

Личность

Уже во время съемок фильма «Князь Серебряный» режиссер Николай Стамбула предложил Игорю сняться в другом фильме, который затрагивал проблемы тогда впервые гласно проявившегося рэкета, где Игорь должен был сыграть одного из отцов мафии среднего пошиба. Поначалу он отказывался, не желая разрушать того сценического образа Талькова, что сложился в восприятии зрителей. Но потом Игоря убедили, что мастерство актера проявляется именно в его способности играть разноплановые роли, и получилось так, что он одновременно работал над двумя диаметрально противоположными экранными образами: благородный князь и главарь мафиозной группировки. Уговорили отсняться и меня; я сыграл одного из подручных бандитов.

В процессе съемок складывались курьезные ситуации. Приезжал Игорь из Алабино, где снимался фильм «Князь Серебряный» (потому что там стоял единственный кавалерийский полк, обслуживающий весь наш кинематограф, все батальные сцены), в Москву, на Чистопрудный бульвар, где тоже снималась батальная сцена фильма «За последней чертой».

Почему-то Васильев считал, что если князь – Серебряный, то и волосы у него должны отливать серебром или золотом. В результате у Игоря был такой золотисто-пшеничный цвет волос, а бандит в фильме Стамбулы, по замыслу авторов, должен был быть жгучим брюнетом. И вот прилетает Игорь из Алабино на Чистопрудный бульвар: там в ресторанчике снимался один из эпизодов фильма. Неподалеку стояли автобусы с реквизитом, примерами, костюмерами и т. д. Смотрю, Игорю что-то делают с головой, и она чернеет на глазах.

Я сначала не понял, что они делают: красят, что ли, так, ведь без воды? Подошел поближе и увидел, что волосы, оказывается, красят копировальной черной бумагой. Просто натирали пшеничные волосы князя Серебряного под брюнета-мафиози обычной копировальной бумагой. Отснялся Игорь в том или ином эпизоде, мыли ему голову, и пшеничным он возвращался на съемки «Князя Серебряного».

Интересные моменты бывали и на концертах, когда мы снимались уже в Москве, на Куличках, в Морозовском доме. Игорь должен был выступать в Концертном зале «Россия» в гала-концертах. А тут идут съемки. И вот, чтобы убить сразу двух зайцев; он прибежал на выступления в «Россию» так, как бывал одет: в княжеском кафтане, с саблей наперевес, в княжеской шапке, подбитой соболем:

- Простите, ради Бога, дали отбежать всего на десять минут, пока перезаряжают камеру.

Игорь не только совмещал работу на двух съемочных площадках (а снимали и в Москве, и в Алабино, и в Суздале), сюда же вклинивались съемки на телевидении, работа в студиях звукозаписи, интервью, концерты... Работал он почти двадцать четыре часа в сутки, когда спал - не знаю. После съемок где-нибудь на поле брани, где они били татар, он садился писать стихи к новой песне или аранжировал ее под гитару, которая всегда была при нем.

Во время съемок одного из эпизодов фильма «Князь Серебряный» произошел забавный случай, о котором хочу рассказать особо. Снимали вечером битву с татарами. Васильев попросил меня поджечь дальние стожки, быть поджигателем, то есть, чтобы было больше пламени (а тем самым больше света для съемок). Я обратил внимание на то, что неподалеку стоит очень много лошадей и, казалось бы, одни стоят, без наездников. По сценарию это был табун лошадей,

который от испуга куда-то должен был пробежать мимо камеры. Но сами, без наездников, кони не были обучены бежать, и что придумали: оголили солдат-кавалеристов до пояса, и они сползли с луки на одну из сторон лошадей, чтобы камера их не взяла и создавалось впечатление, будто лошади бегут сами по себе, неуправляемые, без седоков. Но, как всегда у нас бывает, то одна камера не пошла, то три стога подожгли, а не четыре, а нужно было пять, оказывается, то изгородь не горит - плохо бензином облили... Я-то что, я с факелом стою за стожком, одетый, жду команды. Вечер уже, почти стемнело - это в ложбине было, сыро, комарья там... А ребята эти бедные, полуголые, которые сползли за луки в ожидании начала съемок, - так, оказывается, комары сожрали насмерть этих солдат-кавалеристов. И пока им не дали команду: «Вперед!» - они прокляли всю съемочную группу...

С женой Татьяной на съемках фильма «Князь Серебряный»

Из-за постоянных разъездов на гастроли Игорь редко показывался дома, а если и показывался, то тут же убегал то на студию, то на съемки куда-нибудь. И чтобы быть с ним рядом, Татьяна тоже устроилась на «Мосфильм» помощником режиссера на фильм «Князь Серебряный». Жили они в домике, который снимали вместе с Васильевым. Танюша всегда была рядом с Игорем, разделяла с ним трудности, комарье кормила. Мне доставалось меньше, я-то в основном решал вопросы в Москве; а на съемки наезжал временами.

Места там были очень красивые: деревня, поле, лес, а ведь Игорь всегда мечтал купить домик в деревне. Вообще он любил скакать на конях, и скакал порой без поводов и стремян, чем удивлял профессиональных каскадеров. И когда съемки бывали удачные, когда Игорю нравилось, он радовался как ребенок. Человек он был эмоциональный и мог рассказывать до утра, как был отснят тот или иной понравившийся ему эпизод. Его переполняла радость творчества и радость от красоты окружающей их природы.

Потом у него испортились отношения с кинорежиссером и продюсером фильма Таги-Заде, Игорь не стал досниматься и озвучивать роль. Так что озвучивал уже другой актер. Когда фильм был смонтирован, Игорь был настолько разочарован результатом, что на презентации, которая состоялась в кинотеатре «Октябрь» в августе 1991 года, публично со сцены попросил прощения у Алексея Толстого и у зрителей за то, что снимался в этом фильме.

Жизнь часто сталкивала Игоря с интересными людьми. Совершенно случайно мы познакомились с Джунгой Давиташвили. В то время Игорь сильно травмировал ногу. Вот как это произошло. Его пригласили в «Утреннюю почту» на съемки песни «Маленькое кафе». На натуральных съемках Игорь подвернул ногу и получил растяжение голеностопного

сустава. Сидеть дома с больной ногой не было никакой возможности – были запланированы концерты. Я принес ему какую-то палочку, так и приходилось выступать на концертах – с палочкой. На один из таких концертов пришел Вахрамов, журналист из «Вечерки». После концерта он зашел в примерную:

- Поедем к Джуне, она тебя моментально вылечит.

- Какой Джуне? Давиташвили?

- Да, я ее знаю. Поехали!

А надо сказать, что для нас Джуна была женщиной-легендой, ее имя было окутано тайной, газеты писали о ней чудеса. До последнего момента я не верил, что мы и вправду едем к Джуне. Приехали. Действительно, встретила нас сама хозяйка. Просидели мы у нее до утра. На протяжении всего этого времени она гладила ногу Игоря, что-то делала с ней.

Помню, спросила:

- Ты когда ломал ногу? У тебя трещина с внутренней стороны ступни.

- Да, действительно год назад я сломал ногу.

Утром собрались домой. Игорь встал – и за палочку.

- Не надо, иди так, без палочки.

- Я не могу, у меня ведь нога больная.

- Ничего, иди так.

И мы были свидетелями чуда, Игорь встал на больную ногу и пошел. После этого случая мы стали иногда бывать у Джуны. Оказалось, что она не только лечит людей, но и прекрасно рисует, пишет стихи. Кстати, у нее интересный прием рисования – не кистью, как общепринято, а пальцем. У Джуны оригинальное видение мира, в картинах она выражает свои мысли, свое мироощущение. У Игоря и Джуны установились творческие отношения, иногда они вместе выступали на концертах...

Выступление Игоря на концерте, посвященном презентации газеты «Память», оказалось чревато

многими неприятными последствиями. Игорь был знаком с лидером «Памяти» Д. Д. Васильевым, разделял некоторые его взгляды, такие, как возрождение национальных традиций, пробуждение русского национального духа, - вообще все то, что вмещает в себя понятие патриотизма. Речь идет не о шовинизме, а об искреннем чувстве национальной гордости, которое должно быть присуще каждому народу: не возвышаться, а гордиться тем, что ты русский, татарин, немец, - гордиться своей нацией. Я считаю, что это вполне естественное чувство. Вот именно эти взгляды разделял и Игорь. Наряду с другими артистами он был приглашен на презентацию газеты «Память». На прекрасно оформленной сцене выступали хоровые и танцевальные коллективы, звучали древние гусли, слышался перезвон колоколов, духовные песнопения. Вообще царил атмосфера настоящего народного праздника, и все это отражалось в счастливых глазах тех, кто присутствовал в зале. Игорь спел несколько песен, зал устроил овацию, а Васильев обнял и поцеловал его. В этот момент их сфотографировали, и в скором времени эта фотография с «разъяснением», что Игорь является членом «Памяти», появилась в газетах. Это была хорошо продуманная провокация. В то время Игорь уже был известным артистом, и его творчество многим, мягко говоря, было не по душе. Представился случай его скомпрометировать. «Память» - широко известная одиозная организация. Сформированное средствами массовой информации общественное мнение гласит, что в нее входят «фашисты», «шовинисты», и Игоря искусственно «внедрили» в их ряды. Эффект превзошел все ожидания. Перепуганное телевидение сразу закрыло перед Игорем двери, газеты, на радио моментально объявили бойкот, даже телефон дома замолчал. Игорь хотел тут же напечатать опровержение, но этот материал газеты не брали. Он оказался в тупике. А ведь

Игорь не состоял, да и не мог состоять ни в какой общественной организации. Он был личностью. У него были свои очень четкие убеждения, которыми он и руководствовался в жизни. Если человек вступает в партию или в какое-нибудь общество, то он должен подчиняться уставу, лидеру, авторитету, следовательно, свои взгляды, хотя бы частично, должен корректировать под определенные догмы. Человек, который действительно является личностью, либо создает свою партию, если имеет склонность к организованной борьбе, либо остается вне какой-либо партии и действует сам. Таким был и Игорь. Он был свободным художником, проповедующим свои собственные взгляды. И надо сказать, для пробуждения самосознания народа ему одному удалось сделать куда больше, чем некоторым многолюдным организациям.

Кстати, об отношении Игоря к политике. Игорь был поэтом. Известно, что у поэтов чистая душа ребенка. Мы живем в трудное время, когда наш народ ввергнут в пучину политической нестабильности, хаоса и страданий. В такой ситуации поэт, который искренне хочет помочь своему народу, невольно ввергается в бездну политики. После августовских событий 1991 года, в момент всеобщей радости и восторга Игорь поверил в то, что наконец-то свергли коммунистов, наконец-то победила демократия – власть народа. После поражения «путча» Игорь выступил в поддержку демократии. Но когда первый восторг, который заполнил наши площади и улицы, улегся, люди начали оглядываться по сторонам. Что изменилось? Кто пришел к власти? Что нас ожидает впереди? Улеглись эмоции и у Игоря. Он вновь начал отличать черное от белого. И когда за три часа до смерти журналистка задала ему вопрос:

– Игорь, конкретно, вы на чьей стороне?

Он ответил:

- Я на стороне народа.

ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ

(отрывок)

Старый волк КПСС в овечью шкуру влез,

Чтоб вписаться в поворот, подсуетился,

Поменяв «СС» на «Р», овца ДПКР

Волчьей пастью попытается вцепиться в трон.

Хватит!

Я узнала о его гибели на Украине

Игорь был очень любящим и заботливым сыном; когда-то, еще в начале своего творческого пути, он писал мне с гастролей:

«Когда я в разлуке с тобой, я скучаю по тебе, мама, и очень хочу видеть тебя, говорить с тобой...

Я очень занят собой, хотя это все делается для вас, для моих близких. Мама, ты думаешь, я не понимаю, что все приходит в свое время, что ко мне тоже, возможно, придут и успех, и признание - нужно только подождать - ты думаешь, я не понимаю? Я понимаю. А почему спешу? Почему так тяжело переживаю неудачи? Да потому, что я хочу успеть порадовать тебя (пока ты еще, слава Богу, жива и здорова, тьфу, тьфу, тьфу), хочу успеть помочь Володе выбиться в люди... Понимаешь? Ведь для меня (я часто об этом думаю) потеряет всякий смысл мой успех, слава и признание, если не будет тебя. Отец уже не успел. Он так, бедняжка, никогда и не узнает, кем станет его сын через несколько лет.

Я хочу успеть, пока ты ЖИВА. А потом мне это уже будет не так нужно...

Я тебя очень люблю и хочу тебя увидеть.

Целую, твой Игорь (балбес)».

Я всегда и гордилась сыном, и боялась за него. Зная, что он очень мною дорожит, хотела сыграть на его чувствах, прося остановиться, не петь крамольные песни: «У тебя такая замечательная лирика - пой

лирику! Ведь ты идешь против власти. Для кого ты поешь свои политические песни? Ты посмотри на эту публику. Тебя семьдесят процентов не воспринимает!» – не раз говорила я ему. «Пусть так. Со временем и другие поймут», – отвечал Игорь. Он очень радовался, когда на его концертах бывало много молодежи. Ему так хотелось, чтобы молодежь и поняла, что творится вокруг, болела за Родину, народ и не увлекалась той пошлостью, которой пичкает ее Запад.

– Мамочка! Я очень тебя люблю, но не проси меня о том, чего я не имею права делать! Я не сойду со своего пути, чего бы мне это ни стоило! Пойми и прости...

Увы, страх за сына оказался и не беспочвенным. И кто осудит меня сейчас за это малодушие?..

Перед его убийством я целый месяц была на даче в Щекино: крутила компоты, варила варенье, срезала сушняк, готовила дачу к зиме. И что-то так болело сердце об Игоре, в каком-то предчувствии, что с ним неладно. Я постоянно звонила Тане и спрашивала: «Где Игорь? Все ли в порядке?» Таня даже удивлялась: «Что с вами, что вы так волнуетесь? Все хорошо». Приехала в Москву. Игорь был очень занят: концерты каждый день. Днем накануне гибели он съездил в Гжель, где дал свой последний в жизни концерт. Он все не хотел со мной прощаться (вечером мы уезжали оба: он – в Питер, я – к сестре на Украину). Я настояла, и уже в прихожей он чмокнул меня: «Ну что, довольна?» Так мы и расстались. Утром я была в Днепропетровске, а вечером узнала о его гибели...

Как-то он прислал мне письмо: «Я тут недавно прочитал А. Бундестам “Пропасть”. Там есть такие слова: “...Она была истинной матерью – терпеливой, неутомимой, исполненной неистребимой воли к жизни. Женщиной, которая во все времена и сквозь все ужасы несет жизнь в сильных своих руках...” Я выписал эти строки в свой дневник и считаю, что они как нельзя

лучше олицетворяют тебя. Я все никак не могу собраться и написать песню о тебе. Но я напишу. Честное слово, напишу. Это будет очень хорошая песня». Не успел... И все его задумки ушли вместе с ним...

Игорь был сторонником «живой» игры, мечтал о создании грандиозного ансамбля профессиональных музыкантов, способных исполнять сложную музыку. Мечтал отказаться от фонограмм и работать только «вживую». Правда, сольные концерты он всегда проводил без фонограмм. Это естественно. Под фонограмму себя так не выразишь, не будет характера, нерва. Ну, а в гала-концертах приходилось выступать под гитару, а иногда и под фонограмму, потому что петь «вживую» в этом случае технически невозможно. Ведь в таких концертах принимает участие множество коллективов. Выступая «вживую», каждый из них должен предварительно настроить аппаратуру. Концерты затянулись бы. Поэтому на гала-концертах приходилось использовать инструментальную фонограмму, а иногда и полную фонограмму с вокалом. Музыканты, работающие с Игорем, к сожалению, не соответствовали его требованиям как по профессиональной подготовке, так и по своему мировоззрению. Философский смысл песен Игоря их абсолютно не волновал. Не страдали они за Россию, за измученный русский народ. Какие же они единомышленники? Им было престижно работать с тогда уже известным Игорем Тальковым, пользоваться его популярностью и, что называется, делать деньги. Кстати, Игорь всегда невероятно щедро расплачивался со своими музыкантами. Бывали случаи, которые меня возмущали, когда за концерт, отработанный «вживую», Игорь получал меньше каждого из своих музыкантов, а ведь их нервные и даже физические затраты в этом

случае совершенно несоизмеримы. Игорь обычно говорил:

- Не надо обижать музыкантов. У них семьи, всем надо нормально жить, а себе я еще заработаю, успею. И настроение у них будет получше, ведь мне с ними работать на сцене.

Сцена - поле боя

Игорь нуждался в деньгах, но они не были целью его жизни. Он говорил: «Деньги нужны для того, чтобы о них не думать». Это логично. Творческий человек должен думать о творчестве. А когда большую часть времени ему приходится ломать голову над тем, как заработать деньги, то есть думать о бизнесе, – пропадает талант, данный ему от Бога. И, наоборот, наработывается новый талант – талант зарабатывания денег. В результате человек погружается в хаос, делает то, что ему не предназначено, ибо наработка денег и творчество – понятия несовместимые.

Что касается славы, то Игорь считал, что славы он еще не достиг, а вот популярность у него уже была. Чтобы достичь славы, нужно пройти колоссальный путь, который был еще впереди.

Игорь не только писал тексты своих песен, был композитором и аранжировщиком, но еще был сам себе и продюсером, и менеджером, и художественным руководителем, и режиссером, и сценаристом... Игорь нес на себе непомерный груз забот, так как не на кого было положиться. К тому же существовало множество дел, которые действительно мог сделать только он сам. У нас есть дурацкая тенденция – на переговоры с музыкальными редакторами на радио, телевидении, в кинематографе должен выходить исполнитель не через посредников, а обязательно сам. В противном случае возникают обиды, дескать, вот артист нас игнорирует. Игоря, которому времени никогда не хватало, это всегда возмущало:

– Надо обязательно ехать самому. Вот ты бы съездил и все сделал, но они затаят злобу на меня, скажут, что Тальков зазнался, у него появился апломб и так далее.

В результате впустую убивалось много времени на беседы, чаепития, совершенно не нужные для дела. Я старался помочь ему, и время от времени мне это удавалось.

Игорь был совершенно измотан, ему некогда было вникать во взаимоотношения музыкантов. Вот этой его отрешенностью и пользовались, чтобы «подгадить» друг другу. Игорь был искренним человеком, судил обо всех по себе, сам не мог совершить подлость и был твердо убежден, что никто в его коллективе на это не способен. Пользуясь его доверчивостью, ему плевали в душу бесчисленное множество раз. Но выводов из этого он никогда не делал, не менял своего благожелательного отношения к людям.

Вполне естественно, что он не только доверял своим музыкантам, но и называл их друзьями. Иногда, правда, говорил: «У меня такая душа, что негодяи и подонки вползают в нее, вольготно там располагаются и прекрасно себя чувствуют...» Музыканты предали Игоря в Сочи. Специально рассчитали нанести удар так, чтобы побольнее было. Они прекрасно знали, что на следующий день после нашего возвращения с гастролей должны были начаться сольные концерты в одном из самых престижных залов страны, в Концертном зале «Россия». Игорю был нанесен рассчитанный, спланированный удар в спину. Предательство. Кажется, это должно было послужить ему уроком. Так нет, видимо, у таких людей, как Игорь, слишком большая душа, чтобы помнить зло и делать соответствующие выводы на будущее. Это их крест. Я не буду рассказывать, каких трудов стоило нам поднять этот концерт. Билеты были уже проданы. Страшное дело, когда внезапно уходит ансамбль. Игорем были молниеносно сделаны инструментальные фонограммы. Он сутки не выходил из студии. На сцене пришлось работать вдвоем с саксофонисткой Альбиной

Боголюбовой, им помогал звукорежиссер Володя Соколов, который параллельно работал еще и на синтезаторе. И вот так, голодный и сутки не спавший, Игорь отработал первые два концерта и вытянул программу.

Вспоминаю эти концерты, как кошмарный сон. Помню, Игорь тогда сказал: «Все! Эти люди для меня умерли». Однако через некоторое время, к своему крайнему удивлению, я узнал, что в группу опять возвращаются музыканты основного состава.

Мечтая о создании большого ансамбля, Игорь начал набирать профессиональных музыкантов. К нам пришли два трубача – Володя с Витей, которые раньше работали с Пресняковым-младшим. Очень хорошие ребята. Перешли потому, что увидели в Игоре истинного музыканта. Пришел Джават-Заде из «Помпилиуса» – барабанщик с нервом, со своим «лицом», вообще хороший человек. Пришли бас-гитарист и гитарист, играющий на акустической гитаре. Все – профессионалы, с большим опытом работы на сцене. Ребята прекрасно смотрелись, замечательно играли, не лишены были актерских данных. Однако музыкантов, составляющих основной костяк, это не устраивало: ведь они не могли конкурировать с профессионалами и вынуждены были постепенно ретироваться на задний план. Я чувствовал, что меня устраняют, но терпел, понимая, что, если уйду, Игорь останется, по существу, один. В конце концов, они добились своего. Помню, Игорь приехал ко мне:

– Давай поговорим. Понимаешь, Володя, ведь ты никогда не полюбишь моих музыкантов.

– Конечно, нет. У меня об этих людях свое мнение, твердое, непоколебимое. К предателям у меня отношение однозначное.

– Ну вот видишь!

У него хорошее настроение было, и я решил ему особенно не перечить; просто сказал то, что думаю, но так, чтобы особенно не обижать его, не нервировать. Игорь предложил:

- Поезжай в Германию, к друзьям. Время лечит, время меняет. Приедешь из ФРГ, отдохнешь, опять вместе работать будем... Не могу я уволить этих людей, совесть не позволяет. Ведь они работали со мной с самого начала, вместе и в нищете пребывали, и на задворках выступали. Как я теперь их выгоню?

- Игорь, запомни, если возникнет какая-нибудь экстремальная ситуация - арест или еще что-то, - останусь с тобой рядом только один я. Все твои окружающие разбегутся, откажутся от тебя, открестятся. Это будет.

Расставляет все по своим местам
экстремальная ситуация.
И шагает за нами она по пятам,
помогая в друзьях разобраться.

И вот мы расстались. Я понял, что работать вместе с Игорем мне не дадут. Конечно, у меня были мрачные предчувствия, но, как любой человек в подобной ситуации, я старался себя успокоить.

Это была наша последняя встреча. В следующий раз мы увиделись с ним в Шереметьево: его в гробу привезли из Питера, а я прилетел из Берлина. Там мы и встретились...

Позже я узнал, как развивались события. Сначала Игорю расстроили охрану. Начали с меня, а я был для Игоря как бы щитом: все видел, чувствовал и всегда погасил бы любой скандал. Итак, устранили меня, потом - телохранителя Владика, который никогда никого не пропустил бы к Игорю в гримерку перед концертом, сам

разобрался бы во всем. Похожие ситуации бывали и раньше, но мы всегда мирно разрешали все конфликты, и скандалов не разгоралось.

Итак, все преданные Игорю люди были устранены. Потом в группу подсунули нового директора – Шляфмана, которого никто до этого не знал и не знает до сих пор, у кого бы из администраторов, имеющих отношение к концертной деятельности, я ни спрашивал. Скользкий, угодливый человек, говорят, что он никогда не смотрел в глаза собеседнику. Зная, что Игорь катастрофически нуждается в друзьях, Шляфман старательно демонстрировал ему свою преданность. Владик рассказывал, что во всех городах, где побывала с ним группа на гастролях, Шляфман провоцировал скандалы. Игорь говорил домашним: «Очень смелый человек наш новый директор, сам бросается в драку».

Совершенно очевидно, что он был внедренным в коллектив провокатором. Я думаю, что сценарий убийства и раньше был опробован, но сработало в «Юбилейном».

В ФРГ, вдали от Игоря, я совершенно отчетливо вдруг почувствовал, что он обречен, его убьют, так и случилось.

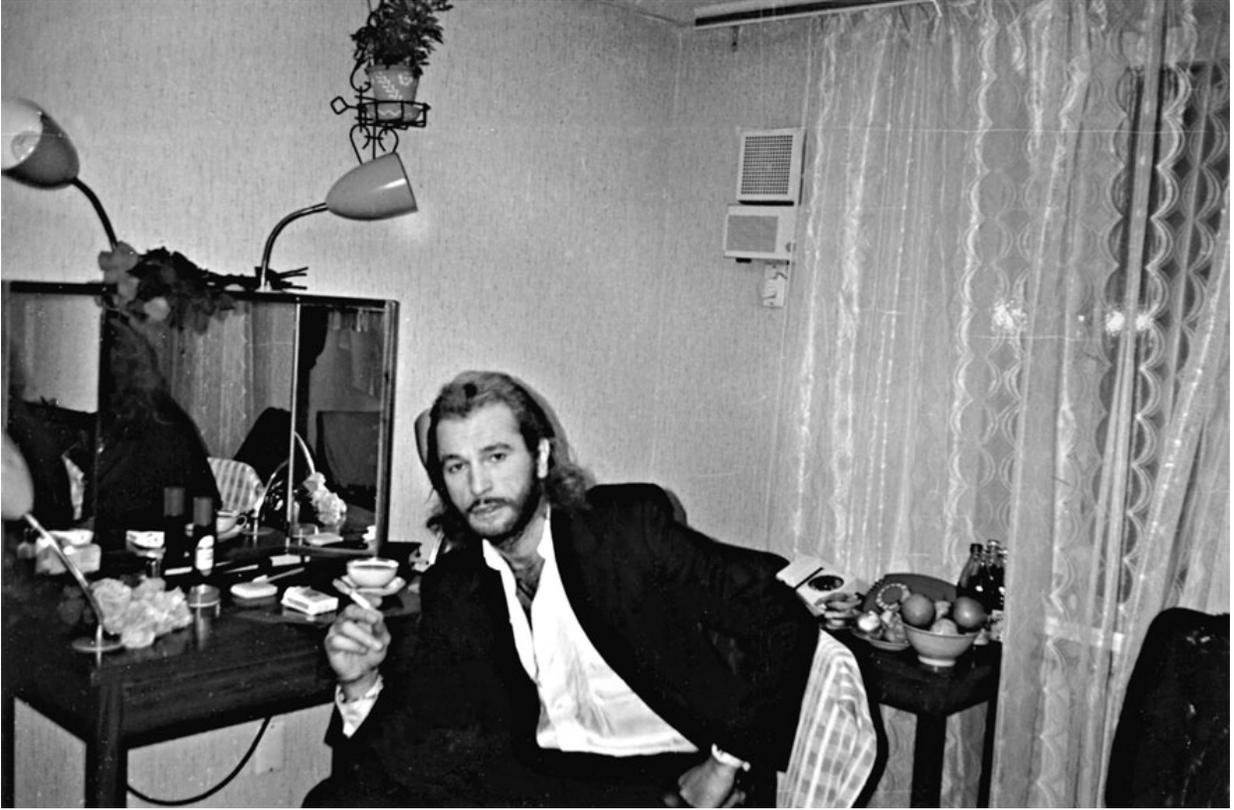
После убийства действия продолжали разыгрываться по известному сценарию. Прокуратура, и не собиравшаяся предпринимать решительных шагов в следствии, по горячим следам обвинила подозреваемым в убийстве скрывшегося Малахова. Однако после того как Малахов предстал перед следственными органами с доказательствами своей якобы непричастности к убийству, был сделан намек, что в убийстве подозревается некто из группы «Спасательный круг», скрывающийся от следственных органов в данный момент. И как только Шляфман переехал в Израиль на постоянное местожительство, немедленно подозреваемым в убийстве был объявлен он – этого

только и ждали. Итак, схема действий следственных органов предельно ясна, каждый раз подозреваемым в убийстве объявляется тот, кто в данный момент находится вне пределов досягаемости. Следствие было поручено рядовому следователю, и на все скрепленные тысячами подписей письма общественности, на все обращения, подписанные известными политическими деятелями, с требованием передать дело об убийстве Игоря Талькова в вышестоящие органы Генеральная прокуратура ответила отказом.

Газеты тоже не теряли времени даром - они занялись формированием общественного мнения, обливая Игоря грязью с головы до ног. Было объявлено, что Игорь Тальков во время концерта вступил в драку, оспаривая очередность выхода на сцену. Во время драки был пьян, а в пьяном виде он невменяем. Договорились до того, что если бы Талькова не убили, то его пришлось бы упрятать за решетку.

Смертельно перепуганные, «друзья»-музыканты путали, меняли показания, отказывались от своих слов. Все утверждали хором одно и то же:

- Мы не видели и не могли видеть убийцу в момент убийства...

Перед выходом на сцену

Хотя оно и произошло у всех на глазах... Я предупреждал Игоря:

- Не дадут тебе долго высказывать все, что ты хочешь, встанет заслон на твоём пути. Просто сейчас кому-то выгодно поднять тебя повыше, чтобы тебя увидели миллионы людей. Так было во все времена: сначала высоко поднимали наших поэтов и делали их народными кумирами, а потом в назидание другим убивали.

На что он мне отвечал:

- Не посмеют. И пусть я пока один в поле воин. Сила русского народа в единстве. Во все времена нас старались разъединить, лишить силы объединенного национального духа. Если народ узнает правду о своем

великом прошлом, каждый будет гордиться тем, что он русский, и это объединит народ.

Игорь максимально усложнил программу и сделал театрализованное представление «СУД», где он судил всех наших вождей начиная с 1917 года и до нашего времени. Зрители были потрясены всем происходящим на сцене. Конечно, концерты не раз пытались сорвать. Отключали электроэнергию, иногда с аппаратурой вообще непонятно что случалось. Приходилось ставить охрану у центральных распределительных щитов. Бывали такие случаи, что отключали электроэнергию вообще во всем районе или распускались слухи, что Игорь не приедет, и отменялись концерты, а мы этого не знали. В общем, шла подрывная работа, как и во все времена.

Первый блок - остросоциальные песни - Игорь исполнял в форме царского офицера, воссоздавая образ великой русской армии, заплеванной и оболганной советской историей. Зрители очень часто говорили, что Игорь создает удивительно достоверный образ офицера белой армии. Его достойная, истинно мужская манера держаться на сцене, скупые, но удивительно красивые жесты, одухотворенное лицо, интеллигентность, всегда печальные, умные глаза, к тому же прекрасные лаконичные тексты, - все это, вместе взятое, убеждало зрителя в том, что перед ними не артист в соответствующем костюме, а подлинный белый офицер, чудесным образом перенесенный из того времени в наше. Поэтому зритель абсолютно верил ему, ловил каждое его слово, был готов думать, анализировать и делать выводы вместе с ним. Игорь пробуждал у людей способность мыслить.

Его с детства интересовало прошлое нашего государства, было прочитано много книг по истории. Наряду с трудами советских историков, в которых на белых офицеров взвалили непомерный груз

преступлений против своего народа, встречались произведения великих русских писателей, где он видел совсем других офицеров, образованнейших, порядочных людей, людей чести и совести. Возникали вопросы. Что-то тут не так! Где-то неправда. И вот так, постепенно, читая и анализируя, Игорь понял, что от русского народа намеренно скрывается великое прошлое его Родины. Он почувствовал, что эту открывшуюся ему правду он должен донести до человеческих душ, разорвав оковы, связывающие самосознание, пробудить народ от спячки. Он прекрасно знал, что живое общение артиста со зрителем больше влияет на сознание человека, чем печатное слово или кинематограф. Игорь говорил, что песни – это кратчайший путь к сердцу и уму человека. Сцена для Игоря была полем боя, а зритель – ратью, которая объединялась под стягом его песен.

РОДИНА МОЯ

Я пробираюсь по осколкам детских грез
В стране родной,
Где все как будто происходит не всерьез
Со мной.
Надо ж было так устать,
Дотянув до возраста Христа, Господи...
А вокруг, как на парад,
Вся страна шагает в ад
Широкой поступью.

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.

В анабиозе доживает век Москва —
дошла.
Над куполами Люциферова звезда

взошла,
Наблюдая свысока, как идешь ты с молотка
за пятак,
Как над гордостью твоей смеется
бывший твой халдей
с Запада.

Родина моя —
Нищая сума.
Родина моя,
Ты сошла с ума.

Восьмой десяток лет омывают не дожди
твой крест,
То слезы льют твои великие сыны
с небес,
Они взирают с облаков, как ты под игом дураков
клонишься,
То запиваешь и грустишь,
то голодаешь и молчишь,
то молишься.

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.

Родина моя —
Нищая сума.
Родина моя,
Ты сошла с ума.

Надо сказать, что Игорь обладал неистовой энергией, которая молниеносно передавалась зрителям,

сидящим в зале, и они начинали чувствовать и жить в это время так же, как жил он на сцене.

После концертов ко мне часто подходили люди, иногда довольно преклонного возраста. Например, после концерта в Сочи ко мне подошла женщина приблизительно семидесяти лет. Она была очень взволнована:

- Боже мой, то, что делает Игорь, просто уму непостижимо! Сейчас появились очень смелые статьи, но они все равно не так волнуют душу, не так влияют на разум. Я воспитана в прокоммунистических традициях, всю жизнь проработала учительницей и воспитывала детей в тех же традициях. А вот сейчас всего за два часа Игорь перевернул мое мировоззрение. Если бы можно было найти такую огромную аудиторию, которая вместила бы в себя миллионы людей, и показать спектакль Игоря, то это могло бы изменить судьбу России.

В последнее время популярность Игоря стала резко возрастать. Его концерты шли в переполненных залах и часто переходили в митинги. Он постепенно становился лидером, за которым могла пойти молодежь. Этого уже не могли стерпеть те темные силы, которым творчество Игоря уже давно стояло поперек горла, как и творчество всех наших великих русских поэтов, и Игорь был убит так же подло, как все те, кто осмелился назвать русский народ Великим.

Смерть Игоря всколыхнула десятки тысяч людей. На нашу семью обрушился шквал писем. Люди поверяют нам, что они потеряли не просто кумира, а часть чего-то дорогого, сокровенного. Создан музей Игоря Талькова ^[2]. Перечитывая отзывы, вдумываясь в них, убеждаешься, что дело Игоря не пропало даром: люди обращаются к нему, как к живому, значит, для них он жив. И куда бы я ни приезжал (а ездить порой приходится много), везде простые люди просят оставить что-то на память об

Игоре, ну хотя бы на листочке газеты расписаться, а это говорит о том, что Игорь снискал народную любовь. Написано много стихов, песен об Игоре в простом народе. Вот одно из обращений к нему:

«Игорь!

Верь, что мы сделаем все, о чем ты мечтал, к чему стремился, за что боролся.

Верь, что мы, твои единомышленники, очистим Россию от скверны, сделаем из нее Великую Россию, о которой ты мечтал, ту Россию, в которую ты должен обязательно вернуться. Иначе и быть не может, потому что ты жив в наших сердцах. Мы верим в твое возвращение».

И пока жива Память людская, жив и Игорь, и тысячи сердец вдохновляются его неистребимой верой в то, что

Когда-нибудь, когда устанет зло
Насиловать тебя, едва живую,
И на твое иссохшее чело
Господь слезу уронит дождевую,
Ты выпрямишь свой перебитый стан,
Как прежде, ощутишь себя мессией
И расцветешь на зависть всем врагам,
Несчастливая Великая Россия!

«Я молюсь за Россию...»

Из интервью Игоря Талькова на рубеже 1980-х

- Причина твоего успеха точно резонирует с пульсом времени. А как ты считаешь, смог бы самореализоваться, «пробиться», если бы не перемены в нашем обществе?

- Когда прозвучали «Чистые пруды», меня начали атаковать со всех сторон как «лирика». Члены Союза композиторов, включая тех, кто «дробил» меня на конкурсах до 1987 года, звонили много и настойчиво, предлагали исполнить их творения. Причем уже в готовом варианте – только голос наложить. Звонили все, начиная от Фельцмана и заканчивая Матецким. Но... только с лирикой. ЦТ предлагало сниматься чуть ли не каждый день – и «Утренняя почта», и «Взгляд», но только с лирикой. Я отказался, потому что к тому времени у меня накопился песенный багаж, волновавший меня намного больше. Я просто стал ездить по стране и петь...

- И все-таки, возвращаясь к вопросу о самореализации...

- Наверное, покажусь самоуверенным, но я всегда твердо знал – я «реализуюсь», знал, опять же, что у меня есть сильные песни, и если они «пойдут», успех будет. А они не могли не пойти, потому что процесс гласности необратим. Во всяком случае, пока... И даже той полугласности, которую мы имеем сегодня, было достаточно, чтобы социальные песни стали популярны. Меня предупреждали друзья, знакомые, мама заставляла клясться, что не буду исполнять этих «опасных» песен. Приходилось маму обманывать – говорить, что не буду их петь. А сам исполнял... Брат

постоянно говорил, что меня арестуют. И каждую новую песню приходилось защищать от родных и близких, а потом уж перед властью имущими.

Но я не верил в возможность официального запрещения и продолжал идти той же дорогой. И считаю, что кое-чего достиг на данном пути.

* * *

- Верить ли ты в светлое будущее для одной, отдельно взятой страны?

- Нет. Люди искусственно разделили планету на страны, системы... У меня есть трилогия «Дед Егор», написанная давным-давно. Фабула ее такая: старый большевик попал в опалу, запил и «прозрел». Смотрит он из окна на улицу, на людей и рассуждает о границах, о своих и чужих, о том, что все ощущают боль одинаково, одинаково радуются. У всех одна голова и пять пальцев на руке, а мы все стараемся разделиться, размежеваться.

Однажды я прочитал «Деда Егора» на дискотеке в клубе «Наука», после этого директора клуба сняли, а меня ни на какие дискотеки не приглашали.

Я не верю в процветание одной страны или нации за счет других. Расцвет либо будет общим, либо не будет его вообще.

- Не пробовал ли самореализоваться в других, немзыкальных ипостасях - в живописи, беллетристике?

- Нет. Впрочем, записываю всякие мысли, впечатления. Хотелось бы написать книгу, но это, наверное, произойдет когда-нибудь в старости. Даже название есть - «Эпоха вырождения».

- Часто по лицу человека можно определить, любит ли он, например, животных и т. д. Твоему сценическому образу очень гармонировали бы песни об Афганистане.

- У меня были наметки песен об Афганистане. Но однажды в Мурманске подошел ко мне после концерта «афганец», прошедший через эту войну, и попросил поговорить с ним. Сели у меня в гостиничном номере и часа три разговаривали. Он спросил, был ли я в Афганистане. Я ответил отрицательно. А песни об «Афгане» есть? Он слышал много песен о «событиях», написанных людьми, которые не были в стране, не чувствовали ее воздуха, и песни не получились такими, какими должны были быть. Я его послушал и не стал писать.

Но о таких вещах, конечно, нужно петь, потому что песня - кратчайший путь к уму и сердцу человека. Мысль в песне облечена в очень доступную форму. Главное - говорить искренне и называть вещи своими именами. Люди устали от вранья.

- *Мог бы ты обрисовать свою личную жизнь в нескольких словах?*

- Музыка, тексты. Гастроли. Любовь. Иногда спорт. Так и кручусь.

* * *

- *Что вы вкладываете в понятие «музыкальная культура исполнителя»?*

- Талант, божий дар, что ли, умение оценить себя.

- *Верите ли вы, что доброта спасет мир?*

- Не очень. Зло хитро и просто так не отступит. Зло должно быть наказуемо.

* * *

- *А теперь вернемся к политике, к теме, благодаря которой ты получил статус чуть ли не «антисоветчика».*

Что привело тебя к так называемым «крамольным» вещам?

- Ужасно надоела недосказанность во всем, половинчатость, бесконечные аллегории, призывы к патриотизму, от которых его ничуть не прибавляется. Наш народ - бедный, затюканный, запуганный - необходимо будить. Будить во что бы то ни стало. И чем скорее он проснется, тем скорее мы освободимся от ига, от гнета, под которым мы все ходим. Освободимся и заживем нормальной жизнью. Пока же этого не произойдет, ни о какой перестройке речи быть не может.

- В одном из интервью с тобой мелькнуло слово «русофобия». Твое к ней отношение?

- Я категорически против и русофобии, и антисемитизма. Я за то, чтобы все люди жили в мире и согласии. Это однозначно.

- Слушая твои песни и наблюдая за твоим поведением на сцене, у меня сложилось впечатление, что ты по происхождению дворянин. Так ли это на самом деле? А знаешь ли ты свои корни?

- Свои корни я знаю плохо. Дело в том, что мой отец уничтожил практически все, что связано с нашим родом. Единственно, что я знаю, - мой дедушка был офицером, русским офицером. Наши корни тянутся из Москвы, хотя я и родился под Ясной Поляной (кстати, в 1956 году); на то были веские причины. Мой отец 15 лет отбывал в Сибири. А когда вернулся в Москву, ему запретили там проживать. Потому так и получилось, что все мои деды и прадеды из Москвы, а я родился в Тульской области под Ясной Поляной.

Что касается дворянского происхождения, то я... Нет, не считаю себя дворянином. Ведь дворянин - это не только кровь, это еще воспитание. Им же давали прекрасное воспитание и образование. А мы... кто нас воспитывал? Мы сами себя воспитывали и продолжаем

воспитывать. Школа – это антивоспитание, институт – тоже анти. Все навязывается. И так будет продолжаться еще долго. Ну, кто может откровенно сказать про себя, что ему удалось себя воспитать достаточно хорошо? Я, например, в свои 33 года так и не воспитал себя, хотя воспитываю себя всю сознательную жизнь.

- Как складывалась до этого судьба музыканта? Что мешало заявить о себе раньше?

- Еще 10 лет назад, мне было 23 года, я понял, что призвание – петь свои песни. Откуда мне было знать, что этот путь сулит одни испытания. 8 лет я безуспешно старался пробиться сквозь броню художественных советов радио, телевидения, студий грамзаписи. «Вы не член Союза композиторов и не член Союза писателей. Занимайтесь-ка лучше своим делом», – таков был ответ. Играйте, мол, на своей бас-гитаре или клавишных, пойте, делайте аранжировки. Именно это я и делал, зарабатывая на жизнь. Играл в группах «Вечное движение», «Апрель», «Электроклуб». Но песни я все равно писал. Для себя, в стол.

* * *

- Одно из ваших увлечений – отечественная история. Прямо скажем, не очень-то типичное для современного эстрадного певца. Откуда оно у вас?

- Любовь к истории мне привил отец. Судьба моих родителей сложилась трагично. Отец и мать в сталинские времена были репрессированы. Но в нашей семье мало об этом говорили. Зато много читали. Отец любил читать нам с братом исторические книги.

- Но ведь история – безбрежное море. Есть ли у вас свои островки?

- Да, это эпоха правления Екатерины II и период с 1914-го по 1916-й. Интереснейшие времена в жизни

Российского государства!

- Игорь, в заключение три «детских» вопроса. Что вы больше всего любите?

- Свою работу.

- А не любите?

- Ложь.

- А чего больше всего боитесь?

- Потерять свою работу.

** * **

- Рост национального самосознания - одно из несомненных достижений перестройки. Однако ее обратной стороной явилась национальная непримиримость. Есть ли это чувство в вашей душе?

- Я - русский человек, я люблю свою Родину, я люблю народ, ровно как и любой другой народ, который живет на этой земле и относится к моему народу с уважением.

- Скажите, какой вы мечтаете видеть нашу страну лет через десять?

- Мечтаю о возвращении веры. Хочу, чтобы наш народ поверил, но не в какой-то набор звуков, не в химеру, коммунизм, социализм, капитализм, а в свое высокое предназначение, в возрождение высоких духовных принципов, в доброту, благородство, человеколюбие!

** * **

- Вы поете в надежде, что-то изменить?

- Я не думаю об этом, это из меня выпирает. Приходит вдохновение, и я пишу, «Россию» написал за два часа, ранним утром, в совершенно неожиданной ситуации. Если бы даже никому это не нравилось, я бы

все равно продолжал тем же самым заниматься: это моя жизнь.

- *Что для вас означает Россия?*

- Отечество. Здесь мои корни, здесь мои предки. Я привязан к этой земле. И ничто не спасает от головных болей по этому поводу.

* * *

- *Что вас может сломать, поставить на колени?*

- Я достаточно много прошел и умирал даже. Я не знаю, какие могут быть в жизни еще испытания. Ставила меня на колени и заставляла плакать только любовь.

- *О чем просите Бога?*

- Я молю, чтобы Бог придал мне силы в борьбе со злом. Чтобы восторжествовала в конце концов на земле правда. Я молюсь за Россию, возрожденную и вставшую с колен. За нищих и больных.

- *Может, сегодняшнему Талькову не до лирики? Сужу по песням «Россия», «Бывший подьесаул», «Я вернусь».*

- Просто «сегодняшний Тальков» отдает, уж простите, предпочтение собственным песням. Это возможность выразить себя. Через авторскую песню я могу рассказать о своем отношении к происходящему вокруг нас. И темы моих песен потому самые разные. Ближе мне история России. Но о любви буду писать всегда.

* * *

- *Вы сказали, что своей музыкой протестуете. На что направлен протест?*

- Он направлен против зла, насилия, умышленного развала моей Родины. Против тех правительств, что правили ею, начиная с 1917 года. Я считаю, что эти правительства боролись с Богом за право обладания этой землей и служили впрямую сатане.

* * *

- *Игорь, вы никогда не пробовали использовать стихи других авторов? Например, великих поэтов?*

- Нет. Я всегда опираюсь только на свое творчество, на свой материал.

* * *

- *Считаете ли вы себя русским патриотом?*

- Да, я считаю себя русским патриотом. Потому что мне не безразлично, что происходит с Россией.

- *Значит, патриотизм для вас более широкое понятие, нежели любовь?*

- Да, более широкое. Потому что любить и бездействовать - это не патриотизм. Патриот - человек любящий и действующий.

С женой Татьяной и сыном Игорем

Ольга Юльевна с внуком Игорем. 2005 год

* * *

- А в литературе, философии кто вами наиболее почитаем?

- В литературе – Пушкин, Бунин, что касается философии, – Монтень, Нострадамус.

- Игорь, есть какая-то программа, площадка, зал, город, где бы очень хотелось выступить, но пока не удавалось?

- Конечно, есть. Допустим, очень хотел бы выступить в парижской «Олимпии» для русских эмигрантов. Там же сошлись настоящие дворяне.

- У вас большой круг общения в обычной жизни? Кого любите видеть в свободное от концертов время?

- Таких людей очень мало. Я теперь очень осторожен в контактах. Меня часто предавали, и я сильно разочаровался как в мужчинах, так и в женщинах. Я всегда пытался открыть свою душу тому, кого считал другом, но порой мне в нее просто плевали. После чего душа вновь замыкалась. Правда, потом время, что называется, вылечивало, понемногу приходил себя, но следовал какой-то новый удар, и все повторялось. Поэтому теперь, если я кого и хочу видеть, то только тех людей, которых давно знаю. Которые хорошо ко мне относятся и относились так же и в те годы, когда я еще не был известен. Но я повторяю, что их очень мало.

- *Сейчас ваша душа находится в замкнутом состоянии или в периоде раскрытости?*

- Если говорить о людях вообще, то приоткрывается.

- *Как артист, как певец, как поэт что бы вы сказали в своем финальном монологе?*

- Человек, ни разу не задавший себе вопрос: «Зачем он живет?», наверное, прожил жизнь зря. Он мог бы и не родиться. И я думаю, всем живущим ныне имеет смысл задать себе этот вопрос, пока не поздно. Потому что от него начинается отсчет всему: как человек живет, что он из жизни черпает, какую информацию из нее выбирает. Как относится к людям, что для него Добро и Зло, Бог и дьявол. Бытие. То есть, каково его мироощущение.

- *Вы задавали себе этот вопрос?*

- Я задавал себе его, когда мне было двенадцать лет.

- *Вы нашли ответ?*

- Вот мне сейчас тридцать четыре года. С того времени прошло двадцать два года. И двадцать два года я каждый день пытаюсь ответить на него.

- Игорь, а для себя какую бы выбрали краску?
- Белую. Я люблю белый цвет. Звезды светятся белым, луна белая, солнце белое... Он очищает...

* * *

- Есть такой режиссер, у которого вы мечтали бы сняться?

- Конечно. Из наших у Никиты Михалкова, из зарубежных - у Феллини. Их фильмы смотрю, забывая обо всем. Но это все, конечно, фантазии.

- А кто из актеров вам ближе по духу?

- Мой идеал - Ален Делон, хотя многим это и покажется банальным. В нем мужественность удивительно сочетается с сентиментальностью. Он воин и лирик одновременно.

- И конечно, что совсем немаловажно, любимец дам?

- Пушкин еще в прошлом веке говорил: «Сладостное внимание женщин - почти единственная цель наших усилий». Я с ним полностью согласен.

- Что вас восхищает в женщине?

- Вы знаете, стройные, эффектные, красивые в моем понимании меркнут перед умными женщинами. И все остальные качества вытекают из этого. Ум - это доброта. Умная женщина не может быть жестокой, лживой, безнравственной.

- Где вы берете сюжеты для своих песен?

- История России - мое самое давнее и самое сильное увлечение. Я люблю читать исторические книги, коллекционирую исследования, мемуары, воспоминания, стараюсь доставать неопубликованные исторические материалы. И поэтому на концертах с гордостью говорю, что каждая моя песня имеет документальное подтверждение.

- Сейчас на эстраде в полный голос звучат белогвардейские мотивы. Вы тоже обратились к этой теме. Дань моде?

- Я потомок русского офицера. И преклоняюсь перед этими благородными, безукоризненно честными и беспредельно преданными Отечеству людьми, которых не только уничтожили, но и облили грязью, а потом вычеркнули из нашей истории и из нашей памяти. Но на пепелище ничего лучшего воздвигнуть не удалось.

- Игорь, не кажется ли вам, что от многих ваших песен веет безысходностью?

- Нет, не кажется. Во всех моих песнях звучит оптимизм и надежда. Действительно, многие мои даже шуточные песни написаны в миноре; но я не пессимист.

- Вы долго оставались непризнанным, ваш путь на сцену был долгим и тернистым, мы знаем немало примеров, когда отчаявшиеся люди покидали Родину. А у вас не возникло подобного желания?

- Я люблю Россию, прикован корнями к ней и должен уйти в эту землю. Это, во-первых... Сейчас же все человечество балансирует на грани, Россия стоит у края пропасти, все остальные – за ней. И от того, выдержит ли Россия, зависит, будет ли жизнь на планете, и в такой час нужно быть на этой земле, помогать ей выстоять. Россия всегда за всех расплачивалась – так уж повелось испокон веков. Но я верю в величие русского народа. Он выстоит.

- На концертах перед исполнением песни «Бал сатаны» вы предлагаете заглянуть в будущее. А каким вы видите его для себя?

- Светлым. Россия обязательно выздоровеет, встанет на ноги. У меня даже стихотворение есть:

Ты выпрямишь свой перебитый стан,
Как прежде, ощутишь себя мессией.
И расцветешь на зависть всем врагам,

Несчастливая, великая Россия.

* * *

- *Когда вы в первый раз прочли Библию?*
- Мне тогда было около двадцати восьми лет.
- *Вы причисляете себя к молодежи?*
- Я считаю, что возраст измеряется не количеством, а состоянием души – насколько она молода.

* * *

- *Ваше отношение к Православию и православной монархии?*

- Православие я считаю истинно верной религией, а что касается монархии, я считаю, что Россия была и остается страной монархической по своему укладу и своим корням.

- *Часто ли вы посещаете храм и исповедуетесь?*

- В последнее время не так часто, потому что у меня для этого нет времени. Постоянно поездки, гастроли. Я приезжаю в Москву и кручусь как сумасшедший. У меня ведь нет менеджера, и я сам себе менеджер. Сам вынужден заниматься и телевидением, и радио, и прессой, и записями, и всем на свете. Но когда у меня появляются какие-то пробелы, я обязательно посещаю храм, у меня есть свой духовник, он меня исповедует, я иногда причащаюсь. Но поститься с моей работой невозможно.

- *Ваши отношения с воротилами советского шоу-бизнеса?*

- Я не люблю воротил шоу-бизнеса, потому что они неуместные. У нас все происходит наоборот. На Западе

ищут потенциальную звезду, вытаскивают человека, делают из него звезду и потом уже зарабатывают на нем деньги. Дают заработать ему и себе. У нас ждут, пока ты сам раскрутишься, станешь звездой, потом из тебя начинают выкачивать. У меня происходили конфликты со многими из них, в частности, со Стасом Наминым. У меня был страшный конфликт с Лисовским (фирма «Лисс»).

- Много ли на ваших концертах молодежи и как она себя ведет?

- По-разному. В последнее время молодежи стало намного больше. Раньше на мой концерт «Чистые пруды» ходили в основном люди среднего возраста. Но поскольку я пишу разные вещи – и дансинговую, и лирическую музыку, то молодежи нравится. Если мне хочется танцевать – я танцую, хочется петь о любви – пою, а трогают какие-то политические моменты, человеческие трагедии – пишу об этом. У меня нет рамок. Я живой человек и работаю, как могу.

- Вы больше любите исполнять песни социальные или лирические?

- Это зависит от моего состояния. Мне не бывает безразлично ни то ни другое. Всегда пою с душой и полной отдачей. Мои социальные песни – это крик души, а лирические – музыка души.

* * *

- Вы пишете песни давно, а сколько их у вас?

- Около 200, и все на мои стихи. Я не хвастаюсь, просто настроение рождает мелодию, а слова как бы дополняют. Говорят, что у меня много злости в песнях, но это не злость – это боль, она в моей душе, и нет мне покоя.

- Видите ли вы во время выступления глаза зрителей?

- Несколько раз я встречал взгляд, полный неприязни, это сильно выбивало из колеи, и я перестал всматриваться.

- У вас очень фотогеничная внешность, это послужило поводом для кинопредложений?

- Наверное, что-то режиссеры увидели во мне. После школы я поступал в театральный, бредил героями Достоевского, мечтал о Раскольникове.

- Но наряду с благородным князем Серебряным вы сыграли резко отрицательную роль.

- Я отказывался, честно. Говорил, что зрители меня не поймут, очень хотел сыграть в этом фильме положительного героя, тогда мне поставили условие, чтобы я сбрил усы, бороду и постригся. Вы можете себе это представить? Я уже однажды был в таком образе. Меня не то что друзья, мама родная не сразу узнала.

* * *

- Ваш сын появляется на сцене вместе с вами. Вы хотели бы, чтобы он пошел по вашим стопам?

- Нет. Впрочем, я неправильно ответил. Я объясняю ему разницу между добром и злом, он растет хорошим мальчиком. Как сложится его судьба, я не берусь загадывать, но уверен, что призвание, если оно у него есть, его не обманет. Коли он выберет сцену, я постараюсь избавить его от всего плохого, через что прошел сам.

- Хотели бы вы поехать на гастроли за границу?

- Я поеду только в том случае, если буду уверен, что там есть зритель, которому я интересен. Мы были на фестивале в Гамбурге. Там перед каждым исполнением был перевод, я работал 40 минут, кассеты разошлись

очень быстро, я чувствовал, что меня понимают. Ну а ехать выступать в кабаре в Лас-Вегасе или в ресторане Лос-Анджелеса перед жующей публикой для того, чтобы вырваться, я не намерен.

- Было время, когда вы спокойно, никем не узнаваемый ходили по улицам. А как теперь, когда у вас такая популярность?

- Я не согласен. Я просто известный. Популярных боготворят, а к известным относятся по-разному: безразлично, любят, ненавидят.

- Если бы пришлось начать сначала, какой бы вы выбрали путь?

- Если бы мне, как в кино, прокрутили все мои 15 с лишним лет эстрадной жизни, я бы ужаснулся. Я боготворю сцену, она мне по ночам снится, но меня столько раз предавали, столько раз ломали. Только жена в меня верила, все говорила, что в 33 года я всего добьюсь. Так и случилось. Начать заново преодолевать все ступеньки, ведущие вверх, я не смог бы, занялся бы чем-нибудь другим.

* * *

- Что рождается раньше в твоих песнях: музыка или текст?

- Все идеи песен берутся из жизни. Я пишу о том, что меня волнует. Жизненная ситуация дает мне внутренний импульс, появляется мысль. Беру гитару или сажусь за пианино и наигрываю мелодию. Так мысль обретает музыкальную форму. После этого пишу стихи. Например, песню «Россия» написал рано утром. Проснулся в четыре часа, потому что «услышал» мелодию. Потом написал текст. Реже сначала появляется текст.

- Чем ты занимаешься в свободное время?

- Очень люблю читать, в основном это исторические труды Карамзина, Бельбасова и других. Продолжаю всерьез заниматься изучением истории нашего государства. Откапываю материалы в архивах, библиотеках. Хочу восстановить для себя ту историю государства Российского, которую долго скрывали от людей. Уже давно хочу написать книгу об истории нашей страны. Делаю отдельные записи, веду дневник. Но сначала мне нужно выполнить программу музыканта, а потом, когда-нибудь, может, будет и книга.

* * *

- *Вообще исполнитель Тальков очень серьезный человек. Не хотел ли он начать свою политическую карьеру? Стать депутатом, например?*

- Боже упаси. Мне предлагали баллотироваться в Верховный Совет еще два года назад, я отказался наотрез. Я не политик. Может, я несколько преувеличиваю, если скажу, что я – художник: пишу стихи, пишу песни. Я занимаюсь творчеством, а творчество и политика – это вещи несовместимые. Свое отношение к тому, что я вижу, что я чувствую, – стараюсь выразить в музыке, а не с трибуны на съезде, тем более, что съезды сейчас уже никому не интересны.

- *Игорь, каким вообще вы были в детстве, послушным ребенком, нет?*

- В детстве я был примерным мальчиком. У меня даже на эту тему написана песня, которую Валерий Леонтьев пел: «Я в детстве был примерным мальчиком». Это песня автобиографическая. Был примерным пионером, послушным ребенком, верил в светлые идеалы наши. А когда стал умнее, я стал читать другие книги, задумался над окружающим миром. Я понял то, что тот мир, который я нарисовал себе в своем

воображении, не соответствует действительности. Стал заниматься рок-музыкой, писать песни, и это вызвало отрицательное отношение ко мне тех людей, которые относились ко мне положительно. Они хором кричали: «Испортился!» Что был такой хороший мальчик, а стал такой плохой. На скрипке полечку играл! Да! А теперь играет рок, волосы длинные, и т. д. и т. п., читает не те книги, говорит вообще не то... Я был даже хулиганом одно время, потому что эта метаморфоза, которая со мной произошла, как-то потрясла меня психически, и я долгое время не мог найти выход той энергии, которая во мне перегорала. И хулиганом был, и в милицию попадал. Так что жизнь сложная у меня была в юности.

- У вас есть какие-нибудь духовные идеалы? Что-нибудь святое для вас?

- Конечно, есть, во-первых, любовь. Любовь к Отчизне, любовь к родителям, любовь к женщине. Если человек не способен любить, - он уже ни на что не способен, он просто зря топчет землю. Я верю в Бога. Бог для меня - олицетворение добра, правды, красоты и гармонии. И верю в счастье, которое есть. Оно есть на белом свете, только очень трудно его найти. И только самые упорные люди и те, кто достоин счастья, - добиваются его.

- Ради чего вы работаете?

- Моя жизнь - работа. Я никогда не был накопителем, никогда не стремился собрать состояние. До сих пор я живу в «хрущевке» с мамой, ребенком и женой. А когда расширюсь - не знаю. У меня все деньги уходят на мое творчество. Я финансирую его. Бывают моменты, когда вкладываешь огромные деньги, но ничего не получаешь. Тогда обидно.

- Есть ли у вас телохранители?

- У меня, как у всякого гастролера, есть люди, которые оберегают меня. Живем мы в военное время. А чем личность заметнее, тем больше на нее навал со

стороны «черни». Я смерти не боюсь, но лучше работать на сцене, чем лежать в постели. Только из этих соображений у меня есть телохранители. В Пензе, например, меня пришли убивать восточные друзья. И если бы со мной не было охраны, то неизвестно, сидел бы я сейчас с тобой за этим столом.

- Как вы оцениваете историческую ситуацию сегодня?

- Мы живем в очень сложное время. Самое, пожалуй, отравное. Россия - страна несчастная, конечно. И на протяжении всего существования нашего государства светлых просветов практически не было, в основном - кровь, террор, болезни, смерти. В дореволюционной России светлые периоды были, например, 30-летнее правление Екатерины. Были и беды, и войны, но, по сравнению с тем, что происходит сейчас, - это мелочи.

Предположим, живет человек. Наткнулся он на гвоздь, поцарапал руку - зажило. Споткнулся, упал, разбил колено - зажило. Кто-то его случайно ударил, выбил зуб - вставил зуб, ничего страшного. А то, что произошло в 17-м году, если перевести на человеческое здоровье - то это просто хребет переломили, сломали пополам позвоночник. Срастется позвоночник или нет - зависит от того, насколько здоров организм.

Как правило, человек, перенесший смертельную болезнь, становится еще сильнее. Так и Россия. Я верю в светлое будущее, хотя этот термин без улыбки не произносят сейчас. Как скоро оно наступит, не знаю. Но оно наступит. Я верю и желаю верить в это всем своим соотечественникам. Эта вера не эфемерна, есть все основания в это верить. Мы живем в последнее десятилетие второго тысячелетия нашей эры. На стыке тысячелетий происходят самые страшные вещи. Пережить бы это десятилетие, перевалить за этот рубеж... И если мы его благополучно пройдем, то,

уверен, – начнется Новая Эра. Как для России, так и для всей планеты.

* * *

– Игорь, как ты относишься к славе своей и коллег по сцене? Тебя не смущает, когда с тобой в одном концерте выступают более именитые?

– Нет, не смущает, я, как правило, заранее могу предположить, что тому или иному исполнителю будут аплодировать больше, поскольку он сейчас лучше «раскручен», – его чаще рекламируют. Но это ведь еще не значит, что я хуже, и к моему творчеству никак не относятся. Я все равно выхожу, пою так, как хочу и умею, и получаю свой отклик у слушателей. Но а популярность, конечно, приятна, и, конечно, волнует. И не верьте тем артистам, которые говорят, что им безразлично, сколько зрителей сидит в зале и как они реагируют. Это ерунда, игра на публику. А на самом деле все и я, естественно, всегда интересуюсь перед концертом, все ли билеты проданы.

– Помнится, ты говорил, что очень доверяешь астрологии, проверил на собственном опыте многие ее предсказания. Не изменилось ли твое отношение к этой науке?

– Нет, ведь многое по-прежнему подтверждается. И, к сожалению, сильна еще власть Люцифера над человечеством.

* * *

– Вы считаете себя патриотом, что вкладываете в это слово?

– Любовь к Родине.

- Но ведь и коммунисты, и демократы, которых вы изобличаете в своих песнях, тоже говорят о любви к ней.

- Они любят ее через очки своих «измов». И любовь их деформируется тем больше, чем мягче кресла под их задницами...

О какой любви можно говорить, когда 70 с лишним лет уничтожались лучшие сыны Отечества. А в последние дни под знаменами перестройки начата перестрелка, цель которой окончательно уничтожить русских людей. Я никогда не выступал против коммунистов вообще. По большей части это честные и обманутые люди. Я враг партократии и дерьмократии.

- Вы считаете революцию ошибкой?

- Хороша ошибка! Это не недоразумение, это хорошо спланированная и блестяще осуществленная гением Ленина акция против России, в ее основе – масонский заговор.

- Значит, Ленин – главный масон?

- Нет, масоны умело использовали его светлую голову в своих гнусных целях, сумев разжечь в нем чувство мести за погибшего брата Александра.

- В своей песне «Дядин колпак» имеете в виду Ленина?

- Да, Ленин был русофобом, которому чуждо все русское, национальное. Но он не всегда был таким. В последние дни жизни Ульянов-Бланк прозрел и во многом покаялся в своих последних работах, которых люди, к сожалению, пока так и не видели.

* * *

- У тебя есть творческое кредо, девиз?

- Есть. Нужно делать то, к чему тянет тебя душа. Не делать ничего против нее. Не петь то, что не хочется. Не писать о том, о чем не хочется.

- *Но это значит обречь себя на тяжелую судьбу.*

- Это жизнь. Люди, которые получают все сразу, они, как правило, очень быстро сгорают. А так ты идешь, ты надеешься, веришь. Ты знаешь, что у тебя должно получиться. Где-то светит звездочка, и ты к ней идешь, идешь, тянешься. Трудно, тяжело... Через ямы, через канавы... Но она, светит, и ты к ней идешь. В этом тоже есть своя прелесть. Хотя, конечно, трудно. Тем более в этой стране, где все направлено на то, чтобы здорового, талантливого человека задавить, а гадость всякую вытащить на гребень. Здесь же все происходит против законов природы и нормальных человеческих взаимоотношений.

* * *

- *Вас часто посещают разочарования?*

- Сплошные разочарования. Главное разочарование меня посетило в восемьдесят пятом году, когда я понял, что звездочка погасла, которая светила.

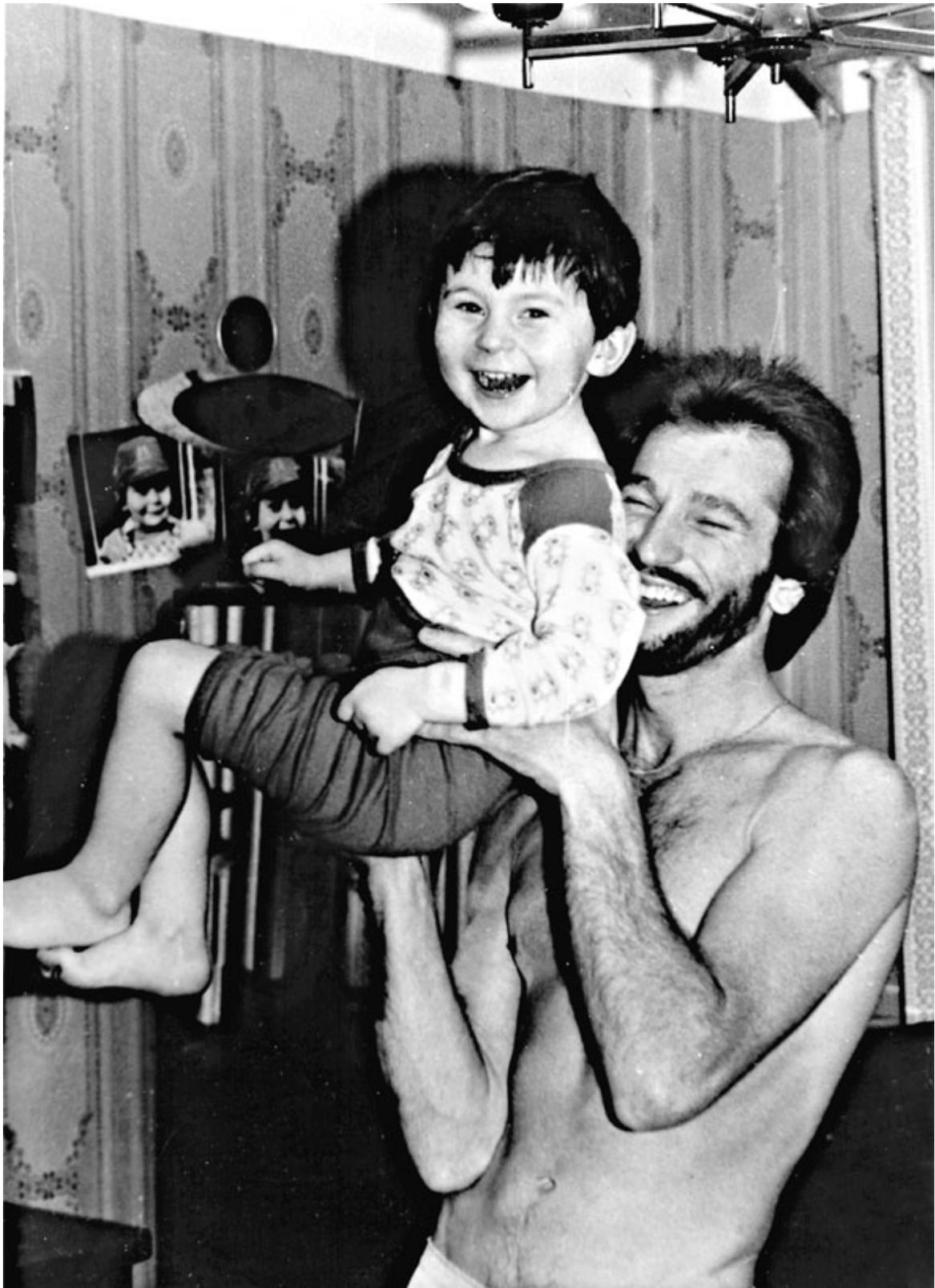
- *Именно в восемьдесят пятом?*

- Да, я понял, что ничего не добьюсь в этой жизни, что мне надо похоронить свое призвание и идти в таксисты. У меня даже песня была написана о призвании.

- *С чем же это было связано? Вроде такой подъем был в обществе.*

- У меня не было никакого подъема. Это была последняя попытка проявиться как автору-исполнителю. Никакой возможности не было прорваться. А дело в том, что у меня нет специального образования, корочек нет. У меня не было никаких званий. Я не член никакого союза. А тогда - это было главное, чтобы иметь право выходить на сцену. Макаревич вот смог, но у него были силы. У него, во-первых, отец не простой, а во-вторых, он

был членом Союза архитекторов, а это уже что-то. В-третьих, у него очень талантливый, гениальный просто менеджер Ованес Мелик-Пашаев. Это человек с очень большими связями и со светлой головой. Он как-то смог... А очень многие не смогли. Мой друг в Ленинграде, например, он просто спился, помирает. А талантлив был. Мы с ним в семьдесят седьмом году познакомились в армии. Это был просто гений! Спился. Сейчас у него нет уже пороху, весь сгорел. И многие так... Или вот Рустам Султанов - певец, автор-исполнитель, который в восемьдесят шестом году стал дипломантом фестиваля «Золотой камертон». И что? Четыре года бьется уже в условиях перестройки и гласности, - бесполезно. А мы говорим о восемьдесят пятом.

Расти большим и сильным!

* * *

- У тебя есть пристрастия? Кроме музыки, разумеется.

- Машину люблю водить. Лошадей люблю. Я в свободное время на Ленинские горы езжу кататься. Редко у меня это получается. Историю люблю.

- Какой он, наш современник, в твоём представлении?

- Уставший, растерянный, замученный и обманутый. Но не все молодые такие. Я даже удивляюсь, откуда у десятиклассников, у этого несчастливого поколения, берется в душах что-то незамутненное. Они пытаются жить по-человечески, хотят полюбить жизнь и людей вокруг. Грязь еще не прилипла к ним. У них есть еще надежда какая-то.

* * *

- В каких группах и при каких «звездах» вам довелось работать?

- Я делал аранжировки группе Стаса Намина, Раисе Саед-Шах, Давиду Тухманову, группе «Электроклуб». Людмиле Сенчиной делал несколько программ. Правда, это была мука, а не работа. Она за все мои труды очень неблагодарно поступила. И я до сих пор ей не могу простить.

...Долго советскому року не давали хода. Теперь ворота открыты, и буквально лавина захлестнула все подмости. А счастья нет, проблемы те же, и очень мало профессионалов.

- Игорь, а как вы относитесь к спиртному?

- Я не пью вообще ни грамма, ничего. Считаю, что мне это не нужно, мне это очень мешает, у меня очень много дел, проблем, концерты у меня нелегкие, на сцене

я нахожусь два часа, а если два концерта, то четыре часа. Живьем петь в моем возрасте – это уже...

- *Сколько вам лет?*

- Мне 34. Поэтому я занимаюсь спортом, стараюсь поддерживать форму.

- *А что касается быта – уборка, магазины... Как у вас с этим?*

- Ха-ха. Если бы я ходил по магазинам, я бы, наверное, играл сейчас где-нибудь на танцах, или, в лучшем случае, в ресторане. Потому что работа отнимает у меня все свободное время, и мне остается только на сон.

- *А кто же занимается магазинами и уборкой?*

- Жена. Она работает моей женой. Работа у нее такая.

- *И никогда не «пилит»?*

- Нет, конечно. Она с пониманием относится ко всему. Если бы она не понимала, я был бы холост. Просто-напросто был бы холост и взял бы себе домработницу, которая мне готовила обед, стирала и так далее.

- *Еще о быте. Что касается вашего желудка: что вы любите поесть?*

- Я не гурман. Армия меня переделала в этом отношении. До армии я был гурманом, после армии перестал им быть. Я ем только когда хочу и преимущественно один раз в день.

* * *

- *Что касается вопросов самообороны. Вы какое-нибудь оружие держите?*

- Да, я держу... Но, слава богу, пользоваться им мне не приходилось ни разу.

- *А какого плана оружие?*

- Газовое и огнестрельное есть. Газовый пистолет и огнестрельное ружье, которое мне подарили поклонники из охотников - с инкрустациями, с надписью. Оно зарегистрировано. Пока что мне приходилось отбиваться только кулаками. Не знаю, что дальше будет.

- *Были случаи нападений?*

- Да всякое было. В Пензе был случай, когда на меня «наехали» какие-то люди, которые гуляли в ресторане. Пришлось немного подраться. Я пошел собаку искать, которую украли, охрана моя спать легла, я не стал никого тревожить. В лифте привязался один. Ему не понравилось, как я даю закурить. Потом к нему подключились другие. Этого, который пытался меня обидеть, я наказал, а остальных, кто хотел за него вступить, наказали мои спортсмены.

- *Вы человека могли бы убить?*

- Человека? Наверное, да. Наверное, мог бы, и у меня был случай, когда, если бы меня вовремя не оттащили, я бы, наверное, убил. Я не терплю подонков. И, когда они меня не трогают, я их не замечаю, но, когда они мне наступают на ноги и переходят дорогу, я предпочитаю их наказывать. Ни один подонок, который перешел мне дорогу, не остался безнаказанным.

Два раза я сидел в КПЗ. Один раз мне грозил срок. Это было в городе Горьком, когда я наказал несколько человек за то, что они буквально гноили на моих глазах совершенно невинного человека, его выжили из коллектива, оскорбляли всякими словами. Я за него вступился, случилась драка. В результате у них были побои. Побои оказались достаточными для того, чтобы меня посадить в КПЗ и возить на концерты под конвоем. Меня привозили в кремлевский зал в Горьком (я играл и пел в группе «Калейдоскоп»). Выходил на сцену, работал, потому что без меня концерт не мог состояться, и меня увозили назад. Начальство надо мной

издевалось, насмехалось, говорили, что мне дадут срок от 2 до 5. Но мне попал хороший следователь. Он много со мной беседовал, подолгу смотрел мне в глаза и как-то сделал так, чтобы дело закрыли, слава богу.

* * *

- Чисто с профессиональной точки зрения: поэт, музыкант и исполнитель в одном лице – это не вредит движению вперед? Ведь считается, что наиболее ярко человек может себя раскрыть в чем-то одном.

- То, что единым в трех лицах быть невозможно, мне вдалбливали в голову фактически все, кто меня окружал. Но хватило сил выдержать это. Я считаю, если человек пишет музыку к своим стихам, создает песню и еще имеет возможность выразить ее сам, то это большое везение. Потому что свою мысль лучше тебя не выразит никто.

Я никогда не писал специально. Я никогда не задумывался над тем, будут мои песни популярными или нет. Тем более политические, потому что из них я никогда не старался сделать шлягер. То, что «Россия» стала популярной, меня очень сильно удивило. Когда я ее писал, то даже не предполагал, что она станет хитом. Я думал наоборот, что она никогда не будет популярной и что я буду петь ее для совершенно ограниченного круга слушателей.

* * *

- Вам нравится быть популярным?

- Я отношусь к популярности нормально и не верю тем, кто говорит, что их популярность «достала» и это так тяжело бремя популярности. Мне всегда это

слышать противно. Ну, не хочешь давать автограф, не подписывай, скажи: извините, мне некогда, и иди дальше, если тебе трудно сделать росчерк. Телефон тебя обременяет - отключи. Письма не хочешь - не читай. Я, например, когда хожу по улицам и меня узнают, испытываю только положительные эмоции. А когда тебя начинают сильно «доставать», когда тебя обступает толпа, то всегда есть возможность уйти. Просто повернуться, сказать: «Да, да, всем привет, целую, обнимаю, до свидания», - сесть в машину и уехать. Даже сейчас я в ресторане сидел, ужинал, ко мне подошли несколько девушек, попросили автографы. Мне же нетрудно взять ручку и расписаться.

- Расскажите о взаимоотношениях между артистами во внутримузыкальной среде...

- Ну, у меня со всеми хорошие отношения. Я вообще по натуре человек дружелюбный. Про меня разные слухи ходят: что я вспыльчивый, жестокий и так далее. Да, я вспыльчивый и жестокий по отношению к дуракам, бездельникам и негодяям. Но изначальное отношение к незнакомому человеку у меня дружелюбное.

* * *

- Игорь, если бы вам предложили родиться заново или переместиться во времени, какую бы эпоху вы выбрали?

- Пусть это не покажется смешным, я бы выбрал период между февральской и октябрьской революциями. И, если бы я поймал золотую рыбку, то загадал одно желание: попросил, чтобы меня сделали командующим войсками. Мне кажется, я не допустил бы революции, если бы под моим началом было хотя бы несколько тысяч верных солдат.

- Какие сны вы обычно видите?

- Разные. Однажды приснилось, что я Кремлевской стеной стал и начал метать кирпичи в лысины вождей. Я написал сразу песню «Если б я был Кремлевской стеной». Работа снится, сцена, зрители сняты. Детство часто. Старею, наверно... Иногда бывают и кошмары. Одно время стоило мне написать остросоциальную песню, как меня посещал кошмарный сон. Так было после песни «Родина моя», после песни «Россия». У меня даже были сны в снах.

- *Вы могли бы эмигрировать из этой страны? Где бы вы захотели жить, кроме России?*

- Я имел много возможностей эмигрировать, но не использовал ни одной. Я был в Германии, в Гамбурге. Впечатление потрясающее. Живут они там как в сказке. Но я не хотел бы уезжать из России. А если выбрать место, в котором хотелось бы жить до конца жизни, то я, наверное, выбрал бы домик в лесу, в Подмосковье, чтобы меня никто не трогал. И я был бы счастлив.

- *Игорь, такой вопрос: вы смерти боитесь?*

- Нет. Я боюсь только мучительной смерти. Мучительной – да. Затяжной, мучительной. Это неприятно... А смерти, как таковой, – нет.

* * *

- *Служил ты по-настоящему или в каком-нибудь «Центральном стройбатовском ансамбле песни и пляски»?*

- Служил? На лопате! Два года под началом полковника Сердюка, который лично «делал из меня человека». Навоз убирал, кирпичи грузил, лед колот, однажды провалился и чуть не утонул.

- *Неужели армия ничего хорошего тебе не дала?*

- Почему? Я там пришел к религии, к вере. В школе верил в коммунизм – пылко, страстно. Я вообще такой

человек, которому непременно нужно любить и верить. А как окунулся после школы в жизнь реальную, стали у меня глаза на лоб лезть. История моих родителей тоже мне открылась не сразу. Отец особо не распространялся о том, что они с мамой познакомились в лагере... Прозрение для меня закончилось тем, что я сломался. Был веселым, коммуникабельным парнем, петь любил, на гитаре играл, в компаниях верховодил. А стал букой, замкнулся на сто цепочек, никому не верил. Как жить дальше? И я пришел к Богу.

- Образ истинно верующего человека ассоциируется со смиренностью, добротой, а ты на сцене злой, колючий, даже желчный.

- Не злой я. Злость и нерв - совершенно разные вещи. Есть люди, которые производят впечатление очень добрых на вид. Ну такие прямо добрые, отзывчивые, а копни глубже - могут сделать тебе подлость в любой момент. Не простят ошибки, не поймут ситуации, вся их доброта - маскарад. А есть люди добрые, но нервные. Я такой. Такие часто производят впечатление злых. Они нервничают, дергаются, но от нервозности до злости дистанция огромного размера...

- Может быть, тебя сделала «нервным» и та обстановка в мире творческом, которая преследовала многие годы?

- Да уж. У меня было написано много песен, когда самый крупный московский менеджер предложил мне стать музыкальным руководителем его группы «Темная лошадка», сказав: «Я тебе имя делать не буду, ты не будешь нигде появляться, светиться, но бабки будешь получать хорошие». То есть я ему должен был отдавать свои песни! А они для меня - как дети малые... Это еще в былые времена, а уже во времена перестроечные меня пригласили на концертную программу «Взгляд», представляете, где после предварительного прослушивания вечный комсомолец Саша Любимов

предложил песню «про историю КПСС» (это была «Россия») заменить на шлягер «Примерный мальчик». Я, конечно, вышел на сцену и спел что хотел – без всяких замен. Залу именно это и было нужно – прием был редкостный. А вскоре мне передали фразу Листьева: «Тальков попадет во “Взгляд” только через мой труп». Что ж, я появился в «До и после полуночи».

* * *

- То обстоятельство, что ты стал высокооплачиваемой звездой, что-то изменило в твоей жизни?

- Для меня самое главное – состояние души. Если у меня на душе праздник, считаю, что в жизни все идет хорошо. Нет праздника – все дрянь. Сегодня все деньги, что я зарабатываю, идут на то, чтобы создать этот праздник души. Я ничего не хочу копить. Ну, купил себе «девятку», а квартиры хорошей до сих пор нет. Живу в хрущевском доме; и в совмещенном санузле пишу песни, запираюсь там с гитарой, – единственное укромное место в квартире, там мой рабочий кабинет.

- Россия покорена, а рассчитываешь ли ты на успех своих бард-рок-песен на Западе?

- В Гамбурге на моем концерте, когда конференсье переводил содержание моих песен, аплодировали здорово. А наши эмигранты во Франции предлагают «Олимпию» дней на десять закупить, звонят, говорят, что «Россия» и «Чистые пруды» у них страшно популярны.

* * *

- Известность, популярность, а до этого годы депрессии, непонимания, и вот пришло признание, пришел успех, и все же, 33 года, - возраст распятого Христа, какой он для Игоря? Это вера церковная или это вера в некую высшую справедливость?

- Вера в высшую справедливость, разум, гармонию, истину...

- Вы на сцене осеняете себя крестным знамением. Почему вы это делаете?

- Крест - это символ, и знамение имеет определенное значение. Иногда осеняю, иногда нет. Я не делаю из этого культа. Самое главное - верить. Бога надо носить в душе. Наша совесть - это и есть частичка Бога в нас.

- Сейчас много говорится и пишется о духовном возрождении. Какой смысл вы вкладываете в это понятие?

- Духовное возрождение - это, безусловно, вера. Человек без веры - животное, общество без веры - стадо. И еще, когда человек верит, он добреет.

* * *

- Вы вкладываете в работу всю душу, а существует ли ориентир, к которому стремится ваша душа?

- Существует Бог. Бог как космический разум. Разум Вселенной. Это сила, энергия, которая гармонизирует бытие и движет миры, цивилизации к свету, добру, истине.

- Есть ли у вас внутренний цензор на этом пути?

- Безусловно. Это очень мощный цензор. Я редко бываю доволен до конца. Сделав записи, я нахожу в них массу недостатков и хочется их сжечь и все переписать. А цензор работает всегда и не дает покоя даже ночью.

- Как вы считаете, у вас талант от Бога или от лукавого?

- От лукавого не может быть таланта. Талант - это то, что помогает людям ощутить и увидеть мир и познать его. Талант - это от Бога. Но талантлив ли я, судить не мне, а зрителям.

- Ваши планы на будущее?

- Театр песни - это моя мечта. Я мечтаю сделать театр, в который будут приглашены неизвестные, но талантливые люди. Талант, если ему не помочь, мучается до конца жизни, в лучшем случае, находит выход, но часто поздно и от того погибает. Театр предоставлял бы возможность работать самостоятельно или всем вместе. Надо заниматься рекламой талантов.

- Не расстались ли вы с мыслью собрать «Спасательный круг» нового поколения?

- Нет, у меня тот же «Спасательный круг», что и до сольных концертов в концертном зале «Россия», за исключением Альбины Боголюбовой, которая пошла своим путем в музыке. Дай ей Бог удачи на этом пути, я хотел бы, чтобы все у нее получилось... Нынешний «Спасательный круг» стал просто более дополненным и укомплектованным.

- Какими качествами, по-вашему, должны обладать участники «Спасательного круга»?

- Профессионализм, во-первых, во-вторых, понимание того, что я хочу сделать. Мне нужны единомышленники и уважающие друг друга люди, чего так не хватает музыкантам, особенно советским.

* * *

- Ваши мысли о дальнейшем развитии событий в России.

- Думаю, что победит разум. Русский дух. Русская сила, которую дает нам наша Святая Русская земля, которая питает всех нас. Только как скоро это произойдет, сказать затрудняюсь.

- *Как нам пережить эти смутные времена?*

- Необходимо терпение. И посильная борьба со злом каждого на своем месте. Со злом, которое, как коррозия, проело наше общество и государство в целом.

* * *

- *Почему в нашей стране барды всегда были загнанными сиротами?*

- Потому что дураки, командующие искусством, ненавидели их за талант, за многогранность, за признание, за любовь к ним народа. Чтобы соединить в себе три грани - текст, музыку, исполнение, я работал над собой как проклятый 15 лет. И то не считаю, что довел хотя бы до мизерного совершенства одну из этих составляющих. А аранжировка? А задумка? А сценическая разработка? Режиссура? Это отдельные профессии. А ведь я все делал сам. Плохо, возможно, но делал. Прежде чем написать «Россию» или «Я вернусь», я перевел в ничто тонны бумаги. Бывало, даже плакал и говорил себе: «Ты бездарь», когда ничего не клеилось и не получалось. Трудный и мучительный процесс. С музыкой чуть-чуть полегче. Музыка меня так не мучила, как тексты. Хотя частенько приходилось переписывать одну и ту же песню раз по шесть, по восемь. И музыку, и аранжировку, и вообще все музыкальное решение переиначивать.

* * *

- *Вы носите крест. Что для вас Бог? Может быть, это просто дань моде?*

- Я верю в Бога. Крест ношу не для «понта», как это делают многие. Он действительно освящен, Бог для меня – это сила добра, которая борется с черной неправдой. Он не сидит с нимбом в облаках и не наблюдает. Он – Бог-борец.

- *Как вы относитесь к русской эмиграции?*

- Не очень. Каждый человек должен жить и умирать на своей Родине.

- *Игорь, есть ли у вас кумир?*

- Мой единственный кумир – Господь Бог.

- *Что бы вам хотелось изменить в нашей жизни?*

- Я хочу, чтобы наше общество выздоровело.

Стихи и песни Игоря Талькова

Памяти Виктора Цоя

Поэты не рождаются случайно,
Они летят на землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.

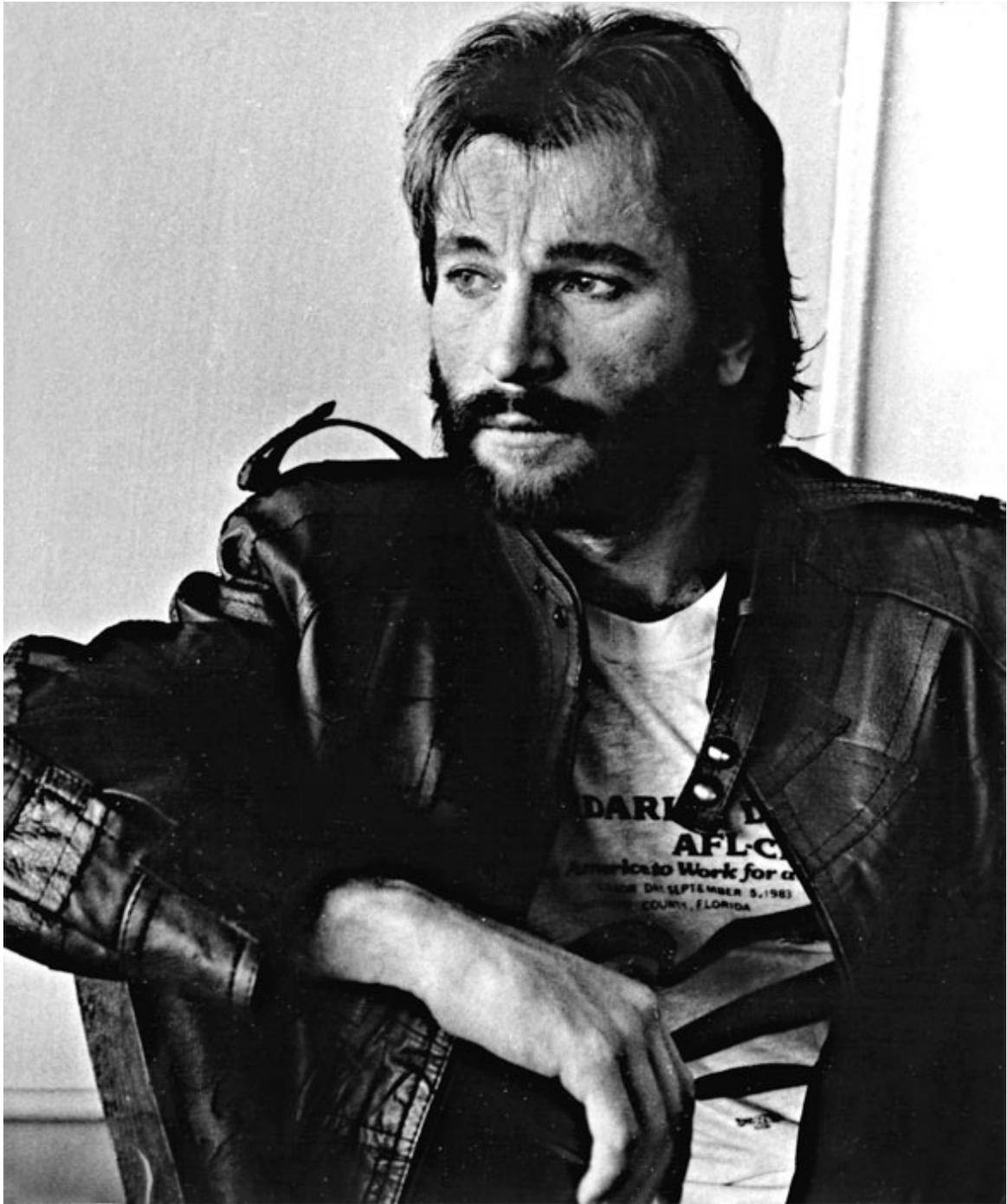
Глаза таких божественных посланцев
Всегда печальны и верны мечте,
И в хаосе проблем их души вечно светят
Мирам, что заблудились в темноте.

Они уходят, выполнив задание,
Их отзывают Высшие Миры,
Неведомые нашему сознанию,
По правилам космической игры.

Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш:
Актеры, музыканты и поэты —
Целители уставших наших душ.
В лесах их песни птицы допевают,
В полях для них цветы венки совьют,
Они уходят вдаль, но никогда не умирают
И в песнях, и в стихах своих живут.

А может быть, сегодня или завтра
Уйду и я таинственным гонцом
Туда, куда ушел, ушел от нас внезапно
Поэт и композитор Виктор Цой.

18/VIII/1990 г.

Докато?

Снакото за бее.

за мбоа

праздн

поздрав

за бее:

Дел

мб...

за мбоа

за бее

2.06.92

в мбоа

Кремлевская стена

Столько б горя страна не увидела
Ни в войну, ни перед войною
Из-за крупных и мелких вредителей,
Если б я был кремлевской стеною:
Я ронял бы, ронял бы кирпичики
На вредителей плоские лбы,
И глядишь, не возник бы культ личности
И войны, может, не было бы.

Чем отважнее пресса вгрызается
В бестальковые годы застоя,
Тем сильнее жалею я, братцы мои,
Что не смог стать кремлевской стеною:
Я пулял бы, пулял бы камнями
Прямо в лысины, у, твою мать,
Тем, кто вел страну к разорению
И народ заставлял голодать.

Не пришлось бы кастрировать хронику,
Если б я был кремлевской стеною,
Ведь другой бы была экономика,
И культура была бы иною.
Я ронял бы, ронял бы кирпичики,
Помогая тем самым отстаивать
Справедливость, и, может быть, нынче
Ничего б не пришлось перестраивать!

5/IV/1988 г.

Стоп! Думаю себе...

Вот и все – развенчан культ
Вождя-тирана,
И соратников его
Выявлена суть.
По реке кровавых слез
К берегам обмана
Невезучая страна
Держала путь.

Стоп!
Стоп, думаю себе,
Что-то тут не так,
Культ развенчан,
А тиран спит в земле святой,
И в святой стене лежат
Палачи и гады
Рядом с теми, кто раздавлен
Был под их пятой.

Что-то тут не так!

А затем схватил штурвал
Кукурузный гений
И давай махать с трибуны
Грязным башмаком,
Помахал и передал
Вскоре эстафету
Пятикратному герою —
Кумиру дураков.

Тот герой бесспорно был
Страстным металлистом:

Облепился орденами
С головы до пят,
Грабил бедную страну
С бандою министров
И высокие награды
Вешал всем подряд.

Стоп!
Стоп! Думаю себе,
Что-то тут не так.
Все кричим: застой, застой —
И клянем судьбу,
А «застойщики»-то ездят
В «мерседесах-бенцах»
И официально заявляют,
Что видят нас в гробу.

Вот так!
Вот и вам и перестройка,
Вот так. Что-то тут не так!
Вот так!
Вот и вам и перекройка,
Вот так! Что-то тут не так!

Вот сверкнул надежды луч —
Дождалась Россия,
Уж отчаялась и ждать,
Что греха таить:
Мы теперь должны зажить
Честно и красиво,
Мы должны зажить счастливо,
Правильно зажить. Но...

Стоп! Думаю себе,
Тут опять загвоздка,
Кто вчера стоял у трона,

Тот и ныне там:
Перестроились, ублюдки,
Во мгновение ока,
И пока они у трона,
Грош цена всем нам.
Перестроились, паскуды,
Во мгновение ока,
И пока они у трона —
Грош цена всем нам!

7/VII/1989 г.

«СОВКИ»

Они не думают, не чувствуют, не слышат,
Они не видят ни зги.

Они не любят, не страдают, не ищут,
Не напрягают мозги.

У них руки-лопаты, глаза-пятаки,
А вместо лиц – квадратные совки.

Совки, не отдадим мы вам страну!
Совки, мы объявляем вам войну!

У них – свои мессии, боги и кумиры
В лице Андреевых Нин.
У них – свое понятие равенства и мира
В виде нелепых доктрин.
«Чем хуже, тем лучше» – девиз дураков,
Вот цель этих штампованных совков.

Совки, не отдадим мы вам страну!
Совки, мы объявляем вам войну!

Они в создании своем не виноваты,
Их выпестовала власть,
Которой выгодно плодить дегенератов.
Чтоб ненароком не пасть.
И куда ж мы приплыли за 20 веков,
Если вся Россия стонет от совков.

Совки, не отдадим мы вам страну!
Совки, мы объявляем вам войну!

1988 г.

Господин президент

Господин президент, назревает инцидент:
Мы устали от вранья, в небе – тучи воронья.
Хватит!

Господин президент, почему Ваш оппонент —
Преступник Горбачев —
от Вас по левое плечо на съезде?!
Хватит!

Старый волк КПСС в овечью шкуру влез,
Чтоб вписаться в поворот, подсуетился,
Поменяв «СС» на «Р», овца ДПКР
Волчьей пастью попытается вцепиться в трон.
Хватит!

Господин президент, разгоните свой конвент.
Не тошнит от речей в прошлом явных стукачей?
Хватит!

- Послушай, Геш, а как тебе путч:
Подставили дебилов и – в тень, а Горбачев-то
чист...
- Да уж!
- Ну этот – не дурак...
- Да...
- А звезды на Кремле торчат?
- Да.
- А лысый?
- Лысый?! В мавзолее.
- А что же изменилось, Геш?
- Как что?!
- Идея, что ли

- ИДЕ Я?..
Хватит!!!

Господин президент, назревает инцидент:
Мы устали от вранья, в небе – тучи воронья.
Мы хотим Вас попросить поскорее заменить
На отечественный герб
ненавистный людям серп и молот.
Хватит!
Хватит!
Хватит!

Верит в Вас, как в Бога,
Изможденная страна,
Коммунизмом пораженная,
Очнувшаяся от сна.

Оправдайте веру в Вас —
Настал момент.
Оправдайте веру,
Господин президент!

5/IX/1991 г.

Бал Сатаны

Кончен бал, погасли свечи,
Не успевшие поджечь
Всю планету, и не вечным
Оказался Красный меч,
Пропитавший кровью землю
Невиновной стороны,
Что бельмом сияла белым
В черном глазе сатаны.

Сатана гулять устал,
Гаснут свечи, кончен бал.

И на площади на Красной,
На которой дьявол жил,
Перестанут поджигаться
Те, кого допек режим.
И слетит Шароголовый
С пьедестала прямо в ад,
И ему там черти новый
Мавзолей соорудят.

Сатана гулять устал,
Гаснут свечи, кончен бал.

Партработники перепугались
И наделали в штаны:
«Все, ребята, отплясались
На балу у сатаны».
У чертей на сковородках
Вы будете, как караси,
Ой, лихо вжаривать чечетку
За предательство Руси.

Сатана гулять устал,
Гаснут свечи, кончен бал.
Сатана гулять устал,
Гаснут свечи... Кончен бал!

С Новой эрой Вас, господа!

23/VIII/1990 г.

Дядин колпак

Мы родились в комендантский час
Под «колпаком», будто смеха ради,
А тот колпак искусно сшил для нас
Один веселый дядя.

Мы в колпаках и под «колпаком»
Ходили строем и слагали песни
О том, как мы хорошо живем
Под «колпаком» все вместе.

Треснул дядин колпак.
Треснул, только ветер подул,
И стало ясно:
Дядя был не дурак,
Дядя всех нас надул.

Раздался клич: залатать колпак,
Предпринимая необходимые меры,
Но стало ясно: нет таких затрат,
Чтоб залатать химеру.

А слуги дяди себе верны:
И колпаки охраняют спокойно,
И затевают на последние штаны
Большую пере-пере кройку.

Треснул дядин колпак.
Треснул, только ветер подул,
И стало ясно:
Дядя был не дурак,
Дядя всех нас надул.

Когда безумствует океан,
Ломая мачты судам, как спички,
Не прав будет тот капитан,
Который скажет: «Ребята, все отлично».
Ну а когда ребятам все равно,
Они легко поверят капитану
И вместе с судном уйдут на дно
И станут жертвами обмана.

Треснул дядин колпак.
Треснул, только ветер подул,
И стало ясно:
Дядя был не дурак,
Дядя всех нас надул.

«Товарищ Ленин, а как у Вас дела в аду?..»

Товарищ Ленин, а как у Вас дела в аду?
Вы там на сковородке иль на троне?
Готовитесь ли к Страшному суду
Или надеетесь, что дьявол выдаст бронь Вам?

Нет, брони Вам, товарищ, не видать.
Господь не допускает компромиссов.
И мы хотим успеть Вам все сказать,
Пока Ваш дух не воплотился в крысу:

Мы – подкидыши, стервы эпохи,
Чудом выжившие под забором,
Отсекавшим от Господа Бога
Вакханалию лжи и террора.

Скорбь великая, слезы и грусть,
Прозябание на коленях.
Что плохого Вам сделала Русь,
Уважаемый гений?

Ну не нравился Вам наш народ...
Так в Швейцарии бы и оставались
И кровавый свой переворот
Там, в Швейцарии, свершить бы и попытались.
Ладно, хватит! Мы встали с колен
И расправили плечи.
Пусть вокруг запустенье и тлен,
Но еще и не вечер.

Не дано Вам, иудам, понять,
В чем секрет нашей силы;

И не вычислить и не разгадать
Тайной мощи России.

Просыпается русский народ,
Поднимаются веки,
А прозревший, он вас проклянет.
Проклянет Вас – навеки.

1989-1990 г.

Глобус

Покажите мне такую страну,
Где славят тирана,
Где победу в войне над собой
Отмечает народ.

Покажите мне такую страну,
Где каждый - обманут,
Где назад означает вперед
И наоборот.

Не вращайте глобус,
Вы не найдете,
На планете Земля стран таких не отыскать,
Кроме той роковой,
В которой вы все не живете,
Не живете, потому что нельзя это жизнью
назвать.

Покажите мне такую страну,
Где заколочены Храмы,
Где священник скрывает под рясой
КГБ-шный погон.

Покажите мне такую страну,
Где блаженствуют хамы,
Где правители грабят казну,
Попирая закон.

Не вращайте глобус,
Вы не найдете,
На планете Земля стран таких не отыскать,
Кроме той роковой,
В которой вы все не живете,
Не живете, потому что нельзя это жизнью

назвать.

Покажите мне такую страну,
Где детей заражают,
Где солдат заставляют стрелять
В женщин и стариков.
Покажите мне такую страну,
Где святых унижают,
Где герои - ветераны войны
Живут хуже рабов.

Не вращайте глобус,
Вы не найдете,
На планете Земля стран таких не отыскать,
Кроме той роковой,
В которой вы все не живете,
Не живете, потому что нельзя это жизнью
назвать.
Нельзя.

VII/1991 г.

Звезда

Ты восходила в небе унылом,
Грустившем осенним дождем,
И ночь удивилась, когда озарилась
Твоим необычным огнем,
И все ожило, и все заиграло,
Как будто настала весна,
И небо свой цвет, прежний цвет обретало,
Очнувшись от долгого сна.
Светила тогда ты всем заблудшим,
Теплом согревая остывшие души,
Звезда.

Звездочки те, что не проснулись,
Даже во сне к тебе тянулись,
Звезда.

Но вот пролетели быстрые годы,
Успевшие все изменить.
И ты так внезапно ушла с небосвода,
Как будто устала светить.
Чем дальше, тем меньше твой свет проникает
В сердца полюбивших тебя:
Они понимают – не понимая
И любят тебя – не любя.
Ты светишь себе, себе – и только,
Холодный твой свет не греет нисколько,
Звезда.

А свет новых звезд куда вернее,
Все ярче они, а ты бледнее,
Звезда.

Звезда... Звезда.

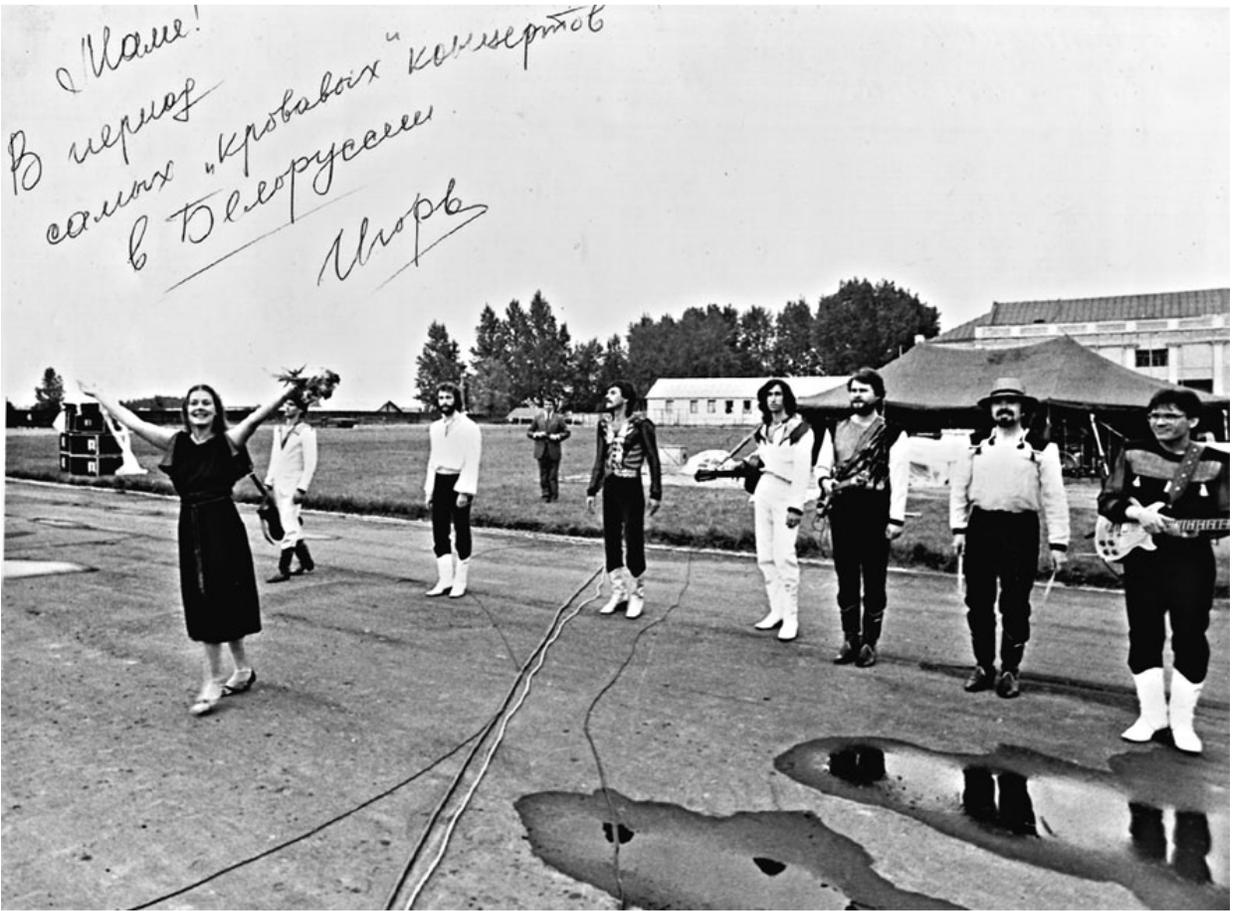
Этот мир

Мы живем, как на вулкане,
И всю жизнь играем в тир:
В этом тире каждый стал из нас мишенью.
И так часто называем грешным этот мир,
А своих не замечаем прегрешений.
Этот мир несовершенный
Состоит из всех из нас.
Он - прямое отраженье
Наших чувств и наших глаз.
Этот мир не станет лучше,
И не станет он добрей,
Если сами мы добрее не станем.

Мы грешим непониманьем
Наших близких и друзей,
И в страну Любви.
Горят мосты за нами.
Опустошенные пожаром
Взвинченных страстей,
Мы разглядываем мир
Сквозь призму разочарований.

Этот мир несовершенный
Состоит из всех из нас.
Он - прямое отраженье
Наших чувств и наших глаз.
Этот мир не станет лучше,
И не станет он добрей,
Если сами мы добрее не станем.

13-14/III/1990

На гастролях в Витебске. 1983 год

Встреча 1984 года

Друзья-товарищи

Мне говорили то, что все мои стихи
От совершенства бесконечно далеки.
Мне говорили то, что мой вокальный дар
Действует на головы, как солнечный удар.

Ох уж эти мне друзья-товарищи,
Всё, всё, всё, всё знающие,
С камушком за пазухой
И с фигой за спиной
И с одной на всех извилиной.

Пусть говорят тебе «доброжелатели»,
Что все твои стремленья – нежелательны.
Ты их не слушай, успокойся и дерзай
И всех «доброжелателей» подальше посылай!

Ох уж эти мне «доброжелатели»,
Прорицатели, советодатели,
С камушком за пазухой
И с фигой за спиной
И с одной на всех извилиной.

Мне говорили то, что все мои стихи
От совершенства бесконечно далеки,
Мне говорили то, что я не то пишу,
А я стою – пою, пишу, играю и пляшу,

Мне говорили то, что я не так дышу,
А я стою – пою, дышу, играю и пляшу.
Мне говорили то, что я не то пишу,
А я пою, пишу, дышу, играю и пляшу.

Вот так!

Времени нет

Времени нужно много,
Чтоб до конца пройти
Дарованную дорогу
И не сбиться с пути.

Годы толкают в спину,
Годы толкают в грудь,
А между ними клином
Втиснут этот путь
Времени нет
 на рассуждения,
Времени нет
 на решение проблем,
Времени нет
 и на общение,
Времени нет
 и на то, чтобы понять зачем.

Годы толкают в спину
И не дают успеть
Тем дописать картину,
Этим просто допеть.

Кто-то несется пулей,
Кто-то лежит, устав,
А кто этот кросс придумал,
Был, наверно, не прав.

1985 г.

«Да» и «нет»

Когда на сотню скромных «Да»
Увесистое «Нет» внезапно рухнет, как плита
В решающий момент,
И так еще прихлопнет,
Что горемыки «Да»
И не успеют охнуть,
Как сгинут без следа.

Я ровным счетом ничего не понимаю
И говорю себе, что больше – никогда,
И убегаю, убегаю, убегаю...
В НИКУДА.
И пусть те «Да» правы всегда,
А «Нет» – конечно, нет,
У них беда, у этих «Да».
У «Нет» – авторитет,
Большие полномочия,
И связям счету нет,
И делает что хочет
Бессовестное «Нет».

Вот потому-то, ничего не понимая,
Я говорю себе, что больше – никогда,
И убегаю, убегаю, убегаю...
В НИКУДА.

Я убегаю в НИКУДА,
Чтоб отыскать ответ:
Ну почему бессильны «ДА»
И всемогущи «НЕТ»?
А там одно и то же
Талдычат мне в ответ:

«Помочь ничем не можем.
Возможно, попозже...
Надо подождать... лет 40-45,
Ну максимум... 100 лет...
Ну, будь здоров! Привет».

Поздно

Тот самый день начался обыкновенно
И не сулил особых перемен
В моем таком невеселом настроенье
По поводу сплошного невезенья.
Я перестал пересчитывать потери,
Передо мной захлопнулись все двери,
И дни текли без всякого намека
На поворот и новую дорогу.
И вот, когда на смену дня
Ночь крылья распахнула,
Удача вспомнила меня
И руку протянула.
Спасибо, милая судьба,
Спасибо за вниманье,
Но слишком долгим было ожиданье...
Поздно!

И с той поры я не мучаюсь, не маюсь,
Но с каждым днем все больше убеждаюсь,
Что этот мир устроен несерьезно,
И все в нем происходит слишком поздно,
Скажи, зачем исполняются желанья,
Непонимание сменяется признаньем,
И жизнь зовет, распахивая двери,
Когда в самих себя почти не верим.
С веселым шумом листопад проносится по саду,
Зовет куда-то чей-то взгляд, но мне туда не
надо,
И круг врагов безмерно мал, а круг друзей все
шире,
Но все приходит поздно в этом мире.

Поздно!

Чудак

Посреди долины где-то,
Озаренной солнцем ранним,
Он искал зачем-то света —
Обреченный на скитанья.

А в широком чистом поле
Так и не обрел покоя
И искал его у моря
В тихом шелесте прибоя.

Он метался, разрывался,
Убегал то в лес, то в горы,
Но, увы, как ни старался,
Все не мог найти простора.

И поэтому, наверно,
Чудаком прослыл он скоро:
«Кто ж под солнцем ищет света
И простора на просторе?»

А в кругу друзей «примерных»
Он найти пытался друга
И, отчаявшись, наверно,
Предпочел уйти из круга.

Он испил любовь из чаши,
Упоенный сладкой новью,
Но лежат в пыли осколки
С недопитою любовью.

Он был чудаком, наверно,
Или просто притворялся,

Раз в кругу друзей примерных
Одиноким оставался.

Он был чудаком, конечно,
Что бы там ни говорили...
Ну кто же ищет бесконечно то,
Что имеет в изобилии?

Одинокими ночами,
Когда дождь стучит по крыше,
Чувствую его дыхание
И шаги за дверью слышу.

И пустыми вечерами
Пораженный, как недугом,
Я все больше понимаю,
Что он смог бы стать мне другом.

7/VIII/1981 г.

Уеду!

Я столько грез посеял
И столько нервов сжег,
Пока к заветной цели
Сквозь все преграды шел,
И вот пришел отчасти
И посмотрел вокруг,
Но ожидаемого счастья
Не обнаружил вдруг.

Завтра уеду,
Махну на все рукой.
Завтра уеду
Искать покой.
Завтра уеду,
Лягу на грунт,
А те, кто знал меня,
Простят и все поймут.
Уеду!

И кто мог знать в ту пору,
Когда душа рвалась
Скорее взмыть на гору
С названием «Парнас»,
Что на вершине этой
С протянутой рукой
Мне суждено стоять и петь:
«Подайте на покой». Ой.

Завтра уеду,
Махну на все рукой.
Завтра уеду
Искать покой.

Завтра уеду,
Лягу на грунт.

А те, кто знал меня,
Простят и все поймут.
Уеду!

Уеду! Брошу все и уеду!
Надоело! Достаточно!
Уеду!

Призвание

Наивным мальчишкой
С тетрадкой и книжкой
Я часто ходил на причал.
Туманные дали
Меня увлекали,
И я к ним в мечтах улетал.
И вот как-то ветер
Пригнал на рассвете
Под парусом маленький бот.
Увидев название
На боте «Призвание»,
Я смело запрыгнул на борт.

О, как обманчива даль,
Когда стоишь на причале,
Ощущая материк за спиной.
И как коварна вода,
Та, что причал омывает
Якобы безобидной волной.

Волна подхватила
Мой бот с такой силой,
Что парус по швам затрещал,
И так захлестала,
Что тошно мне стало,
А где-то растаял причал.

Желанные дали
Из тьмы выползали
Буграми чернеющих скал.
Я понял: «Призвание» —
Мое наказание,

Но только за что, я не знал.

В обломках «Призвания»
Я, как изваяние,
Сажу и смотрю в пустоту
На острове голом
В компании воли,
Разбив себе лоб о мечту.

Мой брат

Ты когда-то учил меня петь и играть на гитаре,
Ты был строен, красив и всемогущ, как бог
Саваоф.

Ты говорил мне, что жизнь так сложна
И что в ней выдержка очень важна,
И что в жизни везет
Только тем, кто идет вперед.

Ты когда-то учил меня жить и служил мне
примером.

И, внимая советам твоим, я старался как мог.
Ты шутил и смеялся от сердца
Над моею наивностью детской
И, открыв мне глаза,
Разобраться во многом помог.

Мой старший брат, мой брат,
Ну почему же ты теперь не рад
И в глазах твоих нет участия,
Ни любви, ни печали, ни счастья.
Мой старший брат, мой брат,
Ну встряхнись, ну оглянись назад.
Ведь ты же много и знал и умел,

Ну когда ж ты успел все растерять?
Развела нас с тобою судьба по разным дорогам,
И не раз я сбивался с пути и блуждал в темноте.
А то, что ты называешь везеньем,
Мне давалось трудом и терпеньем
И стремленьем к своей,
Путеводной своей звезде.

Вот сидим мы напротив друг друга - глядим
осторожно.

Я искал этой встречи, а встретив тебя - не узнал.
Ну скажи перед тем, как проститься,
Ты скажи, как могло так случиться,
То, что я себя в жизни нашел,
А ты - потерял?

Ведь ты когда-то учил меня жить и играть на
гитаре,
Ты был строен, красив и всемогущ, как бог
Саваоф,
Говорил мне, что жизнь так сложна.

VI/1985 г.

Спорт

Проснувшись как-то на рассвете,
В осколок зеркала свой кинул взгляд
И с сожалением отметил,
Что видеть самого себя не рад:

В глазах тоска, а под глазами
Мешки от курева и крепких вин.
Я встал с постели и заставил
Пойти себя в спортивный магазин.

С тех пор я не хожу к врачу.
На двадцать лет моложе стал.
Играю, прыгаю, скачу
И по утрам не бью зеркал.

Смеются надо мной соседи
И молча крутят пальцем у виска,
Когда я на велосипеде
Вдруг уезжаю в отпуск на юга.

А мне-то что? Судите сами:
Я стал вынослив, как индийский йог, —
На голове стою часами
И зайцем прыгаю под потолок.

Хоккей, футбол,
Спидвей, гандбол —
Мне не прожить без вас и дня.
Бобслей, слалом —
Спасибо вам
За то, что вы спасли меня

(От смерти).

VII/1986 г.

«Кто любит длинную беседу...»
Кто любит длинную беседу —
Тот мало делать норовит.
Кто рано празднует победу,
Тот никогда не победит.

Призвание

Застолье близилось к концу,
Когда, жуя селедку,
Сосед спросил в десятый раз,
Зачем не пью я водку?

«Ну был бы болен – хрен с тобой,
Но ведь здоровый малый...» —
И, еле двигая губой,
Он начинал сначала.

Про то, что истина в вине,
И говорил чуть тише
Про то, что мы живем в г...не
И что какой-то Миша

Не прав. И нет защиты нам...
А если б живы были
Высоцкий, Пушкин и Хайам —
Вот те бы защитили.

«Вот это были мужики,
Какие пели песни!
И не то что эти мудаки —
Вознесенский да Резник.

А почему? Да потому,
Что мысль освобождает
От заключения во тьму,
Кто часто выпивает.

Да и вообще, возможно ли
Вкусить шальную радость

И ощутить тепло земли
И неги легкой сладость,

И освежить свою мечту
Порывом вдохновенья
Или сорваться в пустоту
В свободное паденье

И очутиться на лету
В четвертом измеренье...
Коснуться тайны бытия
И с горьким оптимизмом
Взглянуть, куда течет струя
Загробной нашей жизни...»

Он сделал паузу, допил
Из горлышка коньяк
И, крякнув, громко заключил:
«А ты не пьешь, дурак!»

Мне трудно было возразить —
Он прав во многом был.
Чтоб жить в г...не и бросить пить,
Немало нужно сил.

Я вспомнил прошлые года...
Сосед меня б простил,
Когда б узнал, что я тогда
Раз в 1000-у больше пил.

Всему свой срок, всему свой миг,
И каждому – свое.
Кто хоть чуть-чуть себя достиг —
Тот многое поймет.

Признание – самый верный путь

К далекой истине
И к тайнам счастья, коих суть
Не отыскать в вине.

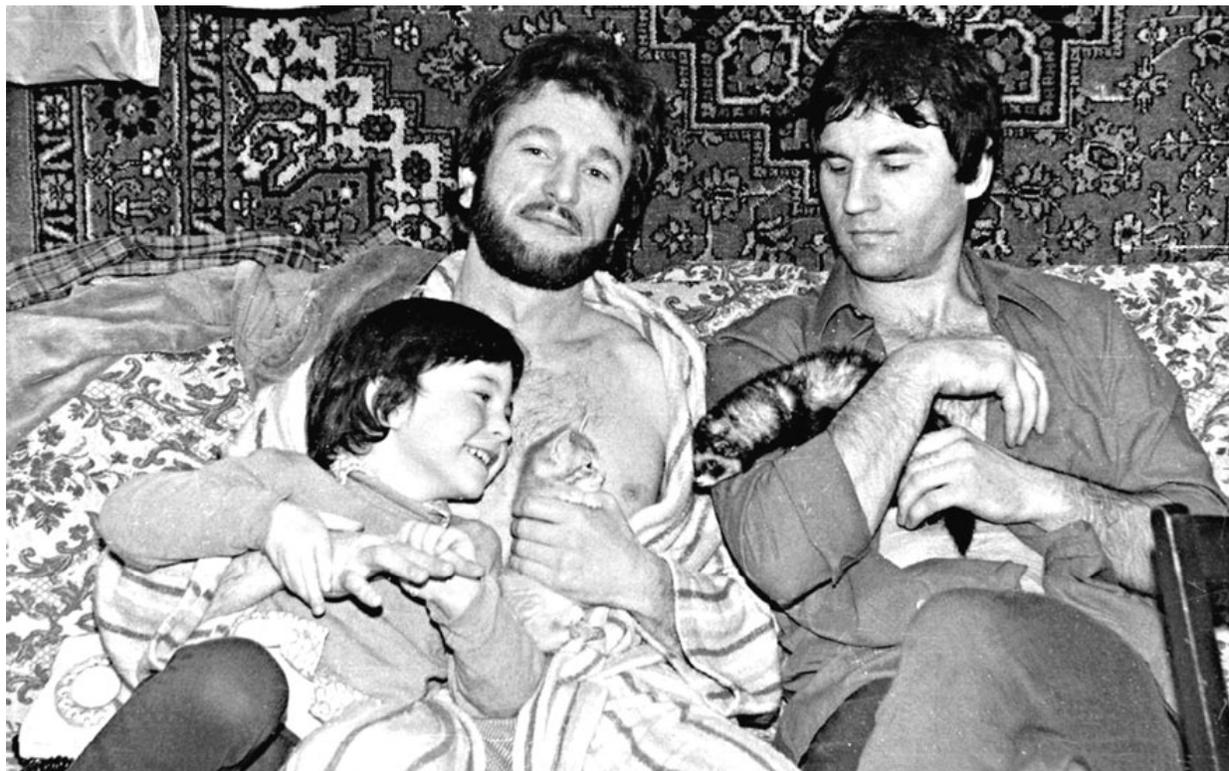
Признание все способно дать:
И радость и полет,
Но только важно отыскать
Призвание свое.

А ощущениям своим,
Когда бываешь пьян,
Опасно верить. И пойми:
Их суть - самообман.

1986 г.

В день рождения сына

Тихое счастье

Собрание в жэке

В нашем жэке № 5
Шло собрание опять —
Обсуждали перестройку
И куда ее внедрять.

На трибуну вышел Сам
И, прокашлявшись, сказал,
Что пока что мы хреново
Перестраиваемся.

А затем последний съезд
Процитировал нам весь,
Речи, прения, доклады
Зачитал как они есть.

Про бригадный про подряд
Все строчил, как автомат,
Про согласность, и про гласность,
И про все вообще подряд.

Он ревел, как самосвал,
И пытел, как самовар.
Объявив нам в заключение:
– Завтра будет семинар.

При себе иметь тетрадь —
Буду лично всех гонять
По вопросам «Перестройки».
И куда ее внедрять.

Тут монтер Петрович встал —
На лице его скандал,

Откровенно был написан —
И спокойно так сказал:
– Перестрелка, перестройка —
Нас ничем не испугать,
Мы народ довольно стойкий,
Но до срока, вашу мать.

Ты вот выдал директиву,
В «Волгу» сел – и будь здоров,
А какая перспектива
Нам от этих громких слов?

Что, изменят нам зарплату?
Что, нам легче станет жить?
Есть икру, ходить в театр,
Отпуск в Ялте проводить?

Я всю жизнь свою ишачу,
А живу в такой норе,
Что порой к иной собачьей
Зависть прячу конуре.

Я на ваши семинары
Болт с резьбою положил,
Я ни много и ни мало —
Три режима пережил.

Поначалу тоже вроде
Верил в разные слова
О заботе, о народе —
Аж звенела голова!

Ну и где забота, где же?
Мне седьмой десяток лет,
Ну а я еще и не жил,
А уж впору на тот свет.

Вы мне рот не затыкайте,
Я вас слушал до конца,
И не надо, не пугайте
Выражением лица.

Вы про гласность нам умело
Толковали целый час,
Ну, а как дошло до дела,
Что, кишка тонка у вас?

Ладно, хватит. Напоследок
Я хочу сказать вам суть:
Для того, чтоб сделать дело,
Нужно людям дать вздохнуть.

На заезженной кобыле
Не уедешь далеко.
Вы о нас совсем забыли,
А кнутом хлестать легко.

Вы на деле докажите,
Что заботитесь о нас,
Ну а мы уж, извините,
Перестроимся без вас.

Кончил. Дверью хлопнув, вышел,
Больше слова не сказав.
Мы все замерли, как мыши,
Зная, что Петрович прав.

Мистер «Х»

Слышал я, что в космос посланы сигналы,
Дабы обнаружить «братьев по уму»,
И с тех пор на сердце как-то полегчало.
Что вас удивляет? Это как кому.

Всматриваюсь зорко ясными ночами
То в созвездье Ворон, то в созвездье Рак
И в Кассиопею все смотрю часами.
Что вас удивляет? Это кому как.

А быть может, в Энной солнечной системе
На планете Модуль-В-13-6 (сикс)
Ждет таких сигналов агрессивный малый,
Кровожадный, алчный некий мистер «Х».

И свою планету, в сущности, угробив,
Истощив запасы нефти, газа, дров,
Упиваясь властью и террор устроив,
Стал небезопасным для других миров.

И давай представим, ради интереса,
Что сигналы наши примет эта мразь,
Вмиг запеленгует и, как злой агрессор,
С кровожадным войском бросится на нас.

Что вас так пугает? Дерзость моей мысли
Или агрессивность «братьев по уму»?
А меня все это возвращает к жизни.
Что вас удивляет? Это как кому.

Ну прилетят, ну сядут на Луну без спросу,
Наведут орудья и начнут бомбить...

Что вас так пугает? Это лучший способ
Всех нас наконец-то сблизить и сдружить.

Мигом упразднятся титулы и ранги,
Мелкие обиды и борьба систем,
Потому что в это время
Плохо станет всем. Всем!!!

И когда над нами страшною бедою,
Общею бедою вспыхнут небеса,
Вот тогда мы станем дружною семьею
И одной страной хоть на полчаса.

Что Земля – пылинка в мириадах звездных,
Что судьба планеты – злых стихий каприз,
Мы поймем, но поздно, поздно будет, поздно —
В это время грозным будет мистер «Х».

10/IV/1982 г.

Правда (коллеге-калеке)

Он так привык бояться
Написанного слова.
А мне-то что пугаться —
Я самообразован.

Ему пять лет внушали,
Что можно, что не можно,
И голову сношали
Благопристойной ложью.

Ему пять лет долбили
Про «надо» и «не надо»,
Одно лишь обходили,
Что есть на свете правда.

Не та, конечно, правда,
Что в «можно» надо втиснуть,
А та – святая правда
Без лжи и компромиссов.

И пусть твердят ублюдки,
Что истина опасна, —
Она не проститутка,
Чтоб быть все время разной.
1985 г.

Дед Егор

«Мечты, мечты! Где ваша сладость?»

А. С. Пушкин

Часть I

1) Проследив за изменением формаций
И за бешеным скачком цивилизаций
К краю пропасти духовной деградации,
Дед Егор, устав, махнул на все рукой.

И, расставшись с сумасшедшею мечтою
Сделать мир единой братскою страной,
А людей великой, дружною семьею,
Он безудержно ударился в запой.

Пребывая в состоянии прострации,
Дед не верил больше средствам информации,
Демонстрации считал мистификацией,
А над лозунгами просто хохотал.

И порою, может, просто смеху ради, он
Передразнивал вещающих из радио.
И единственной душевною отрадою
Дед считал вином наполненный бокал.

2) Но однажды с ним случилась
непредвиденность:

Бросив пить и перестав ругать действительность
И сменив былую мнительность на бдительность,
Дед Егор себя по-странному повел.

До того все это было удивительно,

До того все это было возмутительно,
Что друзья его подумали решительно,
Что Егорушка совсем с ума сошел.

Но никто не мог понять душою чистого,
В прошлом честного, но опального чекиста,
Альтруиста, коммуниста, гуманиста.
А вопрос был прост, как шляпка от гвоздя:

Из надежного канала информации
Дед узнал, что путь к другим цивилизациям
Ищут мощные космические станции,
Позывными черный космос бороздя.

И, подумав, дед решил: «Цивилизацию
От духовной, безнадежной деградации
И от общей в общем милитаризации
Можно все-таки избавить и спасти».

Выход найден. Только надо непременно,
Чтоб сигналы эти приняла Вселенная,
И на помощь устремилась к нам мгновенно,
И как можно раньше нас смогла найти.

«Прилетят инопланетные товарищи
И помогут всем нам сразу стать товарищами,
Ну, а тех, кто называл себя товарищами,
Ядовитые припрятав в сердце жалища,
Те товарищи сумеют наказать».

Так он думал, изучая небо звездное,
В ожидании товарищей из космоса,
И весной, и летом, и зимой морозною,
И спросонья, и когда ложился спать.

Часть II. Сон деда Егора

1) Три солнца медленно вставали над планетой,
Кипящим золотом струясь в вершинах гор.
В зеленом небе показалась ракета,
Внутри которой находился дед Егор.

Дрожа всем телом от внезапного волнения
И нажимая что есть мочи на штурвал,
Глядел на странную планету с изумленьем
И ровным счетом ничего не понимал:

«На первый, беглый взгляд планета как планета,
Но почему над ней три солнца и моря
Вишнево-красно-перламутрового цвета
И черно-белая свинцовая заря?»

А под крылом ракеты что-то копошилось.
И космонавту показалось, что скала —
В туманном мареве враждебно притаилась:
И недвусмысленно шипела и ждала.

2) Дед не ошибся – той скалой маскировался
На протяжении порядка сотни лет,
И властью страшною своею упивался
Как черт прожорливый и хитрый людоед.

И в тот момент, когда корабль опустился,
Тиран раскрыл замаскированную пасть,
Повел ушами, разогнулся, распрямился
И не замедлил, гад, на дедушку напасть.

Тут завязался между ними бой неравный.
Тут разыгрался между ними страшный бой —
Священный бой – не ради денег или славы,
А ради жизни на планете, пусть чужой.

Тут пригодилась деду бывшая сноровка,
Натренированная в органах ЧК,
И без нагана, без тачанки и винтовки
Дед укокошил-таки лютого врага.

3) И тут же с гор ликующей толпою
Какие-то букашки вниз сползли
И сразу же на месте поля боя
Героя в короля произвели.

Разделавшись с угрозой всей планеты,
Немного отдохнув, набравшись сил
И разобрав и закопав ракету,
«Король», помедлив, к делу приступил.

Путем усиленных и долгих тренировок
К заветной цели через тернии шагал
И всем наукам (даже трудной хатха-йоге)
Он тех букашек бестолковых обучал.

И, не давая ни себе, ни им поблажек
Ночами долгими и в жарком пекле дней,
Из этих самых недоразвитых букашек
Он сделал в меру образованных людей.

4) Три солнца то вставали, то садились,
И пролетали над планетою года...
Крупнейшие заводы возводились,
И строились большие города.

И не делилась, не дробилась та планета
На государства, на системы и миры,
И всем на ней хватало воздуха и света,
И всем на ней хватало мяса и икры,

И всем хватало мест в больших театрах,
И всем хватало комфортабельных квартир,
И всем хватало на сегодня и на завтра,
И всех хватало на большой и прочный мир.

И характерно, что без всякой агитации
И без надуманных искусственных систем,
Без демонстраций и других нелепых «акций»
Народ трудился там на совесть. Вместе с тем

Не подтасовывались нагло в прессе факты,
За слово правды не ссылались в рудники,
И не подписывались пакты и контракты,
Поскольку все друг другу были – земляки.

Сам дед Егор в великолепном был настрое:
Повеселел, помолодел, набрался сил...
Ну наконец-то он прекрасный мир построил,
Мечту заветную в реальность воплотил.

5) Вот над планетой пронесли десятилетия,
И дед Егор все чаще в небо устремлял
Печальный взгляд и о родной своей планете
С глубокой грустью и любовью вспоминал.

Он вспоминал (а по лицу катились слезы)
Несчастной родины своей усталый лик,
Где проводами обожженные березы
Глядятся в муть плешивых рек. Но не до них

Живущим в праздной суете дегенератам —
Лжепокорителям природы и небес.
У них проблемы поважней – им очень надо
План выполнять и двигать атомный прогресс,

И успевать мешать друг другу развиваться

В духовном плане и в стремление оболгать
Систему чуждую, губить цивилизацию
И чьи-то глупые идеи утверждать,

Копить оружие, чтоб защищать законы,
Законы – выгодные кучке подлецов,
Что прикрываются идеей благородной
И подтасовывают мысли мудрецов...

Катились слезы по щекам Егора впалым,
Воображение влекло его туда,
Где безнадежно и покорно погибало
Его отечество. И, бросив все тогда,

Он откопал свою нехитрую ракету,
Заправил двигатель горючею водой и...
Долго таяла Счастливая планета
В иллюминаторе снежинкой золотой.

6) И вернулся. Приземлился. Разобрался.
Огляделся. Присмотрелся и... присел.
Разошелся, расходился, разругался,
Сел в ракету и обратно улетел.

7) На земле все шло без всяких изменений:
Две системы, как в глухую старину,
Несмотря на смену многих поколений,
Меж собой вели холодную войну.

И по-прежнему – коррупция и взятки,
И по-прежнему – обманутый народ,
И по-прежнему в газетах все в порядке,
Ну, а в жизни все совсем наоборот,

И так далее, и так далее, и так далее.
Вот причина, по которой дед Егор,

Нажимая что есть мочи на педали,
Улетал опять в космический простор.

Часть III. Пробуждение

Вдруг толчок (!) и пустота... Дед встрепенулся,
Издавая в тишине протяжный стон,
И тотчас же неожиданно проснулся,
Понимая: все увиденное – сон.

Посмотрел в окно и выругался матом,
Поискал в аптечке аспирин,
Зыркнул в небо безнадежным взглядом
И пошел за водкой в магазин.

1981 г.

На могиле Игоря Талькова

Разве не так?

Ты искал своей надежды остров,
Но найти его не так-то просто.
Часто пламя всех надежд на свете
Задувает беспощадный ветер.
Разве не так?

Ты искал своей любви приюта —
Не нашел и подарил кому-то
И, устав, махнул на все рукою...
Только счастье не найти в покое.
Разве не так?

Ты запомни, что в преодоленье
Есть всегда надежда на спасенье.
И когда устанет ветер злиться,
Пламя с новой силой разгорится.
Разве не так?

Всему свое время

Бывают часы,
Встречаются дни и даже года
Когда не везет, никак не везет,
Ну просто - беда.
Нигде и ни в чем,
Ни ночью, ни днем —
Хоть смейся, хоть плачь.
И крутимся мы,
И вертимся мы в плену неудач.

Но мы забываем,
Когда изнываем
От бед и забот,
Что всему свое время,
Всему свое время,
Всему свой черед.
Немного терпенья,
Исчезнут сомненья —
И снова на взлет.
Всему свое время,
Всему свое время,
Всему свой черед!

И если с тобой играет судьба,
Не надо грустить.
Ведь жизнь нам дана
Всего лишь одна —
Так надо же жить?!!
Над каждым горит,
И тайну хранит
Святая звезда,
И знает когда

Твой путь озарить —
Знает когда.

А мы забываем,
Когда изнываем
От бед и забот,
Что всему свое время,
Всему свое время,
Всему свой черёд.
Немного терпенья,
Исчезнут сомненья —
И снова на взлет,
Всему свое время,
Всему свое время,
Всему свой черед.

1982 г.

Уснувший мир

Голубой струится луч
Между небом и землей —
Это бархатная ночь
Охраняет свой покой.

Там за кромкою луча
Притаилась пустота.
Там за кромкою луча
Притаилась суета.

Уснувший мир
Надежно скрыт
От всех забот,
От всех обид.
Уснувший мир
Спокойно спит.
Уснувший мир.
Уснувший мир.
Из синих звезд
Сложив постель,
Качает ночь,
Как колыбель,
Уснувший мир.

Не спеши,
Шумный ветер,
Луч рассеять голубой,
Что дрожит до рассвета
Между небом и землей.
Этот луч
Охраняет
Спящий мир от суеты.

Этот луч
Отделяет
Звездный мир от пустоты.

X/1986 г.

Страница в ночи

Как только вечер
Скроет остатки дня
И обратится в ночь,
Ты овеваешь
Туманным сном меня
И улетаешь прочь.

Страница в ночи,
Спутница безмолвья,
Расскажи, куда ты держишь путь?
Только не молчи,
Тайну приоткрой мне
И ответь хотя бы что-нибудь.

Твоих далеких странствий
Свободен путь,
И время и пространство
Бессильны тут,
Бессильны все соблазны
Земных сует,
Ты знаешь все прекрасно
И видишь свет.

«Кто ты? Откуда?» —
Часто ее во сне
Спрашивал я, не дыша.
И вот однажды
Голос ответил мне:
«Это твоя душа»,

Страница в ночи,
Спутница безмолвья,

А во сне тыходишь с ней в контакт.
Слушай и молчи
И одно запомни —
Все в туманных снах не просто так.
Ее далеких странствий
Свободен путь,
И время и пространство
Бессильны тут,
Бессильны все соблазны
Земных сует,
Ты знаешь все прекрасно
И видишь свет.

Во тьме законов ложных,
В плену сует
Ты верь ей и, возможно,
Увидишь свет.
Увидишь свет!

28/XII/1985 г.

Преданная подруга

Если вам кто-нибудь скажет, что я
Будто бы одинока,
Вы не спешите верить, друзья, —
У меня все не так уж плохо.

Есть у меня один секрет,
И вам я его открою —
Лучше подруги на свете нет
Той, что всегда со мною.

И когда в жизни идет все кругом,
Рядом со мною она всегда —
Преданная подруга.

Нас не поссорить и не разлучить
Ни под каким предлогом —
Слишком прочна та незримая нить,
Что ведет нас одной дорогой.

А на дороге на этой подчас
Всякие были встречи...
Были друзья, что клялись мне не раз
В дружбе большой и вечной.

Вы безусловно хотите понять,
Кто же она такая,
Может быть, даже случалось встречать,
Но узнать ее не узнали?

В бурном потоке несущихся лет
Встреча с ней неизбежна.
И никакого секрета тут нет, —

Имя ее - надежда.

И когда в жизни идет все кругом,
Знаю, что рядом со мною всегда —
Преданная подруга.

У твоего окна...

М. Т.

Я жал на все педали,
В висках стучала кровь,
Я так боялся опоздать в страну
С названием «Любовь».

Я все боялся опоздать в страну
С названием «Любовь».

Мне цель казалась ясной,
Я так был юн и смел
И столько слов напрасных
Наговорить успел.

Ах, если б знать в ту пору,
Что где-то ты – одна...
Мне нравится смотреть на город
Из твоего окна.

Мне нравится смотреть на город
Из твоего окна.

Исписанных тетрадей
В столе не перечесть,
В них – пылкими стихами
Я выплакался весь.

Под солнцем в абажуре
Отцвел бумажный куст,
И отшумели бури
В стакане мнимых чувств.

Ах, если б знать в ту пору,
Что где-то ты - одна...
Мне нравится смотреть на город
Из твоего окна.

Мне нравится смотреть на город
Из твоего окна.

Вот потому, родная,
Немногословен я,
Когда плывут под нами
И небо и земля,

Когда стихают споры,
И замирает дом,
И расцветает город
За твоим окном.

Когда стихают споры,
И засыпает дом,
И расцветает город
За твоим окном...

Три дома

Я в одиночестве бездонном
В каком-то доме у окна
Стою и слышу, как крадется тишина.
Тяжелой ношею на плечи
Ложится хмурый летний вечер,
С немым участием в то окно глядит луна.

И вот опять воображенье
Рисует без предупрежденья
Три разных дома на стекле —
Там ждут меня...
Я в те дома вхожу без стука,
Там мне протягивают руку
И предлагают обогреться у огня.

Первый дом - родной мой дом —
Окутан светом и теплом,
В нем живет мое детство.
Дом второй, тоже мой,
Такой же близкий и родной,
В нем живет мое сердце.
Третий дом - дом родной,
Родной до боли, но не мой,
В этот дом вхожу я не дыша...
В нем живет моя душа.

В каком-то странном исступленьи,
Меня краски без труда,
Воображение творит как никогда:
Я вижу маму в доме первом
Она надеется, наверно,
Что я вернусь к ней и останусь навсегда.

Но вот сместилось расстояние,
И воплощенным ожиданием
В притихшей комнате ребенок сладко спит.
И наконец, я в третьем доме:
Словно сошедшая с иконы
В нем тихо женщина прекрасная грустит.

Первый дом - родной мой дом —
Окутан светом и теплом,
В нем живет мое детство.
Дом второй, тоже мой,
Такой же близкий и родной,
В нем живет мое сердце.

Третий дом - дом родной,
Родной до боли, но не мой,
В этот дом вхожу я не дыша...
В нем живет моя душа.

Я в одиночестве бездонном
Стою один на всей земле,
Слежу, как тают все три дома
На остывающем стекле...

V/1985 г.

В океане непонимания

Не смотри на меня в ожидании
И не думай, что я умней, —
В океане непонимания
Я давно плыву на бревне.
И советы мои вчерашние,
Если можешь забыть – забудь.
Разлетелись песочные башни,
Только ветер успел подуть.

Понимаешь, ну не знаешь,
Где найдешь, где потеряешь,
И не лезь ты в дебри,
Душу не трави.
Нет, не знаешь, ох не знаешь,
Где найдешь, где потеряешь.
Слушай лучше сердце,
Сердцем и живи.

Не смотри на меня с изумлением,
Я давно уже стал другим,
И вчерашние размышления
Взяли и обратились в дым.
Этот дым, невесомым облачком
Проплывая в небе большом,
То смеется лучами солнечными,
Тот грустит проливным дождем.

Да не смотри ты на меня с сожалением!
Видишь, я улыбаться стал.
Ну а вспомни мое настроение
В тот момент, когда я «все знал».
И не так уж, поверь, досадно

В океане и на бревне.
Лучше сядь-ка со мною рядом —
Будет нам веселей вдвойне.

20/IV/1985 г.

Ты опоздала

Не смотри на меня с грустью,
Все пройдет, пустяки.
Просто нас занесло в устье
Фатальной реки.
Опьяненные нашей встречей
Мы забыли с тобой,
Что день караулит вечер,
А отливы – прибой.

Все, все происходит
В мире не так,
По чьей-то, неведомой нам, воле.
А так, как должно быть, – только в мечтах,
В наших мечтах, но не более.

Не смотри на меня с печалью:
Час прощанья пробит.
Мы же знали про все вначале,
Только делали вид,

Что не чувствуем чужой боли
И что Бог нас простит
За классический треугольник
И за слезы обид.

Но ты опоздала, а не она,
Та, что пришла до тебя.
А жизнь нам осталась что-то должна,
Коль мы расстаемся любя.

Все, все происходит
В мире не так,

По чьей-то, неведомой нам, воле.
А так, как должно быть, – только в мечтах,
В наших мечтах, но не более.

Да, ты опоздала, а не она,
Та, что пришла до тебя.
А жизнь нам осталась что-то должна,
Коль мы расстаемся любя.

16/XI/1989 г.

Замкнутый круг

Часовыми поясами разделенные,
Между нами – связь скупая телефонная,
И почти что полпланеты
С сотнями воздушных трасс,
Невозможность созвониться
Ну хотя бы в месяц раз
Нас не спасает от разговоров ни о чем,
И расстоянья тут ни при чем.

А когда я сяду рядом,
Загляну в твои глаза,
Снова встанут между нами
Часовые пояса,
И все те же полпланеты
С сотнями воздушных трасс,
Ожидание рассвета
И обрывки скучных фраз
Нас разделяют,
И одиночества недуг
Нас замыкает в тесный свой круг.

Мы с тобой никак не можем
Разобраться что к чему,
И никто нам не поможет
И не скажет почему,
Почему нам вместе трудно
И еще труднее – врозь,
Что-то случилось,
Что-то стряслось.
Что-то случилось,
Что-то стряслось.

И давно пора, пожалуй,
Разомкнуть нам этот круг,
Только вот преградой стала
Память губ и память рук,
Понимать не хочет память,
И не хочет память знать
Тех проблем, что между нами
Успевают возникать,
Оберегает
И не считается ни с чем
Но не решает наших проблем.

Мы с тобой никак не можем
Разобраться, что к чему,
И никто нам не поможет
И не скажет, почему,
Почему нам вместе трудно
И еще труднее врозь,
Что-то случилось,
Что-то стряслось.
Что-то случилось...

3/IV/1985 г.

Россия Игоря Талькова не забудет

Фатальная колесница

Глядя, как ты провожаешь разочарованьем,
День уходящий и хмуро встречаешь зарю,
Думаю, что не улучшу твоё состоянье,
Если нарушу молчанье и заговорю.

Катится, катится жизнь колесницей фатальной,
Мы – пассажиры на данном отрезке пути,
Кучер-судьба колесницею той управляет,
Кто не согласен с маршрутом, тот может сойти.

Видя, как ты постоянно уходишь в забвенье,
Ищешь спасенье в вине, я тебя не сужу,
Но думаю, что не улучшу твоё настроенье,
Если своё впечатленье о жизни скажу:

Катится, катится жизнь колесницей фатальной,
Мы – пассажиры на данном отрезке пути,
Кучер-судьба колесницею той управляет,
Кто не согласен с маршрутом, тот может сойти.

Годы пройдут, погружая тебя в ожиданье
И в созерцанье пейзажей за хрупким окном
Этой, катящейся вдаль, колесницы фатальной,
А за чертой горизонта с нею мы сойдем.

Катится, катится жизнь колесницей фатальной,
Мы – пассажиры на данном отрезке пути,
Кучер-судьба колесницею той управляет,
Кто не согласен с маршрутом, тот может сойти.

8/III/1990 г.

Праздник

Милая, сегодня праздник:
День открытых дверей в забытом доме.
Милая, невероятно то, что нам так повезло:
Я ощущаю тепло твоей ладони.

День, день и ночь, ночь и день ожидал,
Я всегда ожидал эту встречу,
Тихо скользили года, угасая вдали без следа,
А я ждал этот вечер.

Пусть между нами - стена:
У тебя я - один, у меня ты - одна,
даже пусть за стеною,
И не наша вина в том, что жизнь так сложна
И что я - не с тобою и ты - не со мною.

Милая, но мы не будем
Дом возводить из песка
и улетать в облака
с тобой не будем.

Милая, но сегодня - праздник:
Завтра закружат тебя,
нежность твою губя,
скупые будни.
Будни.

День, день и ночь, ночь и день ожидал,
Я всегда ожидал эту встречу
Тихо скользили года, угасая вдали без следа,
А я ждал этот вечер.

Пусть между нами - стена:

У тебя я – один, у меня ты – одна,
даже пусть за стеною,
И не наша вина в том, что жизнь так сложна
И что я – не с тобою и ты – не со мною.
Милая.

Самый лучший день

День воспоминаний лентой голубой
Опоясал теплый вечер.
Все, что было с нами, можешь взять с собой
И хранить до первой встречи.

Ну, а я скажу тебе: самый лучший день,
Самый лучший день у нас сегодня был,
И очень хорошо, что он уже прошел
И от последних слов меня освободил.

Ты не огорчайся, что твои слова
Я всерьез не принимаю.
Память очень часто бывает не права,
То, что было, украшая.

Так что я скажу тебе: самый лучший день,
Самый лучший день у нас сегодня был,
И очень хорошо, что он уже прошел
И от последних слов меня освободил.

Ну а капля счастья в океане слез
Растворилась безвозвратно,
И не в нашей власти сладость первых грез
Оживить воспоминаньем.

Так что я скажу тебе: самый лучший день,
Самый лучший день у нас сегодня был,
И очень хорошо, что он уже прошел
И от последних слов меня освободил.

Самый лучший день у нас сегодня был...
Самый лучший.

Спасибо, милая судьба,
Спасибо за старанье,

Но слишком долгим было ожиданье...
Спасибо, спасибо, спасибо
За вниманье,
Но слишком долгим было ожиданье...

Спасибо, спасибо, спасибо
За старанье,
Но слишком долгим было ожиданье.
Спасибо!

Моя любовь

Все как будто шло своим путем,
Медленно и верно:
Успех в делах, семья и дом
Лечили раненые нервы,
Не будили звездные дожди
Моего воображенья,
И превратились виражи
В плавное скольжение.

Скажи, откуда ты взялась,
Моя нечаянная радость
Несвоевременная страсть,
Горькая, а сладость?
Нарушив мой земной покой,
Ты от какой отбилась стаи,
И что мне делать с тобой такой,
Я не знаю.
Вздрогнул, как от выстрела, мой дом,
Стены закачало,
Когда в окно твоим крылом
Счастье постучало.
Понимал ли дом, что он теперь
Для меня стал тесен,
Оставив незакрытой дверь
И окон не завесив.

Скажи, откуда ты взялась
И опоздать не испугалась,
Моя неведомая страсть,
Моя нечаянная радость,
Нарушив мой земной покой,
Ты от какой отбилась стаи,

И что мне делать с тобой такой,
Я не знаю.

Мой уютный замок из песка
Стал как будто ниже,
И заменили облака
Рухнувшую крышу.
Ты смотрела, как под крышей той
Разгорались страсти,
Сказав, что на беде чужой
Мы не построим счастья.

Да, я бы мог, конечно, отпустить
Тебя, но это не поможет
Чужому горю, ведь простить
Меня мой дом уже не сможет,
Расстаться можно и любя,
Боль рассосется понемногу,
Но только, обманув себя,
Мы обмануть не сможем Бога.

Скажи, откуда ты взялась?!!
Нарушив мой земной покой,
Ты от какой отбилась стаи
И что мне делать с тобой такой?
Не знаю!

30/VII/1989 г.

Память

Когда зажигаются звезды в небе ночном,
Память непрошеным гостем входит в мой дом:
Тихо войдет, свечи зажжет, музыку включит
И беседу начнет.

В эту минуту твои оживают глаза,
В них, как прежде, невольно таится слеза,
Смотрят с надеждой, смотрят любя:
Вот и опять я с тобою и – без тебя.
Вот и опять я с тобою – и без тебя.

Я приглашу на танец Память,
И мы закружимся вдвоем,
И вместе с нами, вместе с нами
Помолодеет старый дом,
Ну а когда погаснут свечи
И за окном рассвет вздохнет,
Произнесет: «До скорой встречи», —
Мне тихо Память и уйдет.

Когда зажигаются звезды в небе ночном,
Память непрошеным гостем входит в мой дом:
Кружатся даты, свечи горят,
В рамке багетной опять оживает твой взгляд.

Так продолжается каждую, каждую ночь,
Ты далеко от меня и не можешь помочь,
Ты так стремишься найти свое счастье с другим,
Ты далека от меня и несчастлива с ним.
Ты далека от меня и несчастлива с ним.

Я приглашу на танец Память,

И мы закружимся вдвоем,
И вместе с нами, вместе с нами
Помолодеет старый дом,
Ну а когда погаснут свечи
И за окном рассвет вздохнет,
Произнесет: «До скорой встречи», —
Мне тихо Память и уйдет.

Я приглашу на танец Память...

Солнце уходит на Запад

Она уедет в США, он уедет в Бонн,
Я попрощаюсь с ними молча, навсегда.
Все бегут на Запад – выездной сезон,
И даже солнце каждый день спешит туда.

Солнце уходит на Запад
И убегают за ним
Те, кто не знает,
Что все в этой жизни
Имеет исток.

Солнце уходит на Запад
Но, чтобы снова родиться,
Спешит на Восток,
На Восток.

Стирает каждый новый день
В старой книжке записной
Моих друзей московских
Адреса.
И в Новый год не смеется телефон
Компанией ночной,
А в трубке слышу я чужие
Голоса.

Солнце уходит на Запад
И убегают за ним
Те, кто не знает,
Что все в этой жизни
Имеет исток.

Солнце уходит на Запад

Но, чтобы снова родиться,
Спешит на Восток,
На Восток.

Она сломалась в США, из Бонна он исчез.
Я это знал, прощаясь с ними навсегда.
У эмигрантов – грустная судьба,
А тот, кто останется здесь,
Увидит, как солнце встает
И рождается Новый век,
Кто выдержит здесь, тот поймет,
Что он – Человек.
Солнце уходит на Запад
И убегают за ним
Те, кто не знает,
Что все в этой жизни —
Имеет исток.

Солнце уходит на Запад
Но, чтобы снова родиться,
Спешит на Восток,
На Восток.

1991 г.

Я тебя люблю...

Она танцует в Сан-Франциско,
Я пою в Москве.
Вся наша жизнь похожа
На пари.
Я знаю лишь три слова
На английском языке,
Она на русском знает
Только три:
Love you!
I love you!
Я ей говорю:
Love you!
I love you!
Что означает: «Я тебя люблю!»
А между нами океан,
Борьба систем,
На страже часовые пояса,
Но разрывает телефон
Пространство без проблем,
И слышит космос только наши голоса:
Love you!
I love you!
Я ей говорю:
Love you!
I love you!
Она мне отвечает: «Я тебя люблю!»
Друзья меня не понимают,
Крутят пальцем у виска
И говорят, что я сошел с ума, возможно.
Но иногда мне кажется,
Что у всех у них – тоска
По сумасшествию такому, тоска.

Love you!
I love you!
Я ей говорю.
Love you!
I love you!
«Я тебя люблю!»

Она танцует в Сан-Франциско...

«Ценю самоотречение...»

Ценю самоотречение
И сердца - стертого до дна —
Души святое очищенье
Дается нам.

Ценою мук непроходящих,
Глухой тоски, ночей без сна —
Любви мгновенья настоящей
Даются нам.

За череду сплошных ненастий
И за печаль, что так длинна.
Крупица истинного счастья —
Награда нам.
Того, кто сил нашел ДЕРЖАТЬСЯ
И возрождаться вновь и вновь,
Найдет и истинное счастье,
И настоящая любовь.

Ничто так просто не дается
Нам в этой жизни —
Закон таков!
За счастье надобно бороться,
И за мечту,
И за любовь.

Маленькая планета

Черная бездна, звездная пыль,
Холодом дышит вечность,
Переплетая сказку и быль,
Миг и бесконечность.

Кто-то когда-то задал маршрут,
Не объяснив секрета,
И совершает неведомый путь
Маленькая планета.

Припев:

Крутится, вертится шар голубой,
Нас на груди качая,
Крутится, вертится не для того,
Чтоб всё начинать сначала.

В окруженье стаи вездесущих ракет
Так нелегко вращаться!
Всё-таки пять миллионов лет
Отдано цивилизации!

Мелкою дрожью на полюсах
Дает себя знать усталость,
И застывает вопрос на устах:
«А сколько еще осталось?»

Припев.

Кто-то когда-то задал маршрут,
Не объяснив секрета,
И совершает неведомый путь
Маленькая планета.

На полюсах все сильнее дрожит,
Двигается по зигзагу,
Словно пытаюсь нас удержать
От рокового шага.

Припев.

Метаморфоза

Обрядился в демократа
Брежневский «пират»,
Комсомольская бригада
Назвалась программой «Взгляд»,
Минздрав метнулся к Джуне,
Атеисты хвалят Глоб,
И бомбит жлобов с трибуны
Самый главный в мире жлоб.

Метаморфоза... Метаморфоза...
Перестроились комсорги,
В шоу-бизнес подались,
И один из них свой орган
Называет фирмой «ЛИС'С».
Резко стал капиталистом
Коммунист из Госкино:
Вместо фильмов о чекистах
Рекламирует «порно».

Метаморфоза... Метаморфоза...
Может, это и нормально,
Может, так и быть должно:
Все, что было аморально,
Стало не аморально.
Перестроиться не сложно,
Только вот ведь в чем беда:
Перестроить можно рожу,
Ну а душу – никогда.

Метаморфоза... Метаморфоза...

10/IV/1991 г.

Саквояж

Я рояль закрою, свечи погашу,
Прежде чем присяду у порога.
Году уходящему рукою помашу
И шагну на новую дорогу.

А возьму я с собой в дорогу
Незатейливый багаж:
Года старого уроки
Упакую в саквояж.
Неудачи и удачи,
Радость, грусть, печаль и смех,
В потайной кармашек спрячу
Я надежду на успех.

Вы не огорчайтесь, если старый год
Скуп был в исполнении желаний,
Новая дорога ждет вас у порога
И не обманет ваших ожиданий.

Вы возьмите с собой в дорогу
Незатейливый багаж,
Года старого уроки
Упакуйте в саквояж.
Неудачи и удачи,
Радость, грусть, печаль и смех,
В потайной кармашек спрячьте
Вы надежду на успех.

Маленький город

Вот поезд тронулся, и позади
Остался маленький город.
Смешно, конечно, но только в пути
Я пойму, как он мне был дорог.
Ну а пока, скорость набрав,
Мой поезд весело мчится.
Это потом я сорву стоп-кран
И сойду, чтоб к нему возвратиться.

Маленький город, маленький город
С улицами в три дома,
С шепотом тополей за окном,
До боли родной и знакомый.
Маленький город, маленький город,
Ты обо мне скучаешь.
И в колыбели ласковых снов
Детство мое качаешь.

В шуме и гаме больших городов
Я долго буду скитаться,
И ты мне поможешь, как истинный друг,
Не споткнуться, не потеряться.
И под небом далеких стран
Долго мне будешь сниться,
Ну, а потом я сорву стоп-кран
И сойду, чтоб к тебе возвратиться.

Да я, конечно, сорву стоп-кран
И сойду, чтоб к тебе возвратиться!

III/1986 г.

Примерный мальчик

Я в детстве был примерный мальчик,
По всем предметам успевал,
Решал безумные задачи:
И все как надо понимал.

Читал я правильные книги,
Как образцовый пионер,
Учителя меня любили
И приводили всем в пример.

Ну как же всем им плохо стало,
А завуч просто занемог,
Когда я в руки взял гитару
И начал шпарить в стиле рок.

Читать неправильные книги
Я стал тайком по вечерам,
На дискотеках лихо прыгать
И посещать на Пасху храм.

«Ну что случилось, что такое,
Вселился в парня сатана». – «Да», —
Кричали хором педагоги,
А завуч плакал у окна.

«Ведь был такой хороший мальчик,
На скрипке полечку играл,
Решал безумные задачи
И все как надо понимал».

Но они не понимали
То, что понять я сразу смог,

На разрисованной гитаре
Играя запрещенный рок,

Читая книги не такие
Тайком от всех по вечерам,
На дискотеках лихо прыгая
И посещая Божий храм.

Когда над миром солнце всходит
И пробуждается рассвет,
Я наблюдаю за природой
И только в ней ищу ответ

Иду себе своей дорогой
И, как за флаг, держусь за мысль,
Что нет мудрее педагога
Чем наша собственная жизнь.

Я вернусь

Я мечтаю вернуться с войны,
На которой родился и рос,
На руинах нищей страны
Под дождями из слез.
Но не предан земле тиран,
Объявивший войну стране,
И не видно конца и края
Этой войне.

Я пророчить не берусь,
Но точно знаю, что вернусь,
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а гениев.
И, поверженный в бою,
Я воскресну и спою
На первом дне рождения страны,
Вернувшейся с войны.

А когда затихают бои,
На привале, а не в строю,
Я о мире и о любви
Сочиняю и пою.
Облегченно вздыхают враги,
А друзья говорят: «Устал»...
Ошибаются те и другие:
Это - привал.

Я завтра снова в бой сорвусь,
Но точно знаю, что вернусь,
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а гениев.
И, поверженный в бою,

Я воскресну и спою
На первом дне рождения страны,
Вернувшейся с войны.
С войны - вернусь.
Вернусь.

VIII/1990 г.

Живите!
Не бойтесь
и верьте.
Я с вами.

Мно.в
Филевский

notes

Примечания

1

Воспоминания Владимира Талькова даются курсивом.

2

Адрес музея: Москва, Черниговский пер., д. 9/13.